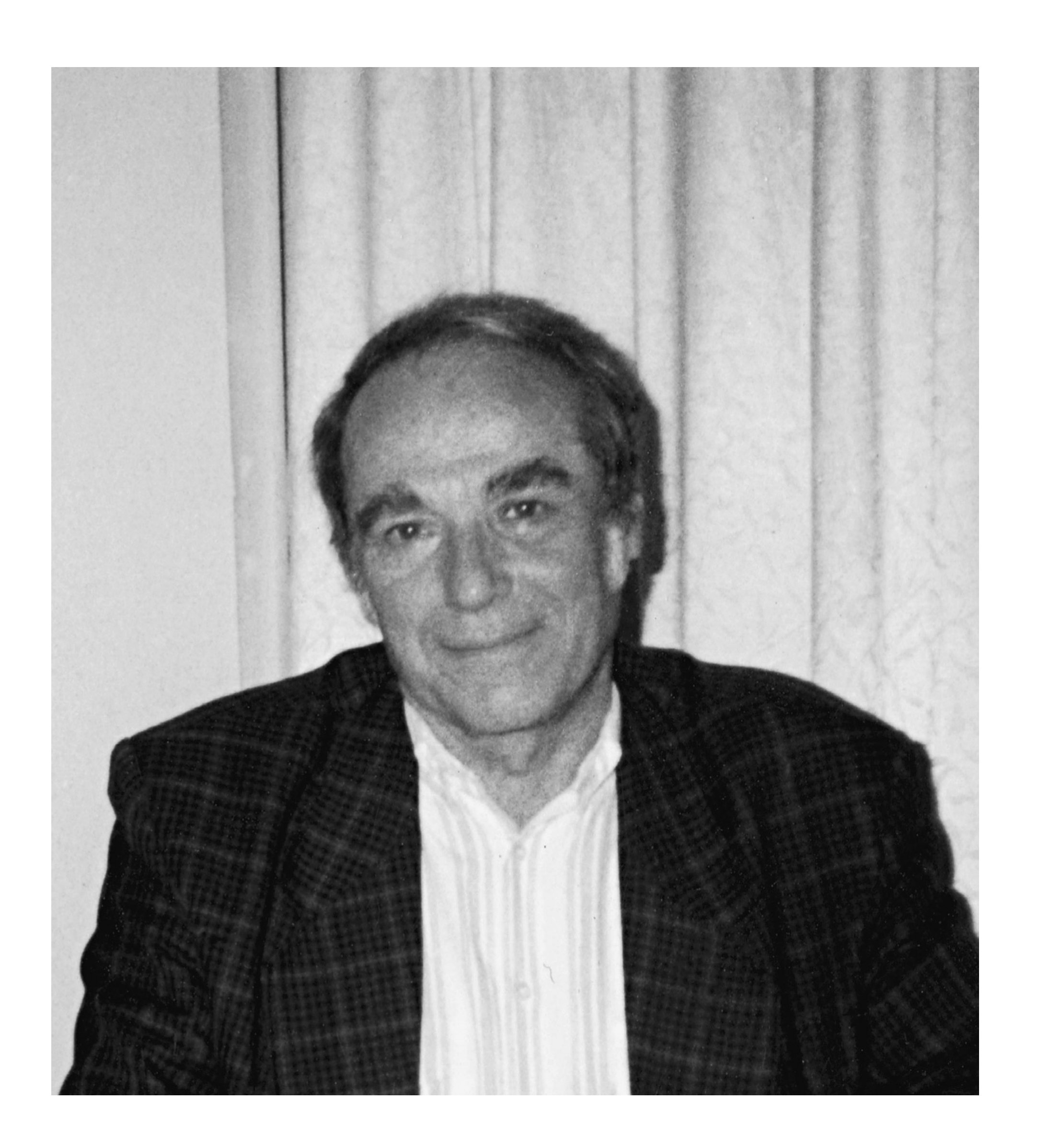
Р. Г. КРАСЮКОВ

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

Р. Г. КРАСЮКОВ

1935-2008

Р. Г. КРАСЮКОВ

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

Санкт-Петербург
2010

Красюков Р. Г.

Генеалогические миниатюры

В настоящее издание включены 8 генеалогических статей Р. Г. Красюкова, опубликованных в 1994 – 2000 гг. в различных изданиях и отобраных для публикации в виде сборника самим автором.

ПАМЯТИ РОСТИСЛАВА ГРИГОРЬЕВИЧА КРАСЮКОВА

Теперь, в возрасте более чем зрелом, оглядываешься назад чаще, чем заглядываешь в будущее. Вспоминая прожитое, понимаешь, что знакомств было множество, а настоящих друзей – гораздо меньше. Среди тех избранных друзей, которых называешь настоящими, был Ростислав Григорьевич Красюков.

Он родился в 1935 году в Ленинграде в семье контр-адмирала Григория Михайловича Красюкова и его супруги Лидии Алексеевны, урожденной Мардари. Историю любил с малых лет, но отец настоял, чтобы сын поступил в Ленинградское Нахимовское училище. Вместе с ним учился Михаил Сергеевич Глинка, ныне известный писатель, племянник знаменитого историка и искусствоведа Владислава Михайловича Глинки.

После окончания в 1953 году училища, Ростислав Григорьевич надолго связал свою судьбу с военно-морской службой, которую закончил в 1986 году в звании капитана первого ранга, кавалера ордена Красной Звезды и лауреата Государственной премии за участие в разработке и испытании новых видов морских вооружений. Но история и генеалогия всегда продолжали интересовать морского офицера.

Первый раз мы встретились у знатока русской генеалогии, искусствоведа Всеволода Николаевича Петрова в начале семидесятых годов прошлого века. Тогда еще не было ни генеалогических семинаров, ни конференций. Официально генеалогией никто не занимался. Друзья Всеволода Николаевича – Андрей Валентинович Помарнацкий и Владислав Михайлович Глинка – приблизились к ней в издании книги «Военная галерея 1812

года Зимнего дворца». Но уже печатались труды С. Б. Веселовского, а у Всеволода Николаевича, Владислава Михайловича и Андрея Валентиновича сохранились прежние редкие издания по русской генеалогии.

За обеденным столом велись интереснейшие разговоры. Андрей Валентинович был прекрасным рассказчиком и писал изумительные миниатюрные новеллы о «бывших» людях, публиковать которые тогда возможности не было. Там мы впервые познакомились с Дмитрием Михайловичем Шаховским, начинавшим тогда издавать в Париже свой многообещаюий и многотомный труд «Sosiéte et noblesse Russe».

Живую и непосредственную радость таких встреч мы с Ростиславом Григорьевичем сохранили и в дальнейшем, когда наши старшие наставники покинули нас. Сначала в его гостеприимной квартире на Институтском проспекте Выборгской стороны, а позже – на улице Пестеля, уже в центре города. Принимала гостей хозяйка дома Наталия Иосифовна, потом, подрастая, включался в нашу компанию их сын Сережа.

Я бы мог встретиться с Ростиславом Григорьевичем и раньше, в 1967 году, когда появился на экранах фильм «Перед судом истории», и из небытия возникла фигура Василия Витальевича Шульгина. Кстати, тогда в сознании 1917 год был гораздо более далеким, чем сейчас.

Возможность увидеть живого Шульгина поражала воображение. Но я не поехал во Владимир, где ему разрешили жить после заключения, хотя мог, а Ростислав Григорьевич решился. И это при том, что он находился в куда более сложном положении, работая в военном ведомстве. С помощью главного хранителя Павловского дворца-музея А. М. Кучумова, который был научным консультантом вышедшего фильма, Ростислав Григорьевич связался с В. В. Шульгиным и поехал к нему во Владимир.

Сначала Василий Витальевич отнесся к приехавшему настороженно, полагая, что его заслали «из органов», однако Ростиславу Григорьевичу удалось расположить к себе Шульгина, который остро нуждался в помощнике. Сначала во Владимире, а после и в Ленинграде, где Шульгин останавливался в квартире Красюковых, Василий Витальевич диктовал своему новому секретарю воспоминания.

Ростислав Григорьевич вспоминал: «Несмотря на то, что днем я был занят на службе, работа вечерами с Василием Витальевичем была мне не в тягость. В истории меня привлекала связь времен и В. В. Шульгин был этой живой связью». Конечно, он совершил подвиг, записав воспоминания Василия Витальевича, а затем их опубликовав.

В Москве, у Ю. Б. Шмарова я познакомился в свое время с машинописной копией труда К. А. Губастова «Генеалогические сведения о русских дворянских родах, происшедших от внебрачных союзов», даже переписал их для себя. Дальше моей фантазии не хватило. Но Ростислав Григорьевич, как истинный подвижник, опубликовал этот справочник в варианте, хранившемся в РГИА, снабдив его обширными примечаниями и подобрав сведения, дополняющие текст К. А. Губастова. Это серьезное научное исследование.

Ростислав Григорьевич считал, что смог сосредоточиться на любимом деле лишь уйдя в запас с военно-морской службы. В генеалогии его интересовало больше не личное родословие, а генеалогия правящих домов Европы, особенно германских государств и дома Романовых, а также судьбы русских эмигрантов. Много внимания он уделял библиографии генеалогии.

К моменту, когда у И. В. Сахарова возникла мысль о создании в Ленинграде генеалогического семинара (1987), Красюков уже был известен как специалист, серьезно занимающийся генеалогическими исследованиями, в том числе архивными. Именно с ним Игорь Васильевич обсуждал эту идею и нашел в нем активного помощника. С момента создания семинара и до отъезда на постоянное место жительство в ФРГ Ростислав Григорьевич неизменно участвовал в его работе, выступал с докладами. Среди них были доклады, посвященные династии адмиралов Пилкиных, истории рода Биронов, герцогов Мекленбург-Стрелицких, Великому Князю Николаю Константиновичу Романову и его потомству, вопросу о престолонаследии в России, советской генеалогической литературе.

При создании Русского генеалогического общества в 1991 году Ростислав Григорьевич стал одним из его членов-учредителей и был избран в Совет РГО. Он же был одним из инициаторов начала издательской деятельности РГО и стал членом редколлегии журнала «Известия РГО». Участвовал в ежегодных конференциях «Элита российского общества XIX – начала XX вв.», опубликовал ряд работ в сборнике «Из глубины времен», одновременно сотрудничал в журнале «Историческая генеалогия». Свои работы печатал также в «Дворянском календаре», в биографическом альманахе «Лица», где были опубликованы воспоминания В. В. Шульгина. С начала 1990-х годов работал руководителем генеалогического центра при представительстве Мальтийского ордена в Санкт-Петербурге. Подготовил и издал книгу «Император Павел I и орден Святого Иоанна Иерусалимского в России». Поражаюсь, как у него на все хватало времени!

Ростислав Григорьевич всегда отличался принципиальностью в отстаивании своих позиций. Мне казалось: какая разница, есть ли права у претендентов на российский императорский престол. Это ведь позавчерашний день. И когда в съемках моего фильма «Александр II» участвовал Владимир Кириллович Романов, я воспринимал это как историческую данность: правнук Александра Второго рассказывает про своего прадедушку. Только-то и всего… Но непримиримая позиция, с которой Ростислав Григорьевич выступал против претензий княгини Марии Владимировны на главенство в Доме Романовых, его острые публикации по вопросу прав Кирилла Владимировича заставляли призадуматься, может быть это действительно значимый вопрос?

Меня всегда поражала удивительная коммуникабельность Ростислава Григорьевича. Как быстро он умел находить контакты с сотрудниками архивов, музеев, библиотек! Как они внимательно откликались на его

просьбы! В Германии, где он жил с 1998 года, в общем-то, довольно плохо зная немецкий язык, он много работал в архивах и библиотеках Регенсбурга и Берлина, вел обширную переписку с корреспондентами из Европы и Америки, поддерживал контакты с членами и правлением берлинского генеалогического общества «Herold», в котором состоял.

Конечно, жалко, что многое из задуманного им осталось незавершенным. Как много он мог еще сделать, если бы не тяжелая болезнь и безвременный уход!

Вдоль и поперек он исходил русские аллеи берлинского кладбища «Tegel», составил полный, почти готовый к публикации справочник. Хорошо, что стараниями его коллеги Вадима Николаевича Рыхлякова и сына Сергея некрополь увидит свет. А также выходит сборник трудов этого удивительного человека.

10.01.2010
К. Артюхов.

ДВОРЯНСКИЙ РОД КУРИСОВ
(историческая справка)

В России известны три разных рода, объединенных фамилией Курис, но только один из них был принят в среду российского дворянства по военным заслугам своих предков.

Фактически представители этого рода Курисов еще со второй половины XVIII в. писались дворянами (малороссийским шляхетством), однако формальное закрепление этого права за ними впервые состоялось лишь в 1884 — 1847 гг. Более тщательное исследование позволило установить точную дату правового оформления этого вопроса. В 1793 г. подполковник Иван Онуфриевич Курис [2*] был награжден орденом Св. Георгия III степени. В связи с этим, по существовавшим тогда законам, как георгиевский кавалер он автоматически считался потомственным дворянином со времени производства в первый офицерский чин, т. е. с 1784 г. Этот год и следует принять за официальную дату возведения Курисов в дворянское достоинство Российской Империи. Согласно Жалованной грамоте дворянству 1785 г. («Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского дворянства») Курисы могут отнести себя в настоящее время к старинным дворянским фамилиям, так как доказано, что их род существует более двухсот лет.**

** Здесь и далее номера указывают на место каждого лица в родословной росписи (прил. 1)*

*** Согласно «Грамоте...» к старинным родам принадлежали такие, которые могли доказать свое происхождение не менее чем за сто лет.*

Каковы же истоки происхождения рода? По преданиям родоначальником его являлся один из греков, поселившиеся в городе Нежине во второй половине XVII в. при царе Алексее Михайловиче, откуда затем его потомки расселились по всей Малороссии и частью слились с тамошними казаками[1]. Первым достоверным лицом является сотенный городовой атаман Онуфрий Курис [1], служивший в Полтавском малороссийском полку и произведенный в 1782 году в армейские прапорщики[2].

Его сын, упоминавшийся выше Иван Онуфриевич Курис [2], является выдающейся личностью. Благодаря ему потомки его смогли занять достойное место в среде благородного сословия.

Не получив в детстве и. юности достаточного образования (учился по обычаю того времени дома по часослову* и псалтырю**), он компенсировал его природной сметливостью, любознательностью и трудолюбием. Поступив в 1773 г. рядовым в Днепровский пехотный полк, И. О. Курис за 24 года службы в армии дослужился до полковника. Где бы он ни служил и какую бы должность ни занимал, он старался усовершенствовать свои знания и никогда не уходил от решения возникших проблем. Так, например, попав временно на службу чиновником в штат Новороссийской губернии, Иван Онуфриевич приобрел здесь навык к канцелярской работе, что впоследствии пошло ему на пользу.

Другим его качеством была отчаянная храбрость. Впервые он проявил себя в 1787 г. при отражений нападений турок на Кинбурнскую косу, благодаря чему сделался лично известным А. В. Суворову. Ценя в людях храбрость, сметливость и ум, полководец приблизил к себе Ивана Онуфриевича, который с тех пор всегда сопровождал А. В. Суворова и участвовал под его началом во всех кампаниях. За четкость и пунктуальность в исполнении его приказаний И. О. Курис был назначен правителем дел канцелярии своего начальника по секретной части[3].

О степени оценки боевых качеств И. О. Куриса А. В. Суворовым свидетельствует следующий факт. Во время празднования в Херсоне в 1793 г. Ясского мира он возложил на него Георгиевский крест за взятие Измаила. Императрица Екатерина II предоставила право полководцу наградить им на выбор одного из своих подчиненных[4].

Правда, семейные предания Курисов сохранили до наших дней несколько иную версию этого события. Якобы благодаря козням врагов А. В. Суворова в Петербурге, лавры победителя достались князю Г. А. Потемкину-Таврическому, а истинного героя как будто забыли. Императрица наградила А. В. Суворова за взятие Измаила только званием подполковника гвардии (сама она была полковником) и прислала ему сначала один знак ордена св. Георгия III степени с правом наградить достойнешего.

** Часослов — православная богослужебная книга, содержащая молитвы и песнопения суточного круга богослужения, в том числе служб, называемых «часами» (отсюда и название).*

*** Псалтырь или Книга псалмов — одна из книг Библии, содержит 150 псалмов; в Средние века была основной учебной книгой для овладения словесностью.*

А. В. Суворов созвал совещание из своих ближайших помощников и подчиненных, чтобы определить достойнейшего. Совещание решило, что наиболее достойной кандидатурой является сам Александр Васильевич. «Помилуй Бог! — отвечал А. В. Суворов, — где же нам заслуживать этого! А вот, господа генералы и офицеры, я имею человека, так это действительно герой; этот человек необыкновенно храбро написал мне для подписи бумагу: идти на штурм! А я то что? Я только подписал!» И с этими словами надел Георгиевский крест на И. О. Куриса[5].

Этот случай стал известен при Дворе, императрица много смеялась и щедро наградила и войско, бравшее Измаил, и А. В. Суворова, и И. О. Куриса. В частности, последний получил по представлению полководца несколько тысяч десятин земли во вновь завоеванном крае.

Этот сохранившийся в семье Курисов рассказ, передававшийся; из поколения в поколение, по нашему мнению свидетельствует еще об одной черте характера Ивана Онуфриевича — чувстве юмора. История же свидетельствует, что А. В. Суворов выбирал и приближал к себе людей действительно исключительных.

В 1799т г. Иван Онуфриевич Курис был вынужден оставить военную службу из-за болезни[6]. Этому предшествовали следующие обстоятельства. Для легкости и скорости А. В. Суворов всегда ездил в телеге в сопровождении И. О. Куриса. Однажды, в феврале 1792 г., во время одного из таких переездов, в горах под Севастополем телега опрокинулась, и спутники выпали из нее. А. В. Суворов расшиб грудь и колено, а И. О. Курис — правую руку. Со временем прогрессировавшая болезнь руки стала сильно мешать ему исполнять свои обязанности[7].

Перейдя на гражданскую службу, он недолго побывал вице-губернатором в Новгороде и губернатором в Оренбурге[8] и на Волыни. Отойдя в 1801 г. от активных дел,[9] он числился состоящим на службе при Герольдии Правительствующего Сената, но был «не у дел». На такую должность зачислялись те лица, которые в последнее время своего служения занимали места гражданских губернаторов[10]. Это был своего рода гуманный акт правительства, которое тем самым оплачивало прошлые заслуги своих ветеранов. В 1834 г. Правительствующий Сенат своим указом сообщил, что император Николай Павлович повелел всех таких чиновников удалить от службы с правом получения пенсии. В числе 24 бывших гражданских губернаторов был уволен на пенсию и И. О. Курис[11].

Оказавшись не у дел, Иван Онуфриевич полностью посвятил себя новому виду деятельности — хозяйствованию. 24 февраля 1793 г. правитель Екатеринославского наместничества генерал-майор В. Коховский выдал ему так называемый «открытый лист» на право владения землями в устье речки Балай при впадении ее в Тилигульский лиман:

«Господину подполковнику и кавалеру Ивану Онуфриевичу Курису по прошению его назначена земля в новоприобретенной от Порты Оттоманской области по правую сторону речки Тилигула, при устье речки Балая и по обеим сторонам оврага Балайчука шесть тысяч десятин; да

для устроения на реке Тилигуле водяной мельницы позволяется ему, господину Курису, на основании межевой инструкции иметь к левому берегу одно прикосновение плотиною*.

Я … предписываю: в поселении на той земле выводимых из заграничных мест людей и в заведении домостроительства и экономии,** равно и в построении плотины и мельницы, не чинить ему, г. подполковнику и кавалеру. никакого препятствия»[12].

Действуя решительно и энергично, он начал переселять часть своих крепостных крестьян из принадлежащего ему села Луциковки Лебединского уезда Слободско-Украинской (впоследствии Харьковской) губернии. В короткий срок он создал посреди степи две деревни (Кайры и Александровку) и село Покровское, названное им так в память Кинбурнского сражения, происшедшего в день, когда православная церковь празднует Покров Пресвятыя Богородицы (1 октября)[13].

В 1795 г. в село Покровское и в деревню Каиры было переселено 272 человека[14]. В 1817, 1822, 1834 и 1837 гг. производились новые переселения крестьян[15]. Из них наиболее крупным было последнее, когда в село Покровское из села Луциковки были переведены 33 семьи (140 человек)[16]. Переселения производились до конца 40-х годов XIX в. Затем увеличение населения происходило за счет естественного прироста[17].

В новом имении были построены плотина, мельница, каменная церковь, господский дом. Крестьяне в основном занимались земледелием. В 1853 г. село было наименовано местечком Курисово-Покровским (Балай)[18] (ныне поселок Любополь Одесской области, примерно в 60 километрах к северо-востоку от Одессы).

Так Иван Онуфриевич Курис заложил на многие десятилетия фундамент благосостояния рода Курисов.

После его смерти осталось четверо детей: сыновья — Платон, Ираклий, Александр, и дочь София (старший сын Егор, по-видимому, скончался в раннем возрасте, так как никаких сведений о нем найти не удалось).

По обычаям тех лет все сыновья посвятили себя военной службе. Однако *Платон Иванович* [4] и *Ираклий Иванович* [5] оставили военную службу, так как понимали, что серьезное занятие делами своих имений требует их личного участия и непосредственного руководства хозяйством. Платон Иванович Курис прослужил некоторое время гражданским чиновником в Феодосии и Херсоне, но затем оставил и эту службу. Правда, служа в Феодосии, он не оставлял своих хозяйственных занятий и приобрел в Крыму ряд земель в Феодосийском и Ялтинском уездах, дававших ему неплохой доход.

Иначе сложилась судьба младшего сына Ивана Онуфриевича — *Александра Ивановича Куриса* [6]. Он также как и его старшие братья избрал военную карьеру. Прослужив некоторое время в 1-м Бугском уланском полку, в 1829 г. он был переведен в лейб-гвардии Гусарский полк[19].

** Одна владельческая (хозяйственная) десятина равна 1,45 гектара.*

*** Экономия — до 1917 г. название крупного помещичьего хозяйства на Украине.*

С началом Польского восстания полк в составе частей Гвардейского корпуса, выделенных для подавления восстания, участвовал в боях с поляками. 4 мая 1831 г. в одной из стычек у местечка Соколово близ г. Остроленка поручик А. И. Курис был убит[20].

Оставленное Иваном Онуфриевичем Курисом довольно многочисленное потомство чуть было не пресеклось, так как только у Ираклия Ивановича Куриса [5] был единственный сын *Иван Ираклиевич* [8]. С его именем связаны, во-первых, дальнейшее укрепление экономического благосостояния семьи, и во-вторых, совершенно новая, культурная, сфера деятельности Курисов.

При нем местечко Курисово-Покровское достигло своего наивысшего расцвета, а Курисы стали одним из самых знатных и уважаемых дворянских родов на Юге России. Его деятельность была разносторонней: сначала почетный мировой судья, затем председатель мирового суда, гласный Одесского уездного и Херсонского губернского собраний, наконец, в течение 22 лет губернский предводитель дворянства. Однако самой плодотворной была его деятельность в области сельского хозяйства. Любя это дело, он посвящал ему все свободное время. Отказавшись в 1895 г. от должности губернского предводителя дворянства, Иван Ираклевич переехал в свое роскошное имение Курисово-Покровское и всецело отдался сельскому хозяйству, превратив Курисово-Покровское в настоящий оазис среди безжизненных и песчаных херсонских степей[21]. К концу жизни Ивана Онуфриевича в местечке проживало около двух тысяч человек. Помимо земледелия успешно развивалось овцеводство (его поголовье увеличилось с 6 тысяч в 1851 г. до 12 тысяч в 1882 г.),[22] с 1873 г. производилось искусственное лесоразведение. Высаживались такие породы деревьев, как акация, ясень, береста, гледичия и др[23]. В окрестностях местечка действовала каменоломня. Успешная деятельность в этой области привела к тому, что И. И. Курис дважды избирался президентом Общества сельского хозяйства южной России.

Но не только этим был знаменит Иван Ираклиевич Курис. Он был одним из выдающихся в России коллекционеров. В основе его коллекции лежали бумаги А. В. Суворова, Г. Р. Державина, графа Д. И. Хвостова и других, с которыми переписывался его дед Иван Онуфриевич Курис. Эти документы послужили ценным материалом для составления биографии А. В. Суворова[24]. Со временем эта коллекция пополнилась автографами таких русских писателей и поэтов, как А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, В. А. Жуковский, Н. И. Греч, П. А. Вяземский, Ф. И. Тютчев, Ф. В. Булгарин; их автографы он покупал не только в России, но и на аукционах в Париже[25].

Обладая огромным состоянием, Иван Ираклиевич не ограничился собиранием только автографов. Он коллекционировал книги, скульптуры, фарфор, фаянс, мебель, картины и гравюры, археографические, нумизматические и филателистические коллекции, различные бытовые предметы, имевшие художественное значение[26].

Книги он начал собирать в ранней юности и к концу жизни его библиотека содержала 20 тысяч томов. Особый интерес проявлял к библиофильским и антикварным изданиям, очень любил художественные переплеты. Большое количество книг по его заказу были переплетены лучшими французскими переплетными фирмами. Он разработал также шесть типов экслибрисов для своей библиотеки, в основном это были тиснения на кожаном переплете различных вариантов его герба[27].

Собрание живописи по свидетельству специалистов содержало несколько первоклассных вещей. Здесь были произведения Альбрехта Дюрера, Ганса Гольбейна, Филиппино Липпи Андреа дель Сарто, К. Брюллова, Лампи, Венецианова, Яна Минсе Моленара, Миньяра, Терборха, Бургиньона и др[28].

Коллекция гравюр состояла главным образом из портретов русских государей и наших знаменитых деятелей и содержала немало редких листов.

Коллекционирование сочеталось у Ивана Ираклиевича Куриса с довольно щедрой благотворительностью. В 1889 г. он выставил на продажу с аукциона в Берлине большую партию своих гравюр. В числе их была очень редкая гравюра работы неизвестного английского мастера начала XVIII в. с портрета Петра I, писанного в Англии в 1697 г. придворным живописцем английского короля Готфридом Кнеллером. Этой гравюрой заинтересовалась Императорская Публичная Библиотека в Санкт-Петербурге, которая обладала самой полной коллекцией гравированных портретов Петра I, так как именно этой гравюры у нее не было. Узнав об этом, Иван Ираклиевич снял, с аукциона эту и еще две редкие гравюры с изображением Петра I и приподнес их императору Александру III,. который в свою очередь пожаловал гравюры Библиотеке[29].

Большое пожертвование по археологии, и нумизматике он сделал Музею Одесского общества истории и древностей.

Коллекционирование:, сопровождалось глубокой научной деятельностью Ивана Ираклиевича Куриса. Будучи членом Одесского общества истории и древностей, он сотрудничал в издаваемых Обществом «Записках» и в таких крупных и авторитетных журналах, как «Русская старина», «Русский: архив»,. «Киевская старина», участвовал в VI Археологическом съезде в Одессе, играя активную роль в организации выставки при съезде[30].

Жизнь и деятельность Ивана Ираклиевича в Одессе настолько переплелись с жизнью местного общества, что внезапная смерть его 2 марта 1898 г. произвела тяжелое и удручающее впечатление в городе. После себя он оставил сыновей *Ивана Ивановича* [9] и *Александра Ивановича* [10] и дочь *Елену Ивановну* [11].

Иван Иванович Курис [9] около 15 лет прослужил в лейб-гвардии Гусарском полку (г. Царское Село) и в чине полковника в 1907 г. вышел в отставку. Будучи молодым офицером, он жил в казармах полка на Волконской улице Царского Села, затем в Санкт-Петербурге на Почтамтской улице, в доме № 17. Женившись на Елизавете Николаевне Петровой, он

переехал вновь в Царское Село, где снимал квартиру в доме светлейшей княгини Имеретинской на Средней улице.

Выйдя в отставку, он вскоре купил в Царском Селе дом на Павловском шоссе, № 13, куда, по-видимому, перевез из имения большую часть коллекций, доставшихся ему после смерти отца.

После революции 1917 г. Иван Иванович Курис, его жена, жена брата и сестра эмигрировали во Францию, где открылась новая страница в истории этого рода.

Судьба огромной коллекции Курисов оказалась печальной. Она разделила судьбу многих других коллекций, национализированных советской властью в 1919 г. После революции советским правительством был образован Государственный музейный фонд в Москве с отделениями в различных городах. В частности, в Царском Селе, переименованном в Детское Село, было создано Детскосельское отделение музейного фонда, располагавшееся во дворце княгини О. В. Палей, морганатической жены великого князя Павла Александровича. Туда были свезены частные собрания из дворцов и особняков бывшего Царского Села: великой княгини Марии Павловны, князей Кочубеев, графов Остен-Сакенов, И. И. Куриса и др.

Из Детскосельского отделения музейного фонда часть вещей была передана Детскосельским дворцам-музеям. В конце двадцатых — начале тридцатых годов некоторые из них были проданы за границу через Всесоюзное общество «Антиквариат», другие погибли во время войны 1941 —1945 гг., так как Царское Село было оккупировано немецкими войсками.

Другая, большая часть коллекции И. И. Куриса в 1927 г. была перевезена в Ново-Михайловский дворец (дворец великого князя Михаила Николаевича) на Дворцовой набережной. Здесь научно-художественная экспертная комиссия Ленинградского отделения музейного фонда провела их осмотр и разделила по номенклатурам: живопись, мебель, фарфор, фаянс, стекло, военный фонд и госфондовское имущество (так называемая номенклатура № 8). В последнюю попадали вещи из всех номенклатур, предназначавшиеся на распродажу.

Удалось проследить, что порядка 80% вещей из коллекции И. И. Куриса попали в кладовые этой «номенклатуры № 8», откуда они были переданы по акту на распродажу через сеть магазинов г. Ленинграда.

Библиотека И. И. Куриса была передана в Государственный книжный фонд и затем тоже распродана через Книжную лавку писателей. Автору известно, что 17 книг из огромного двадцатитысячного книжного собрания И. И. Куриса хранятся в отделе редкой книги Библиотеки Эрмитажа[31].

Так закончилось более чем двухсотлетнее служение Курисов России.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Иван Онуфриевич Курис//Записки Одесского общества истории и древностей. Т. VIII. Одесса, 1872. С. 278.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 279.
[4] РГИА. Ф. 1343. Оп. 23, Д. 10845. Л. 16.
[5] Данилевский Г. Суворовские бумаги, сохраненные в семействе бывшего его правителя дел Куриса//Журнал Министерства Народного Просвещения. Ч. XCII. СПб, 1856. С. 30 —31.
[6] РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 10844. Л. 6; Д. 10845. Л. 18.
[7] Записки Одесского общества истории и древностей. С. 279.
[8] РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 10844. Л. 7; Д. 10845. Л. 19, 20, 21.
[9] РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 10845. Л. 22.
[10] Там же. Л. 25.
[11] Там же. Л. 24.
[12] Местечко Курисово-Покровское (Баглай тож). Статистическое описание поселения. Одесса, 1883. С. 5 — 6.
[13] Записки Одесского общества истории и древностей. С. 280.
[14] Местечко Курисово-Покровское. С. 88.
[15] Там же. С. 90.
[16] Там же. С. 91.
[17] Там же.
[18] Записки Одесского общества истории и древностей. С. 280; Местечко Курисово-Покровское. С. 4; Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 23. Пгд., 1915. Стлб. 707.
[19] Манзей К. История лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка. 1775 — 1857. Части 1 — 4. СПб, 1859. С. 123.
[20] Там же. С. 171 — 172.
[21] Новое Время. 1898. 11 марта.
[22] Местечко Курисово-Покровское. С. 86.
[23] Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. С. 707.
[24] Данилевский Г. С. 31 — 32.
[25] Чистяков Б. Иван Ираклиевич Курис и его коллекция. Л., 1932. С. 3.
[26] Там же.
[27] Там же. С. 4.
[28] Э. Г. О коллекции б. Куриса//Среди коллекционеров. Ежемесячник собирательства. № 11 — 12. М., 1921. С. 72 — 74.
[29] Русская жизнь. 1902. 17 февр. № 46.
[30] Снимки с предметов и картин из собрания Ив. Ир. Куриса, бывших на выставке VI Археологического съезда в Одессе 1884 года. Одесса, 1886. С. 1 — 10.
[31] Автор выражает глубокую благодарность архивисту Р. Р. Гафифуллину за предоставление сведений о судьбе коллекции Ивана Ираклиевича Куриса после революции.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

КУРИСЫ
РОДОСЛОВНАЯ РОСПИСЬ

Род происходит от греков, переселившихся в Русское государство во второй половине XVII в. в царствование Алексея Михайловича (1645 — 1676). Первым лицом, зафиксированным в документах, был Онуфрий Курис (середина–вторая половина XVIII в).

Биографические сведения о Курисах почерпнуты из архивных документов (РГИА, ф. 1343, оп. 23, ед. хр. 10843 — 10848) и специальной справочной литературы (Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по. всем управлениям в Российской империи на [1844 — 1916] год; Весь Петербург на. [1894 — 1917] год; Almanach de St-Petersburg. 1913/14; Список генералам с означением имен, знаков отличия и старшинства в чинах. 1820 г.; Список генералитету по старшинству. 1826 г.; Список генералам, штаб и обер-офицерам всей Российской армии с показанием чинов, фамилий и знаков отличия. 1831 г.: Список генералитету по старшинству. 1832 г.; Картотека Б. Модзалевского в ИРЛИ; Русский провинциальный некрополь. Картотека Н. П. Чулкова. М. 1996;.J. Ferrand. Les Failles Princieres de l'ancien Empire de Russie. 1 partie. Paris, 1979; Грезин Иван. Алфавитный список русских захоронений на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Париж, 1995).

№ отца

I

1. Онуфрий КУРИС

Служил в Полтавском малороссийском полку сотенным городовым атаманом. В 1782 произведен в армейские прапорщики.

II

2. Иван Онуфриевич **1**

Род. около 1760, + 18.04.1836. Происходил из малороссийского шляхетства. Образование: «Грамоте по-российски читать и писать умеет, а других наук не знает»).

10.01.1773 — поступил на службу рядовым в Днепровский пехотный полк;
12.08.1775 — ротный квартирмейстер;
15.09.1777 — вахмистр;
10.09.1780 — переведен служить в штат Новороссийской гу-

бернии, произведен в регистраторы;
10.05.1784 — принят вновь на военную службу в Малороссийский Полтавский казачий полк сотником;
05.06.1786 — капитан (Таврический гренадерский полк);
06.07.1788 — секунд-майор (Козловский пехотный полк);
Июль 1788 — переведен в Санкт-Петербургский драгунский полк;
14.02.1789 — премьер-майор;
11.12.1790 — подполковник (Санкт-Петербургский драгунский полк);
1797 — полковник (Херсонский кирасирский князя Ромодановского-Лодыженского полк);
05.01.1799 — по его прошению отставлен от военной службы с награждением чина действительного статского советника;
04.04.1799 — Новгородский вице-губернатор;
09.10.1799 — Оренбургский гражданский губернатор;
27.06,1800 — Волынский гражданский губернатор;
19.01.1801 — уволен «для определения к другим делам».

Участник Русско-турецкой войны 1787—1791: сражение на Кинбурнской косе (1787); осада Очакова (1788); сражение на реке Путне (Молдавия, 20.07.1789); сражение при Фокшанах (21.07.1789); сражение на реке Рымнике (11.09.1789); взятие Измаила (11.12.1790).

Участник русско-польской войны 1794:
штурм Варшавы (04 — 06.11.1794).

Награды:

1) Орден Св. Владимира 4 степени (2.04.1790);
2) Орден Св. Георгия 3 класса (26,09.1793; утвержден Екатериною II 22.10.17793);
3) Военный орден от прусского короля (1795).

Недвижимое имущество:

1) Родовое — имение в селе Луцыкове Лебединского уезда Слободско-Украинской (впоследствии Харьковской) губернии.
2) Пожалованное (1793) — урочище Балай с 6000 десятин земли в Екатеринославском наместничестве (впоследствии Одесском уезде Херсонской губернии).

Ж.: 1) С 1794 Ульяна Ивановна Ханенкова (из потомства Малороссийского гетмана). 2). Екатерина Ивановна Дунина, дочь ген. аншефа Ивана Петровича Дунина и Марии Дмитриевны Норовой (+ 1847).

III

3. Егор Иванович **2**

Сведения о нем не сохранились.

4. Платон Иванович **2**

Род. около 1798, + 8.03.1855. Вероисповедания православного.

01.05.1814 — поступил на службу юнкером в лейб-гвардии Конный полк;
12.02.1817 — эстандарт-юнкер;
29.11.1817 — корнет;
05.07.1819 — поручик с переводом в Ингнрманландский драгунский полк;
02.10.1821 — переведен в Каргапольский драгунский полк;
20.03.1824 — уволен от службы по болезни;
05.09.1828 — чиновник особых поручений при Феодосийском градоначальнике;
01.08.1835 — пожалован чин губернского секретаря;
24.07.1836 — чиновник особых поручений при канцелярии Новороссийского и Бессарабского губернатора;
28.09.1836 — коллежский секретарь;
26.11.1836 — пожаловано звание камер-юнкера Двора Его Императорского Величества;
14.11.1836 — титулярный советник;
09.11.1841 — уволен от службы по его прошению;
03.09.1843 — назначен Почетным смотрителем училищ Сумского уезда;
31.07.1844 — коллежский асессор;
31.07.1850 — надворный советник.

В походах и делах против неприятеля не бывал.

Награды:

1) Знак отличия беспорочной службы за XV лет (22.08.1840);
2) Знак отличия беспорочной службы за XX лет (22.08.1845).

Недвижимое имущество (1844):

1) Родовое — 375 душ крепостных крестьян мужского пола и 6052 десятин земли в Лебединском уезде Харьковской губернии и 182 души крепостных крестьян мужского пола и 4000 десятин земли в Одесском уезде Херсонской губернии.
2) Приобретенное в Таврической губернии — часть соляного озера Тобечик с землею в Феодосийском уезде и садовая плантация в Ялтинском уезде.

Решением Харьковского дворянского депутатского собрания 22.04.1844 внесен во 2-ю часть дворянской родословной книги. Решение утверждено указом Герольдии Правительствующего Сената 30.09.1844.

Ж.: с 29.10.1825 Елизавета Львовна Альбрант, римско-католического вероисповедания, + 21.06.1883, дочь помещика Новороссийской губернии Херсонского уезда (впоследствии губернии) коммерции советника и кавалера Льва Альбранта. Брак бездетный.

Решением Харьковского дворянского депутатского собрания 26.07.1868 причислена к роду Курисов с внесением во 2-ю часть дворянской родословной книги.

5. Ираклий Иванович **2**

Род. 2.10.1802 (село Сорочицы Прилукского уезда Полтавской губернии), + 13.11.1849 (г. Одесса). Вероисповедания православного.

Восприемник при крещении (5.10.1802): майор Пётр Григорьевич Горленко и его дочь Анна Петровна Горленко.

Образование: «Российской грамоте читать и писать умеет, всеобщую историю, географию, языки французский и немецкий знает».

19.08.1819 — поступил на службу юнкером в 1-й Бугский уланский полк;
21.01.1821 — корнет;
01.04.1833 — поручик;
04.09.1833 — адъютант командира 2-го резервного кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Каблукова;
26.06.1834 — штабс-ротмистр;
19.11.1834 — ротмистр;
24.04.1837 — уволен от службы по его прошению из-за болезни с награждением чином майора и с мундиром.

Участник войны с Турцией 1828 — 1829: осада крепости Браилов в Молдавии и отражение вылазок турок (28.04 — 26.05.1828); осада г. Безарджику в Болгарии и взятие его штурмом (12 — 25.06.1828); осада крепости Варны в Болгарии и отражение вылазок турок (27.06 — 7.07.1828); взятие высот около лимана Девно (30.07.1828); сражение при селе Каргаш (15.09.1828); сражение при Куртене (18.09.1828). Участник войны с поляками (1831): с 01.04 по 20.11 в Подольской, Киевской и Волынской губерниях его полк обеспечивал порядок.

Награды:

1) Годовое жалованье (4.10.1829);
2) Серебрянная медаль за войну 1828—1829.

Недвижимое имущество (1845):

наследственных от отца 540 душ мужского пола крепостных крестьян при селении Покровском и деревне Александровке Одесского уезда Херсонской губернии.

Решением Херсонского дворянского депутатского собрания 29.10.1846 внесен с женою и сыном в 3-ю часть дворянской родословной книги. Герольдия Правительствующего Сената своим указом 23.05.1847 утвердила это решение, но с внесением не в 3-ю, а во 2-ю часть дворянской родословной книги.

Ж.: с 2.02.1841 Любовь Станиславовна Голынская, православного

вероисповедания, род. 18.04.1822, + 18.07.1862, дочь помещика Могилевской губернии.

6. Александр Иванович **2**

Род. ?, + 05.05.1831 (убит в сражении при Старом Якаце близ Остроленки).

06.01.1829 — из поручиков 1-го Бугского уланского полка переведен в лейб-гвардии Гусарский полк корнетом;
06.04.1830 — поручик.

7. София Ивановна **2**

М.: Богдан Богданович Нилус. 1793 — произведен в офицеры, 17.01.1820 — генерал-майор артиллерии; ком. Ижевского оружейного завода (1831).

IV

8. Иван Ираклиевич **5**

Род. 31.12.1841 (село Селичевка Чериковского уезда Могилевской губернии), +2.03.1898 (имение Курисово-Покровское Херсонской губернии Одесского уезда). Православного вероисповедания.

Восприемники при крещении (1.01.1842): помещик фольварка Гайдуковки Чериковского уезда Могилевской губернии Иван Станиславович Голынский и помещица Александра Николаевна Панютина. Образование: воспитывался в Одесском Ришельевском лицее на юридическом факультете. Выбыл с 1-го курса этого лицея по прошению с правами, предоставленными окончившим гимназический курс.

22.05.1858 — поступил на службу в канцелярию предводителя дворянства Одесского уезда канцелярским служителем 1-го разряда;
15.05.1862 — коллежский регистратор;
07.08.1863 — губернский секретарь;
23.08.1863 — почетный смотритель 2-го Кишиневского уездного училища;
31.01.1864 — перемещен почетным смотрителем Аккерманского уездного училища;
16.02.1866 — уволен от службы по прошению;
10.03.1866 — коллежский секретарь;
29.11.1867— — 19.12.1880 почетный смотритель Александровского уездного училища;
1869 — 1892 почетный мировой судья Одесского уезда Херсонской губернии (избирался 8 раз Одесским уездным земским собранием);
1871 — 1889 председатель съезда мировых судей Одесского уезда (избирался 6 раз);

1871 — 1895 гласный Одесского земского уездного собрания (избирался 8 раз);
1874 — 1889 гласный Херсонского губернского собрания (избирался 5 раз Одесским уездным земским собранием);
1879 —1883 почетный мировой судья Херсонского уезда Херсонской губернии (избирался 2 раза Херсонским уездным земским собранием);
1884 —1893 почетный мировой судья г. Одессы (избирался 3 раза Одесской городской думой);
1871 — 1877 предводитель дворянства Одесского уезда Херсонской губернии (избирался 3 раза);
1877 — 1895 предводитель дворянства Херсонской губернии (избирался 6 раз);
15.10.1875 — титулярный советник;
31.03.1876 — коллежский асессор;
07.07.1878 — надворный советник;
22.06.1880 — статский советник
15.05.1883 — действительный статский советник;
1886 — 1890 Президент Императорского общества сельского хозяйства южной России;
30.08.1891— тайный советник.

В походах и делах против неприятеля не бывал.

Награды:

1) Орден Св. Анны 3 степени (17.04.1870);
2) Орден Св. Станислава 2 степени (28.12.1871);
3) Орден Св. Анны 2 степени (31.10.1876);
4) Знак Красного Креста (26.04.1879);
5) Темнобронзовая медаль в память Восточной войны 1877 —1878;
6) Орден Св. Владимира 4 степени (22.09.1881);
7) Медаль на Андреевской ленте в память коронования императора Александра III (3.11.1883);
8) Орден Св. Владимира III степени (13.04.1886);
9) Орден Станислава 1-й степени (30.08.1888).

Недвижимое имущество (1893):

1) Родовое:
— в Одесском уезде Херсонской губернии при местечке Курисово-Покровском и деревне Александровке 10500 десятин земли;
— в Лебединском уезде Харьковской губернии при деревне Луцыковке 2087 десятин земли.
2) Пожалованное:
— в Стопницком уезде Келецкой губернии майорат Гротники;
— в Калишской губернии лесная дача Рексуль (1886).

Решением Херсонского дворянского депутатского собрания

20.04.1893 внесен с женою и детьми в 3-ю часть дворянской родословной книги. Департамент Герольдии Правительствующего Сената своим указом 27.05.1893 утвердил это решение, но с внесением не в 3-ю, а во 2-ю часть дворянской родословной книги. Ж.: Любовь Ивановна Гижицкая, дочь ротмистра, + после 1914.

V

9. Иван Иванович 8

Род. 19.06.1871 (местечко Покровское Одесского уезда Херсонской губернии), + 1934(?). Православного вероисповедания.
Восприемники при крещении (1.08.1871): ротмистр Александр Алексеевич Свечин, жена ротмистра Елена Дорофеева Гижицкая, ротмистр Иван Александрович Гижицкий, графиня Клавдия Станиславовна Гудович.
Служил в лейб-гвардии Гусарском Его Величества полку (1893 — 1907):

1893 — 1896	корнет;
1897	поручик;
1898 — 1901	штабс-ротмистр;
1902 — 1904	ротмистр;
1905 — 1907	полковник;
1908 — 1915	значится полковником в отставке.

Ж: Елизавета Николаевна Петрова, дочь Николая Павловича Петрова (р. 1841, +1905), генерала от инфантерии (1901), нач. Штаба Отдельн. корп. жандармов (1884 — 1893), директора Деп-та полиции МВД (1893 — 1895), нач. Главного упр. почт и телеграфов (1595 — 1905), члена Государств. совета (1903 — 1905); см.: «Формулярный список о службе члена Государственного совета, состоящего по Генеральному штабу генерала от инфантерии Петрова»//«Из глубины времен». Вып. 4. СПб., 1995.

10. Александр Иванович 8

Род. 23.10.1872 (местечко Покровское Одесского уезда Херсонской губ.), + 1914 (Москва). Православного вероисповедания.
Восприемники при крещении (18.11.1872): Елена Дорофеевна Гижицкая (жена ротмистра в отставке Ивана Александровича Гижицкого); гвардии штабс-ротмистр Николай Данилович Хаперский; княжна Елизавета Павловна Абамелик.
Ж.: Елизавета Ладиславовна Мачевская, + 1960 (Канны), дочь Ладислава Мачевского от брака с Генриетой Триттен (швейцарка) Перед рев. 1917 и в период Гражд. войны жила с детьми в своем имении Исаево (Украина). В начале 1920-х бежала в Константинополь, затем переехала жить в Швейцарию.

11. Елена Ивановна **8**

Род. 9.07.1874 (село Гущинец Винницкого уезда Подольской губернии), + 4.11.1930 (Париж). Православного вероисповедания.
Восприемники при крещении (14.08.1874): помещик местечка Гайдуковки Чериковского уезда Могилевской губерний Дмитрий Станиславович Голынский; Елена Дорофеевна Гижицкая (жена отставного ротмистра Ивана Александровича Гижицкого).
М.: князь Георгий Иванович Кугушев, род. 3.01.1872, + 1923 (г. Одесса). Камергер Двора Его Императорского Величества; в чине статского советника служил в канцелярии Министерства Иностранных дел.

VI

12. Иван Александрович **10**

Род. 1895, + 1920 (Убит под Царицыным).

13. Любовь Александровна **10**

Род. 1896, +1968; (Швейцария).
В начале 1920-х бежала с матерью в Константинополь, затем вместе с нею перебралась жить в Швейцарию.
М: 1) Николай Вик (русский); от этого брака дочь Елена.
2) Антуан Борель (Antoin Brel), государственный советник (Швейцария).

14. Александр Александрович **10**

Род. 14.5.1899, + 10.7.1964 (Париж).
В начале 1920-х бежал с матерью в Константинополь, затем переехал в Прагу, а оттуда во Францию.
Ж.: с 9.10. 1922 баронесса Мария Георгиевна Мейtндорф, + 1978, дочь Уманского уездного предводителя дворянства (Киевская губ.) барона Георгия Федоровича Мейендорфа (род. 1873, + 1919) от брака с княжною Наталией Николаевной Долгоруковой (род. 1882, + 1912).

15. Сергей Александрович **10**

Род. 1903, + 1968 (Марокко).
В начале 1920-х бежал с матерью в Константинополь, затем перебрался в Марокко.

VII

16. Наталия Александровна **14**

Род. 1924 (Прага), +28.9.1983 (Париж).
М: с 1946 (Франция) князь Константин Яссеевич Андронников (р. 1916); от этого брака трое детей: Эммануил, Анна, Марк.

17. Александр Александрович **14**

Род. 1928.
Ж.: с 1955 (Париж) Анна Мария de la Forest Divonne (р. 22.07.1927).

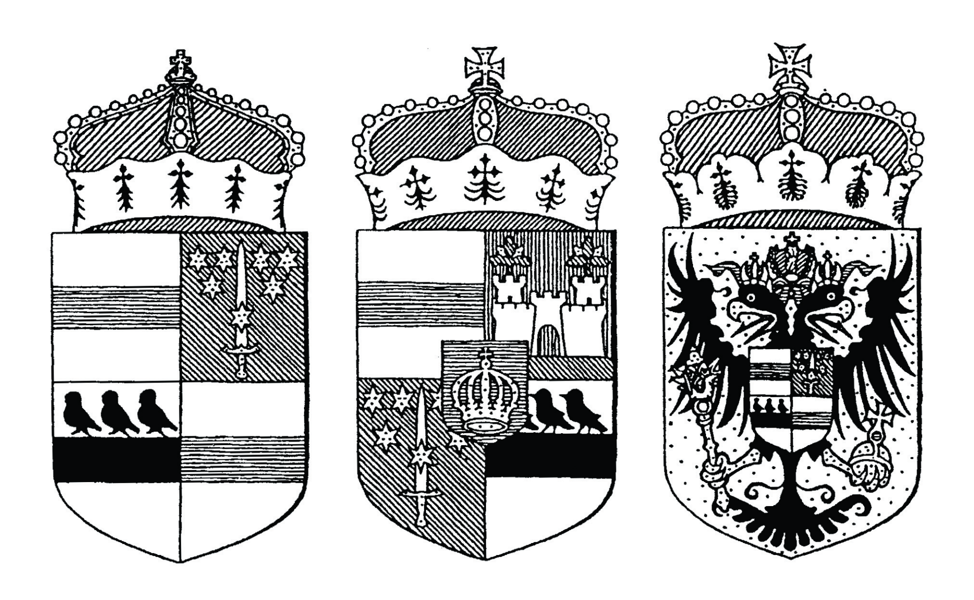
VIII

18. Николай Александрович **17**
Род. 1957.
Ж.: (Париж) Софи de la Forest (двоюродная сестра матери мужа)
19. Александра Александровна **17**
Род. 1961.
М: Антон Айзеру. (р. 1962); от этого брака двое детей: Игорь и Алексей.
20. Мария Александровна **17**
М.: (Мартиника) Ив Аттал, (р. 1951) от этого брака трое детей: Гавриил, Фанни, Ирис.

IX

21. Алексия Николаевна Род.7.11.1986, + 2.1.987. **18**
22. Дмитрий Николаевич, род. 1987.
23. Александра Николаевна, род. 1991. **18**
24. Цицилия Николаевна, род. 1993. **18**
18

Составитель выражает глубокую благодарность А. А. Курису за предоставление сведений о VI — IX поколениях рода Курисов.

ГЕРЦОГИ ЛЕЙХТЕНБЕРГСКИЕ

Герцоги Л., из рода де Богарне представлены в истории российской знати иностранным принцем на Имп. службе (герцогом Максимилианом Л.), членами Имп. Фамилии (кн. Романовскими), гр. Богарне и, наконец, двумя продолжающимися в наши дни ветвями герцогов Л., собственно принадлежащими к потомственному российскому дворянству. Несмотря на разницу в статусе, все представители рода включены в общую роспись ввиду единства происхождения.

Первое известное упоминание о де Б. (de Beauharnais; ранее также de Beauharnois, de Beauharnoys), относится к женитьбе Гийома де Б., сеньора де Мирамион и де ля Шоссе на Маргарите де Бурж: 20.1.1390[1]. Их потомок в тринадцатом колене, Евгений–Роз де Б. (1781—1824), был внуком Франсуа де Б., 1–го маркиза де ла Ферте–Б., и сыном виконта Александра де Б., казненного в 1794 в период термидорианской диктатуры, от брака с Марией–Франсуазой–Жозефиной (1763—1814), ур. де Таше де ля Пажери, вышедшей в 1796 вторично замуж за ген. Наполеона Бонапарта, с 1804 Имп. французов Наполеона I, и вошедшей в историю под именем императрицы Жозефины. Евгений Б. и его сестра Гортензия–Евгения (мать будущего имп. Наполеона III) были усыновлены Бонапартом. Наполеон возвел своего пасынка в принцы Имп. фамилии (14.6.1804), назначил вице–королем Италии (7.6.1805), князем Венецианским (17.12.1807), наследным принцем Вел. герцогства Франкфуртского (1.3.1810; Вел. герцог с 28.10.1813). В 1806 Имп.

был устроен брак принца Евгения с принцессой Августой–Амалией (1788—1851), старшей дочерью короля Баварского Максимилиана I. 16.12.1809 Наполеон I развелся с Имп. Жозефиной. 9.4.1810 она была пожалована владением во французской Наварре с титулом герцогини Наваррской; право наследования принадлежало потомкам Евгения, причем Жозефина сама могла назначить преемника из их числа.

11.4.1814 Наполеон I отрекся за себя и преемников от тронов Франции и Италии; при обсуждении мирных условий в Фонтенбло в этот же день было заявлено: «Вице–королю Италии, принцу Евгению, будет дано вне Франции соответствующее положение» (параграф 8). Существовали планы сохранения в Италии государства во главе с Евгением, не осуществившиеся в силу различных причин. Во владение Франкфуртом принц так и не вступал. 23.4.1814 Евгений подписал конвенцию, по которой передал Австрии свои владения в Верхней Италии, уехал в Мюнхен и стал жить как частное лицо. Титулы рода де Б., как дореволюционные, так и приобретенные в наполеоновской Франции, de jure остались в силе (Конституционная хартия 4.6.1814)[2]. На Венском конгрессе по соглашению России с Австрией было решено, что Неаполитанский король уплатит принцу Евгению «какое–либо возмещение». Переведенные в английский банк 5 млн. франков принц Евгений поручил получить своему тестю королю Баварскому Максимилиану I, так как они следуют ему за княжество Эйхштедтское.

В феврале 1817 баварский король декларацией во Франкфурте обязался устроить своего зятя «в размер королевства» с кн. титулом и соответственными преимуществами. 14.11.1817 последовал королевский декрет, которым принцу Евгению был пожалован титул герцога Лейхтенбергского и кн. Эйхштедтского, последний «как титул пожалованного ему княжества, со всеми соединенными с ним почестями и преимуществами, на вечные времена, наследственно в его Доме, с тем, однако, чтобы титул «герцога Лейхтенбергского» переходил, по праву первородства, всегда лишь к старшему в роде, а прочие нисходящие именовались бы князьями и княгинями Лейхтенбергскими и Эйхштедтскими».

15.11.1817 декларация короля Баварского определила внутреннее устройство Эйхштедтского княжества и права в нем герцогского Дома: герцог Лейхтенбергский и его наследники объявляются первыми из кн. родов королевства; при всех торжественных случаях герцог занимает место непосредственно за принцами Королевского Дома; герцогу жалуется титулование «светлейший герцог» и «ваше королевское высочество», а наследники его именуются «светлейший герцог» и «ваша княжеская светлость»; семейные отношения, порядок наследования и опекунства устанавливает герцог и они утверждаются королем; герцог и его наследники имеют безусловную свободу выбора места жительства и военной службы в любом из принадлежащих к Германскому Союзу или состоящих с баварским королевством в мире государств;

право внешних сношений княжества принадлежит королю; герцогу предоставляется право набирать почетный караул и полицейских стражей; герцог имеет право на получение определенных доходов. Декларация 15.11.1817 обеспечила Лейхтенбергскому Дому большие права, чем имели медиатизированные Дома Германии (автономия и внутреннее самоуправление). В то же время баварские права герцогов Л. основывались не на прежнем владетельном статусе рода в баварских землях, а исключительно на королевской милости.

Герцог Евгений Л. оставил двух сыновей: Августа (1810—1835), второго герцога Л., впоследствии принца Португальского, герцога Санта–Круз, первого супруга королевы Марии II Португальской; Максимилиана (1817 — 1852), третьего герцога Л., женившегося в 1839 на Вел. Кнж. Марии Николаевне; и четырех дочерей: из них в результате брачных союзов Жозефина (1807 — 1876) стала королевой Шведской и Норвежской; Евгения (1808—1847) — кнг. Гогенцоллерн–Гехингенской; Амалия (1812—1873) — имп. Бразильской и королевой Португальской (мачехой Марии II); Теоделинда (1814 — 1857) — герцогиней Урахской, гр. Вюртембергской.

17.11.1832 Август, 2–й герцог Лейхтенбергский, заключил конвенцию, утвержденную 31.12.1834 рескриптом короля Баварского, по которой короне была возвращена часть прав управления, судебная юрисдикция, полицейская власть в княжестве с соответствующими принадлежностями этих функций (зданиями, недвижимостью и т. д.). За это правительство заплатило герцогу около 1,4 млн. флоринов. Тем же королевским рескриптом были подтверждены за Домом личные прерогативы, в т. ч. титулы и гербы. 4.11.1834 было заключено соглашение между вдовствующей герцогиней Августой–Амалией и ее сыном герцогом Августом о наследовании в княжестве Эйхштедтском, а 31.12.1834 герцог Август посредством особой декларации учредил в княжестве Эйхштедтском формальный майоратный фидеикоммис (собственность, подлежащая передаче по наследству на определенных условиях), включавший крупные земельные владения с замками и дворец в Мюнхене. 28.3.1838 фидеикоммис Лейхтенбергского Дома был ратифицирован королем. Впоследствии, при герцоге Максимилиане, было прикуплено новое недвижимое имущество, которое также было включено в фидеикоммис. Наконец, последовала декларация герцога Максимилиана от 17.11.1844, которой он объявлял, что княжество Эйхштедтское обращалось в майоратный фидеикоммис. Кроме того, в качестве аллода (безусловной собственности) герцогу Максимилиану принадлежало недвижимое имущество в Папской области и в Наварре (Франция).

После водворения в России он продал свои имения в Папской области и в Наварре, и на часть вырученных денег приобрел им. в Тамбовской губ. (с. Ивановка с конным заводом), а из другой части был образован капитал, записанный в гос. долговую книгу с выплатою владельцу 4% ежегодной ренты. Этот капитал рассматривался им как часть его фиде-

коммисного имущества. Кроме того ему принадлежали дома в Париже и С.–Петербурге (Невский пр., 19), являвшиеся его аллодиальным имуществом. Основы прав семейства герцогов Л. в России были заложены брачным договором Максимилиана и Вел. Кнж. Марии Николаевны (2/14.12.1838). Имп. Николай I Манифестом от 2/14.7.1839 пожаловал герцогу Максимилиану Л. титул «Императорское Высочество»; Высоч. указом от 2/14.7.1839 в качестве приданого выдал Вел. Кнж. Марии Николаевне 1 млн. руб. и назначил ей и ее потомству из удельных сумм 600 тыс. руб. годового дохода; каждому из их детей при рождении Высоч. указом пожаловал титул «Императорское Высочество»[3]; Высоч. указом 6/18.12.1852 пожаловал потомству герцога наименование кн. и кнж. Романовских с титулом «Императорское Высочество».

Вопреки завещанию герцога Максимилиана, летом 1853 по инициативе Имп. Николая I начались переговоры с баварским правительством об уничтожении майоратного имущества герцогского Дома в Баварии. С соответствующим заявлением 10/22.9.1853 выступила Вел. Кнг. Мария Николаевна, являвшаяся опекуншей своих детей. 25.2.1854 король Баварский Максимилиан II издал декрет об уничтожении майоратного фидеикоммиса княжества Эйхштедтского и переводе его в аллодиальную собственность детей герцога Максимилиана А. 10.5.1854 последовал королевский декрет об отмене прерогатив Лейхтенбергского Дома (теряли силу королевская декларация от 15.11.1817 о предоставлении Лейхтенбергскому Дому княжества Эйхштедтского и Высоч. рескрипт от 31.12.1834, касавшиеся прав герцогского Лейхтенбергского Дома в Баварии). На основании купчей крепости от 21.4.1854 все недвижимое имущество герцога было куплено баварским правительством. Титул герцогов Л. был распространен в России на весь род, что и было закреплено формулировками пожалований Имп. Александра II детям герцога Максимилиана.

Имп. Александр II Высоч. указом 28.11/10.12.1857 постановил детей герцога Максимилиана Л. «с нисходящим от мужского поколения их потомством почитать князьями и княжнами Императорской крови, с предоставлением им различных почетных прав и преимуществ, детям правнуков Императора присвоенных»; Высоч. повелением 4.1.1863 и указом 23.3/4.4.1863 применение Учреждения об Имп. Фамилии к кн. и кнж. Р. было уточнено. Согласно реформе Учреждения (2.7.1886) право на титул «Императорское Высочество» не должно распространяться на правнуков Имп.; для кн. Александра Георгиевича, как рожденного до реформы, было сделано исключение (ст. 21, прим.). Мл. же детям кн. Георгия Максимилиановича как правнукам Имп. был предоставлен титул «Высочество» с последующей передачей от каждого мужского носителя по праву первородства (по общему смыслу норм Учреждения об Имп. Фамилии и окончательно Указом 14.6.1899). После издания Указов 1857 и 1863 титулы кн. Р. и герцогов Л. обычно рассматривались как династические титулы Российского Имп. Дома, не распространя-

ющиеся на неравнородных супруг и на потомков от них. Баварские титулы герцога Л., кн., кнг. и кнж. Л., передача которых не требовала равнородства брака (как и прочие права рода в качестве Л. Дома), произвольно расценивались в России как амальгамированные при принятии рода в состав Имп. Фамилии.

В 1878 кн. Николай Максимилианович Р., герцог Л., глава рода, вступил в морганатический брак с Н. С. Анненковой. Титулы, принадлежащие роду герцогов Л., не были признаны за ней в Российской Империи; Высоч. указом 30.1.1879 ей и потомству, могущему произойти от этого брака, были предоставлены титул и фамилия «графов Богарне по родовому, в мужском поколении, происхождению» ее мужа. На добрачное потомство сила указа не распространялась. Два сына, Николай и Георгий, рожденные Надеждою Сергеевною Л. от кн. Николая Максимилиановича до брака с ним, считались его воспитанниками. Высоч. указом 11/23.11.1890 они были признаны детьми своего отца с предоставлением титула и фамилии «герцогов Лейхтенбергских со всеми правами и премуществами по роду и наследию законным детям присвоенными, не касаясь, однако, ни права на майоратное имущество, ни особых прав и преимуществ, дарованных детям Великой Княгини Марии Николаевны от брака с Герцогом Максимилианом Лейхтенбергским», т. е. с полным отделением их от Имп. Фамилии и приданием прав потомственного дворянства Российской Империи. Опр. Новгородского Д.Д.С. от 17.12.1897 герцог Николай Николаевич был внесен с женою и детьми Александрой и Николаем в 5–ю часть д.р.к. Новгородской губ. (утв. указом Правит. Сената от 31.3.1898 за №1128). Опр. С.–Петербургского Д.Д.С. от 17.5.1912 герцог Георгий Николаевич был внесен с женою и детьми в 5–ю часть д.р.к. С.–Петербургской губ. (утв. указом Правит. Сената от 15.11.1912).

В 1869 кн. Евгений Максимилианович Р., герцог Л., будущий глава кн. Романовских, вступил в морганатический брак с Д. К. Опочининой, а после ее смерти (1870), в 1878 — с З. Д. Скобелевой. Титулы, принадлежащие роду герцогов Л., не были признаны ни за первой, ни (первоначально) за второй супругами кн. Евгения Р. Высоч. указами 8.1.1869 и 9.7.1878 (соответственно) обеим супругам кн. Евгения Р. были предоставлены гр. титул с фамилией Б. с той же мотивировкой, что и в Указе 1879. Высоч. указом 16.8.1889 гр. Зинаиде Дмитриевне Б. было предоставлено право именоваться герцогиней Л. с титулом «Светлость». На дочь кн. Евгения Р. от первого брака, гр. Дарию Евгеньевну Б., титулы герцогини и Светлости распространены не были.

Герб: О.Г. XV, 1. (Высоч. утв. 26.5.1893. Об обстоятельствах его утв. см. ниже). Привилегия, установленная первой редакцией Учреждения об Имп. Фамилии (5.4.1797; параграф 42: «Великие Княжны и Княжны крови Императорской, вышедшие в замужество за чужестранных Принцов, Российский герб, принадлежавший им по праву рождения, могут присоединять к гербу своего мужа; чем самым пользуются и по-

томки их невозбранно ») и вполне относящаяся к потомству Вел. Кнж. Марии Николаевны и герцога Максимилиана Л. — как кн. Р., так и герцогам Л.; дает последним не использовавшееся доселе право присоединять к собственному родовому гербу Имп. российский герб (по традиции — в виде орла, без щитка со св. Георгием на груди). Умолчание об упомянутой выше привилегии во второй редакции Учреждения (2.7.1886), оговорка Указа 11.11.1890 («… не касаясь… особых прав и преимуществ, дарованных детям Великой Княгини Марии Николаевны от брака с Герцогом Максимилианом Лейхтенбергским») и внесение в О. Г. герба без Имп. орла не отменяет права герцогов Л. на это геральдическое преимущество.

Высоч. пожалованием личного герба герцогу Максимилиану Л. от 14.7.1839 (диплом от 25.12.1839) косвенно, но со всей определенностью было признано право «Светлейшего Дома Лейхтенбергского» на использование в России своего герба (гербовый щит в «баварской» версии 1826; см. о ней ниже). Оставаясь «Домом Л.», герцоги Л. гр. Б., как и кн. Р., сохраняли в России параллельное право на эту версию своего герба. В настоящем издании приведены гербы герцогов Л. (слева направо): согласно О.Г.; согласно пожалованию 1839; согласно О. Г. с учетом привилегии 1797.

Первоначальный герб де Б. — в серебре черный пояс (горизонтальная полоса), сопровождаемый во главе тремя такими же мерлетами («увечными», без клюва и лап, птицами); девиз «AUTRE NE SERS» — в XVIII в. упоминался как старый; внесен Гербовым судьей Франции Л.–П. д'Озье в Общий Гербовник французского дворянства, V регистр (1764). Дед Евгения, Франсуа де Б., в 1746 унаследовал от дяди, Франсуа де Б., 1–го барона де Бовиль[4], его баронский титул и с ним право на баронскую корону; а в 1764 приобрел право на корону маркиза. Господствовавшие во Франции XVIII в. геральдические вольности допускали использование этих корон и другими членами рода, что касалось и отца Евгения[5] и самого Евгения, хотя и право на титулы барона и маркиза, и полное право на соответственные гербовые атрибуты лишь в 1846, по смерти дяди Евгения, второго маркиза, перешло к герцогу Максимилиану Л. как главе рода де Б. Жозефина Б., как Имп., и Евгений Б., как принц Имп. Дома и наследник Италии, пользовались соответствующими модификациями Имп. и королевского итальянского гербов без элементов старого герба де Б.; но 9.4.1810 Жозефине вместе с герцогством Наваррским был пожалован составной герб (орел Империи, гербы герцогства и рода Б.) [Reverend A. Armorial du Premier Empire: titres, majorats et armoiries concedees par Napoleon Ier. T. 1. Paris. 1894, p. 65—67; Pinoteau H., baron. Heraldique napoleonienne. // Valynseele J. Le sang des Bonaparte. Paris, 1954[6]] Герб вел. герцогства Франкфуртского объединял гербы столицы, Майнцского электората, княжеств Фульдского и Ганауского, а также родовой герб монарха [Neuer Siebmacher. 1. 1. 3.] (по отречении Вел. герцога Карла–Теодора

эту позицию должен был бы занять герб Евгения Б. как принца Империи). После 1814 гербы, установленные при Наполеоне I, не употреблялись Евгением и его потомством. Дипломом короля Баварского от 14.11.1817 Евгению и его роду был пожалован герцогский герб, в котором соединялись гербы герцогства Л., княжества Эйхштедтского, герб пожалования (меч со звездами — символ боевых заслуг) и родовой герб де Б. (с небольшим искажением — обычными птицами вместо мерлет, к тому же сидящими на поясе, а не сопровождающими его на расстоянии); в герб входили также шлемы с нашлемниками, щитодержатели, мантия и пр.; 21.3.1826 новым дипломом этот герб был изменен в детялях и дополнен новым гербом пожалования — щитком с королевской короной. Как упоминалось выше, в 1839 Имп. Николай I пожаловал лично Максимилиану Л. «герб, соединяющий изображение Герба Императорского Нашего Дома с гербом Светлейшего Дома Лейхтенбергского»; гербовый щит герцогов Л. (согласно пожалованию 1826) был помещен на груди российского орла. 6.12.1852 при даровании титула кн. Р. был установлен совершенно новый герб: золотой щиток с червленым вензелевым именем Имп. Николая I на груди российского орла (подтвержден 27.1.1853). Отход Эйхштедта к баварской короне и др. последствия декрета 1854 не лишали рода прав на герб 1826, в т.ч. и на его эйхштедтскую часть, которая могла сохраняться как чисто титульная или по крайней мере как «герб воспоминания». Высоч. указами Имп. Александра II 8.12.1856 и 11.4.1857 были узаконены гербы членов Имп. Фамилии, в т. ч. герб (большой и малый гербы) кн. Р. герцогов Л., соединявший гербы кн. Р. 1852 и Л. Дома, но с изменениями; в частности, в новую редакцию родового герба не вошли ни герб княжества Эйхштедтского, ни щиток с королевской короной, что должно было указывать на окончание «баварского» периода в истории рода.

14.12.1889, рассматривая вопрос о гербе герцогини Зинаиды Дмитриевны Л., Гербовое отд. Д.Г. Правит. Сената признало, что «в роде Герцогов Лейхтенбергских существует несколько гербов», а именно варианты 1817, 1826, 1839, 1852 и 1856—1857 гг. При этом лишь вариант 1817 был сочтен общеродовым; пожалования 1852 и 1856—57 были расценены как относящиеся к членам Имп. Дома, а пожалования 1839 и (ошибочно) 1826 — как личные. «Само собою разумеется, все атрибуты., указывающие на Императорскую кровь Князей Романовских, не могут быть присвоены гербу Герцогини Лейхтенбергской». Герб Эйхштедта, по аналогии с гербом кн. Р. герцогов Л., было решено исключить [РГИА, ф. 1343, оп. 49, д. 960, л. 6об.–10]. Герб был Высоч. утв. 7.2.1890 [О.Г. XIV, 1]. В 1892 последовало прошение об утв. герба Николая и Георгия Николаевичей, герцогов Л. Гербовое отд. рассудило, что «вопрос о том, каким гербом должны пользоваться в России Герцоги Лейхтенбергские, вполне разрешен Высочайше утвержденным. гербом Герцогини Зинаиды Дмитриевны Лейхтенбергской». Нашлемники (не обсуждавшиеся, как атрибуты мужского герба, при проектировке герба

герцогини) были существенно изменены по сравнению с баварскими версиями. Отчасти эти изменения соответствовали устным указаниям, ранее данным министром Имп. Двора управляющему Гербовым отд. [РГИА, ф. 1343, оп. 4, д. 961, л. 6об.—7об.]. Проект герба и пояснения к нему с частичной мотивацией сделанных изменений были Высоч. рассмотрены, и герб был удостоен утв.; 29.3.1895 состоялось его включение в О.Г., в раздел кн. гербов. При пожалованиях 1890 и 1893 птицам в родовом гербе де Б. был возвращен их первоначальный облик мерлет («мерлеток»); но они остались сидящими непосредственно на поясе. Обширные геральдические права, принадлежавшие гр. ветви рода де Б. (пресекшейся в XIX в.), к Евгению Б. и его потомству не относятся.

Литература: Genealogisches Handbuch des Adels. Fürstliche Häuser. Band II. Glücksburg/Ostsee. 1953. – S. 431 – 32; Genealogisches Handbuch des Adels. Fürstliche Häuser. Band IV. Glücksburg/Ostsee. 1956. – S. 365 – 374; Genealogisches Handbuch des Adels. Fürstliche Häuser Band XII. Limburg an der Lahn. 1984. – S. 458 – 466, 488 – 489; N. Ikonnikov. La Noblesse de Russie. Tome I. Paris. 1959; G. Sirjean. Les Murat et Beauharnais. Paris. 1962; N. Enache. La descendance de Pierre le Grand. Paris. 1983; Е. И. В. Князь Николай Максимилианович. Очерк моего детства и юношества. Диктован моему сыну. // Русская Старина. 1890. Т. 66. № 5. — С. 476 — 481; Д–р Ф. Пиотровский. Его Императорское Высочество Сергей Максимилианович князь Романовский герцог Лейхтенбергский (К 25–летию его кончины. Воспоминания врача Рущукского отряда) // Русская старина. 1902. Т. 110. № 12. – С. 517 – 520; Герцог Г. Лейхтенбергский. Семейное предание. // Русская старина. 1914, Т. 157 – С.475 – 482. C. W. Fanning. The dukes of Leuchtenberg. A Genealogy of the Descendants of Eugene de Beauharnais. Edgware. 1983; Hozier L. P. de. Armorial general. Reg. V. Paris. 1764; Из записной книжки архивиста. Заговор монархической организации В. М. Пуришкевича (Показания герцога Дмитрия Георгиевича Лейхтенбергского). // Красный архив. 1928. Т. 1 (26). М.–Л, 1928. С. 176 – 178; А. Трубников. Наследие великой княгини Марии Николаевны // Старые годы. 1913. Май. С. 46 – 49.

В основу настоящей родословной Лейхтенбергского Дома положена статья И. ф. Штейна «Краткое родословие герцогов Лейхтенбергских» [Журнал «Новик». Нью–Йорк, 1955. Отд. II. — С. 3 – 14]. Она была дополнена и откорректирована в части истории образования Дома, его прав и имущественных интересов в Баварии и в России, дат жизни и деятельности, положения при российском Имп. Дворе, в армии и обществе членов Дома, а также изменений, произошедших за последние 43 года с момента издания труда И. Е. ф. Штейна. В своей работе автор использовал материалы РГИА и многочисленную справочную литературу. Раздел о гербах написан М. Ю. Медведевым.

Максимилиан Иосиф Евгений Август Наполеон, **герцог Лейхтенбергский** по кончине старшего брата (28.5.1835), **кн. Эйхштедтский**, Светлость, с 1839 Е. И. Высоч. * Мюнхен 2.10.1817, + С.-Петербург 20.10./1.11.1852, □ 23.10./4.11. 1852 в рим. кат. церкви св. Иоанна Иерусалимского при Пажеском корпусе в С.-Петербурге. Командир 6-го кав. п. баварской королевской арм.; в России (1839): командир 1-й гв. кав. див., ген.-ад., ген.-лейт. С 1839 поч. член А.Н., основатель лаборатории гальванопластики; президент Имп. А.Х. (1843—1852); с 1844 главноуправляющий Институтом корпуса горных инж.

ˣ С.-Петербург 2/14.7.1839 Ея И. Высоч. Вел. Кнж.8 Мария Николаевна. * Павловск Царскосельского у. С.-Петербургской губ. 6.8.1819, + С.-Петербург 9.2.1876, □ 13.2.1876 в Петропавловском соборе в С.-Петербурге, дочь Е. И. В. Николая I, Имп. Всероссийского (1796 —1855) и Ея И. В. Имп. Александры Федоровны, ур. Фредерики Луизы Шарлотты Вильгельмины принцессы Прусской (1798-1860). Во 2-м браке (13/25.11.1853, тайный; 12/24.9.1856 признан Имп. Александром II) за ген.-ад. гр. Григорием Александровичем Строгановым (1824 — 1879). Президент Имп. А. Х. и преде. Общества поощрения художеств (с 1852). Владелица Мариинского дворца в С.-Петербурге, им. Сергиевская Дача (Сергиевка) Петергофского у. С.-Петербургской губ. и учрежденного особым законоположением от 14.7.1839 ежегодного удельного дохода в сумме 171428 руб.; виллы Куарто (Флоренция).

дети:

1. Ея И. Высоч. Александра Максимилиановна кнж. Л. * С.-Петербург 28.3./9.4.1840, + Сергиевская Дача (Сергиевка) близ Петергофа С.-Петербургской губ. 31.7./12.8.1843, □ 5.8.1843 в Петропавловском соборе в С.-Петербурге.

2. Ея И. Высоч. Мария Максимилиановна кнж. Р., герцогиня Л.
* С.-Петербург 4/16.10.1841, + Карлсруэ 3/16.2.1914.
ˣ С.-Петербург 30.1./11.2.1863 принц Вильгельм Баденский.
* Карлсруэ 18.12.1829, + Карлсруэ 27.4.1897, сын Вел. Герцога Баденского Леопольда I (1790—1852) и Софии-Вильгельмины принцессы Вазаской, ур. принцессы Шведской (1801—1865). Ген.-лейт. прусской службы.

3. Е. И. Высоч. Николай Максимилианович кн. Р., герцог Л.
* Сергиевская Дача (Сергиевка) близ Петергофа С.-Петербургской губ. 23.7./4.8.1843, + Париж 25.12.1890/6.1.1891,
□ 12/24.1.1891 в Голицынской церкви во имя архистратига Михаила Троице-Сергиевой пустыни близ С.-Петербурга. Ген.-от-кав. (1890), ген-ад. (1890), президент минералогического общества (1865—1890), организовал подробное геологическое изучение России для составления геологической карты страны; поч. член университета св. Владимира. Кав. орд. Андрея Первозванного (1843), Александра Невского (1843), Анны 1 ст. (1843), Белого Орла (1865), Станислава

1 ст. (1865), Георгия 4 ст. (1877), был награжден золотой саблей с надп. «За храбрость» (1877).
x Женева (Швейцария) 9/21.1.1878 Надежда Сергеевна Анненкова. * . 17/29.7.1840, + С.-Петербург 25.5./6.6.1891,
□ 27.5./8.6.1891 в Голицынской церкви во имя архистратига Михаила Троице-Сергиевой пустыни близ С.-Петербурга, дочь кол. секр. Сергея Петровича А. (*1815) и Екатерины Дмитриевны, ур. Шидловской (* 1818). В 1-м браке (развод: 22.7.1867) за Покровским у.п.д. (Владимирская губ.), губ. секр., в зв. кам.-юнк. Владимиром Николаевичем Акинфовым.

сыновья[8]:

1) Николай Николаевич. * Женева (Швейцария) 5/17.10.1868, + Рут (Воклюз, Франция) 2.3.1928. Командир 12-го Туркестанского стр. п. (1915), полк. (25.3.1912), фл.-ад. (1912), кав. орд. Станислава 3 ст. (1905), Анны 3 ст. (1906). Владелец благоприобретенного им. Горы Валдайского у. Новгородской губ. (куплено 12.1.1896, продано 10.5.1917) и дома в С.-Петербурге (Каменноостровский пр., 64). По раздельному акту 27.2.1904, Высоч. утв. 4.3.1904, получил 1/6 часть им. Сергиевка Петергофского у. С.-Петербургской губ.
x С.-Петербург 24.4/6.5.1894 гр. Мария Николаевна Граббе. * Царское Село С.-Петербургской губ. 11/23.11. 1869, + Оранж (Воклюз, Франция) 24.10.1948, дочь ген.-от-инф. гр. Николая Павловича Г. (1832—1896) и Александры Федоровны, ур. гр. Орловой-Денисовой (1837—1892). До замужества фрейлина Е. И. В. Имп. Марии Федоровны. Владелица родового им. в Пирятинском у. Полтавской губ.

дети:

(1) Александра Николаевна. * С-Петербург 1/13.3.1895,
+ Болье-сюр-Мер (Приморские Альпы, Франция) 19.12. 1969, □ кладб. Кокад в Ницце. До замужества фрейлина Е. И. В. Имп. Александры Федоровны. Писательница.
x 1. Петроград 12/25.9.1916 (развод: Париж 4.5.1922) кн. Аевон Петрович Меликов. * Тифлис 3/15.2.1893, + Нью-Йорк (США) 26.1.1928, сын ген.-м. кн. Петра Аевановича М. (* 1863) и Анны Максимилиановны, ур. бар. Остен-Сакен (1870—1931). 2-м браком был женат на Розалии Хукер (*1892). Корнет Кавалергардского п.
x 2. Париж 12.7.1922 Николай Иванович Терещенко. * Киев 31.7/12.8.1894, + Сен-Клу близ Парижа 19.10.1926, сын Ивана Николаевича Т. (* 1854) и…

(2) Николай Николаевич. * им. Горы Валдайского у. Новгородской губ. 29.7./10.8.1896, + Мюнхен (Германия) 5.5.1937.

Шт.-ротм. л.-гв. Казачьего п. В эмиграции был дирижером хора донских казаков.

X 1. Новочеркасск 8.9.1919 Ольга Николаевна Фомина. * С.-Петербург 17/29.8.(7?)1898, + Константинополь (Стамбул) 2.9.1921, дочь Войскового есаула Донского Войска, полк. л.-гв. Казачьего п., затем ген.-м. Николая Павловича Ф. (* 1869)

X 2. Мюнхен (Германия) 31.10. (гражд.), 3.11.1928 (церковный) Елизавета Мюллер-Гимлер. * Тутцинг (Бавария) 31.7.1906, дочь оперного певца Георга Г. и Марианны, ур. Мюллер. Во 2-м браке (28.12.1938) за доктором философии и депутатом Бундестага Конрадом Финком (1900 — 1981).

дети от 2-го брака:

a. Евгения Елизавета Николаевна. * Мюнхен (Германия) 18.5.1929 (католичка, с 1.4.1938 православная). Пианистка.
X Бонн 18.11.1958 Мартин ф. Брух. * Певезин, Вестхейвелд 10.6.1911.

b. Николай Александр Фриц. * Мюнхен (Германия) 12.10.1933. Инж.
X Обернкирхен (Нижняя Саксония, ФРГ) 24.8.1962 Кристина Бюгге. * Штеттин (Германия) 17.12.1936, дочь доктора мед. Густава Б. и доктора мед. Доротеи, ур. Арнольд.

сыновья:

a) Николай Максимилиан. * Бонн 20.1.1963.

b) Константин Александр Петр. * Бонн 25.6.1965.

(3) Надежда Николаевна. * им. Горы Валдайского у. Новгородской губ. 21.7/2.8.1898, + Салинас (Калифорния, США) 2.12.1962. Пианистка.
X Сурабая (о. Ява, Индонезия) 1929 (развод: 1938) Александр Яковлевич Могилевский. * Одесса 27.1/8.2.1885, + Токио 5.3.1953, сын . Музыкант.

(4) Максимилиан Николаевич. * С.-Петербург 26.3/8.4.1900, + Зееон/Сехон (Бавария) 28.12/10.1.1906.

(5) Сергей Николаевич. * С.-Петербург 24.6/7.7.1903, + Монтерей (Калифорния, США) 27.6.1966. Инж., преподаватель яз.
X 1. Ницца (Приморские Альпы, Франция) 28.10.1925 (развод: Лейпциг (Германия) 16.12.1938) Анна Александровна Наумова. * им. Форос Ялтинского у. Таврической губ. 3/16.3.1900, дочь члена Гос. Совета, Самарского губ.п.д., действ, тайн, сов., егермейстера Высоч. Двора Александра Николаевича Н. (1868 — 1950) и Анны Константиновны, ур. Ушковой.
X 2. Лейпциг (Германия) 8.3.1939 (гражд.), Веве (Швейцария) (церковный) 17.4.1939 (развод: Берлин 25.7. 1942) Кира Ни-

колаевна Волкова. * Петроград 3/16.1. 1915, дочь Николая В. и Анны, ур. Васильевой.
x 3. Мюнхен (Германия) 23.7.1945 Ольга Сергеевна Викберг. * Згуровка Полтавской губ. 15.11.1926, дочь Сергея Николаевича В. и Нины Алексеевны.

дети от 1-го брака:
a. Мария Магдалина. * Ницца (Приморские Альпы, Франция) 1.9.1926.
x Ленокс (Массачусетс, США) 7.8.1949 Джозеф де Паскуале. * Филадельфия (Пенсильвания,
США) 14.10.1919, сын музыкант, первая скрипка в Филадельфийском симфоническом оркестре.
b. Анна Сергеевна. * Ницца (Приморские Альпы, Франция) 5.2.1928.
x Бостон (Массачусетс, США) 18.12.1954 Роберт Байярд Стоут. * Мидлсборо (Кентукки, США) 24.4.1931, сын.
c. Ольга Сергеевна. * Буа-Коломб близ Парижа (О-де-Сен, Франция) 25.6.1931.
x Бруклин (Массачусетс, США) 25.6.1957 (развод: 1965) Рональд Ньюбург. * Бостон (Массачусетс, США) 21.2.1926, сын.
d. Наталия Сергеевна. * Буа-Коломб близ Парижа (О-де-Сен, Франция) 28.2.1934. Доктор мед.
x Ленокс (Массачусетс, США) 12.10.1968 Малколм Бейкер Боуэрс. * Даллас (Техас, США) 1.9.1933.Доктор мед.

от 3-го брака:
e. Сергей Сергеевич. * Монтерей (Калифорния, США) 27.11.1955.
f. Елизавета Сергеевна. * Монтерей (Калифорния, США) 25.9.1957.
x Пасифик Гров (Калифорния, США) 5.10.1975 Джон Говард Крафт. * Айова Сити (Айова, США) 21.11.1954.

(6) Михаил Николаевич. * С.-Петербург 17.2./2.3.1905, + Оранж (Воклюз, Франция) 9.2.1928 (разбился на мотоцикле).

(7) Мария Николаевна. * С.-Петербург 21.5./3.6.1907.
x Париж 18.5.1929 (гражд.), 19.5.1929 (церковный) гр. Николай Дмитриевич Менгден бар. ф. Альтенвога. * С.-Петербург 1/13.4.1899, + Сан Пауло (Бразилия) 15.4.1973, сын ад. герцога Н. Н. Лейхтенбергского, ротм. (впоследствии полк.) Кавалергардского п. гр. Дмитрия Георгиевича М. бар. ф. Л. (* 1873) и Софии Николаевны, ур. Араповой (* 1873).

2) Георгий Николаевич. * Рим 22.12.1872, + Зееон/Сехон (Германия) 9.8.1929. Командир эскадрона Его Величества л.-гв. конного п. (1903 –1905), ротм. (1904), 17.12.1905 уволен от службы по бо-

лезни с производством в полк., кав. орд. Станислава 3 ст. (1903). Пред. Общества ревнителей истории (1912 — 1917). Во время 1-й мир. войны состоял при Российском Красном Кресте, затем офицер для поручений в штабе Юго-Западного фронта, в мае 1917 уволен приказом Воен. министра. Владелец дома в С.-Петербурге (Английская наб., 22) и им. Зееон. По раздельному акту 27.2.1904, Высоч. утв. 4.3.1904, получил 1/6 часть им. Сергиевка Петергофского у. С.-Петербургской губ.
X С.-Петербург 23.4/4.5.1895 кнж. Ольга Николаевна Репнина. * м. Яготин Пирятинского у. Полтавской губ. 9/21.8.1872, + Зееон (Бавария, ФРГ) 27.4.1953, дочь члена Гос. Совета, Киевского губ. п.д. кн. Николая Васильевича Р. (1834 — 1918) и Софии Дмитриевны, ур. св. кнж. Волконской (1841 — 1875). Фрейлина Ея И. В. Имп. Марии Федоровны. Владелица родовых им. в Пирятинском и Переяславском уу. Полтавской губ.

дети:

(1) Елена Георгиевна. * С.-Петербург 2/14.6.1896, + Аньер близ Парижа (Франция) 15.4.1977.
X Аграм близ Загреба (Королевство сербов, хорватов и словенцев) 6.6.1920 Аркадий Константинович Угричич-Требинский. * Инклеев Полтавской губ. 22.4/4.5. 1897, + Аньер близ Парижа (Франция) 10.3.1982. Композитор.

(2) Дмитрий Георгиевич. * С.-Петербург 18/30.4.1898, + Сен-Совёр-де Монтань (Квебек, Канада) 25.12.1972. 27.10/9.11 — 28.10/10.11.1917 участвовал в восстании юнкеров в Петрограде, был арестован, содержался в Трубецком бастионе Петропавловской крепости.
X Рим 13.5.1921 Екатерина Алексанровна Арапова. * Симбирск 4/17.1.1900, + Монреаль (Квебек, Канада) 13.9.1991, дочь действ, тайн. сов. Александра Викторовича Л. (1872 — 1929) и Анны Александровны, ур. Панчулидзевой (1880 — 1974). В 1-м браке (16.2.1919) за кн. Борисом Александровичем Чавчавадзе (1900 — 19.12.1919).

дети:

a. Елена Дмитриевна. * Мюнхен (Германия) 30.5.1922.

b. Георгий Дмитриевич. * Мюнхен (Германия) 11.1.1927 + Сен-Совёр-де Монтань (Квебек, Канада) 21.1.1963

(3) Наталия Георгиевна. * С.-Петербург 16/29.5.1900, + Сан-Бернардино (Калифорния, США) 1.8.1995.
X Зееон (Германия) 15.10.1924 бар. Владимир Федорович Меллер-Закомельский. * Колычевка . 1/13.9. 1894, + Фонтана (Калифорния, США) 5.6.1962, сын отст. кап. Федора Владимировича М.–З. (1857 — 1905) и Ольги Александровны, ур. Фило-

софовой (+ 1899). Корнет (1.10.1914) л.-гв. Конного п., шт.-кап. Белой Армии.

(4) Тамара Георгиевна. * С.-Петербург 1/14.12.1901.
X Тулон (Вар, Франция) 15.2.1933 Константин Георгиевич Каранфилов. * Севастополь Таврической губ. 11/24.1.1905, + Обань (Буш-дю-Рон, Франция) 15.4.1978.

(5) Андрей Георгиевич. * С.-Петербург 25.6/8.7.1903,
+ Нарва Петроградской губ. между 22 и 25.2.1919 (умер от тифа в армии ген. Юденича).

(6) Константин Георгиевич. * С.-Петербург 6/19.5.1905, + Оттава (Канада) 16.12.1983. Горный инж.
X Зеeон (Германия) 20.9.1929 кнж. Дария Алексеевна Оболенская. * Калуга 29.6./12.7.1903, + Торонто (Онтарио, Канада) 14.7.1982, дочь обер-прокурора Святейшего Синода, члена Гос. Совета, гофмейстера Высоч. Двора, тайн. сов. кн. Алексея Дмитриевича О. (1855— 1933) и Елизаветы Николаевны, ур. св. кнж. Салтыковой (1868-1957).

дочери:

a. Ксения Константиновна. * Траунштейн (Германия) 20.6.1930.
X Монреаль (Квебек, Канада) 12.7.1950 гр. Дмитрий Юрьевич Граббе. * Сремские Карловцы (Королевство сербов, хорватов и словенцев) 23.7.1927, сын о. Георгия (Юрия Павловича, впоследствии епископа Григория) Г. (1902—1995) и Варвары Максимовны, ур. Яржембской (1903—1977)

b. Ольга Константиновна. * Зеeон (Германия) 25.4.1932.
X Си-Клифф (Нью-Йорк, США) 15.6.1952 Олег Евгеньевич Гайдебуров. * Афины 2.7. (по другим источникам — 27.1.) 1922, сын Евгения Иосифовича Г. и . Проф. математики.

4. Ея И. Высоч. Евгения Максимилиановна **кнж. Р., герцогиня Л.** * С.-Петербург 20.3./1.4.1845, + Биарриц (Атлантические Пиренеи, Франция) 4.5.1925. Покровительница попечительного комитета о сестрах Красного Креста, попечительница Максимилиановской лечебницы и Общества поощрения художников.
X С.-Петербург 7/19.1.1868 Е. Высоч. (с 1914 – Е. И. Высоч.) принц Александр Петрович (герцог Александр Фридрих Константин) Ольденбургский. * С.-Петербург 21.5/2.6.1844, + Биарриц (Атлантические Пиренеи, Франция) 6.9.1932, сын предс. деп. гражд. и духовных дел Гос. Совета, ген.-от-инф. принца Петра Георгиевича (герцога Константина Фридриха Петра) О. (1812 — 1881) и Терезии Вильгельмины Фредерики Изабеллы Шарлотты, ур. принцессы Нассауской (1815 — 1871). Родной брат 1-й жены Е. И. Высоч. Георгия Максимилиановича кн. Р., герцога Л. Член Гос. Совета (1896),

ген.-от-инф. (6.12.1895), ген.-ад. (6.12.1895), Верховный начальник эвакуационной и санитарной части русской армии во время 1-й мир. войны, кав. орд. Андрея Первозванного (1868), Александра Невского (1868), Белого Орла (1868), Анны 1 ст. (1868), Станислава 1 ст. (1868), Георгия 4 ст. (1878), Владимира 1 ст. (1890), Владимира 2 ст. с мечами (1878), был награжден золотым оружием (1879).

5. Е. И. Высоч. Евгений Максимилианович **кн. Р., герцог Л.** * С.-Петербург 27.1/8.2.1847, + С.-Петербург 18/31.8.1901, а 21.8/3.9.1901 в Исидоровской церкви Александро-Невской лавры. Начальник 37-й пех. див. (1888 — 1893); с 1897 прикомандирован к войскам Гвардии, ген.-от-инф. (1898), ген.-ад. (1897), кав. орд. Андрея Первозванного (1847), Александра Невского (1847), Белого Орла (1847), Анны 1 ст. (1847), Владимира 2 ст. (1880), Станислава 1 ст. (1865), Владимира 3 ст. с мечами (1877), Георгия 4 ст., был награжден золотым оружием (1873). Совладелец им. Сергиевка Петергофского у. С.-Петербургской губ. и владелец дома в С.-Петербурге (Английская наб., 44).

X 1. Флоренция 8/20.1.1869 Дария Константиновна Опочинина. * 7/19.3.1844, + С.-Петербург 7/19.3.1870, первоначально погребена в Троице-Сергиевой пустыни близ С.-Петербурга, 26.1/8.2.1910 перенесена в Исидоровскую церковь Александро-Невской лавры, дочь полк., фл.-ад. Константина Федоровича О. (1808 — 1848) и Веры Ивановны, ур. Скобелевой. Двоюродная сестра 2-й жены своего мужа. Фрейлина Высоч. Двора.

X 2. Петергоф С.-Петербургской губ. 2/14.7.1878 Зинаида Дмитриевна Скобелева. * . 11/23.1.1856, + С.-Петербург 4/16.6. 1899, □ 7/19.6.1899 в Исидоровской церкви Александро-Невской лавры, дочь ген.-лейт. Дмитрия Ивановича С. (1821 — 1880) и Ольги Ивановны, ур. Полтавцевой (+ 1880). Двоюродная сестра 1-й жены своего мужа, родная сестра знаменитого «белого генерала» М. Д. Скобелева.

дочь от 1-го брака:

1) Дария Евгениевна гр- Б- (после революции — Дора Евгениевна Лейхтенберг). * С.-Петербург 28.2/12.3.1870, + Ленинград 5.11.1937 (расстрел). В 1906 окончила Сорбонну (Париж). Владелица им. Аташино и Заболотье Режицкого у. Витебской губ. В 1920 — 1930 работала в библиотеке издательства «Всемирная литература», а затем зав. иностранным отделом спецхранения Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде. 10.9.1937 была арестована и 29.10.1937 приговорена Комиссией НКВД по статье 58-1а УК РСФСР к высшей мере наказания в особом порядке («суду не подлежала») по обвинению в принадлежности к «монархической террористической организации и за связь со шпионско-террористической группой германских политических эмигрантов, созданной Гестапо». Посмертно реабилитирована 11.5.1989 Воен. прокуратурой Ленинградского ВО.

X 1. Баден-Баден 26.8/7.9.1893 (развод: . 1911) кн. Лев Михайлович Кочубей[9]. * Париж 11.6.1862, + Париж 9.5.1927, сын Подольского губ.п.д., соучредителя АО золотопромышленной компании, тайн, сов., шталмейстера Высоч. Двора кн. Михаила Викторовича К. (1816 — 1874) и Александры Марии Евгении Алисы (Александры Просперовны), ур. де Брессон (1838 — 1909). Поч. член общества поощрения полевых достоинств охотничьих собак и всех видов охоты, член Высоч. учрежденного Особого Комитета по усилению Воен. флота на добровольные пожертвования.

X 2.1911 бар. Вольдемар Александр Эдуард (Владимир Евгеньевич) ф. Гревениц. * Верный (Туркестан) 31.10/ 12.11.1872, + Гельсингфорс 24.4/7.5.1916, □ 26.4/9.5.1916 на местном лютер. кладб., сын Верненского у. судьи, кол. сов. Евгения Павла Николая (Евгения Александровича) ф. Г. (1843 — 1887) и Ольги Гертруды Шарлотты (Ольги Александровны), ур. ф. Геннингс (1850 — 1912). 1-м браком был женат на Луизе Юльевне . Командир яхты «Алмаз» (1910 — 1911) и линейного корабля «Полтава» (1911 — 1916), кап. 1-го р. (25.3.1912), кав. орд. Георгия 4 ст. (27.9.1904), Анны 2 ст. (1909), Анны 3 ст. с мечами и бантом (30.5.1904), Станислава 2 ст. с мечами (14.11.1905), Владимира 4 ст. с бантом (1907) и иностранных.

X 3. Петроград , 1918 Виктор Александрович Маркизетти. * Вена, 1874, + . после сент. 1937, сын.Австрийский подданный, окончил реформатское училище в С.Петербурге (1894) и Высшее техническое училище в Вене (1901), работал консультантом при 4-м отделе Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде.

6. Е. И. Высоч. Сергей Максимилианович кн. Р., герцог Л. * С.-Петербург 8/20.12.1849, + под Иован-Чифтликом (Болгария) 12/24.10.1877 (погиб, находясь в рекогносцировке), □ 24.10./ 5.11.1877 в Петропавловском соборе в С.-Петербурге. Ген.-м. (1877).

7. Е. И. Высоч. Георгий Максимилианович кн. Р.; герцог Л. * С.Петербург 17/29.2.1852, + Париж 20.4/3.5.1912, □ 28.4./11.5. 1912 в Петропавловском соборе в С.-Петербурге. Ген.-лейт. (1910), ген.-ад. (1910), кав. орд. Андрея Первозванного (1852), Александра Невского (1852), Анны 1 ст. (1852), Белого Орла и Станислава 1 ст. (1865), Владимира 3 ст. (1908), Владимира 4 ст. (1897). Совладелец им. Сергиевка Петергофского у. С.-Петербургской губ. (после смерти брата кн. Евгения владел 2/3).

X 1. Штуттгарт 12.5.1879 принцесса Терезия Петровна (герцогиня Терезия Фредерика Ольга Вильгельмина) Ольденбургская.
* С.-Петербург 18/30.3.1852, + 7/19.4.1883, □ Троице-Сергиева пустынь близ С.-Петербурга, дочь члена Гос. Совета, ген. от инф. принца Петра Георгиевича (герцога Константина Фридриха Петра) О. (1812 — 1881) и Терезии Вильгельмины Фредерики Изабеллы Шарлотты, ур. принцессы Нассауской (1815 — 1871).

ˣ 2. Петергоф С.-Петербургской губ. 16/28.8.1889 (развод: С.Петербург 15/28.11.1906) кнж. Анастасия (Стана) Николаевна Черногорская. * Цетинье 23.12.1867/4.1.1868, + Кап-Антиб (Приморские Альпы, Франция) 15.11.1935, дочь кн. (с 1909 короля) Черногории Николая I Петровича-Негоша (1841 — 1921) и Милены, ур. Вукотич (1847 — 1923). Во 2-м браке (29.4/12.5.1907) за Верховным главнокомандующим русской армией (1914 — 1915), наместником на Кавказе (1915 — 1917) Е. И. Высоч. Вел. Кн. Николаем Николаевичем Младшим (1856 — 1929).

сын от 1-го брака:

1) Е. И. Высоч. Александр Георгиевич **кн. Р., герцог Л.** * С.Петербург 1/13.11.1881, + Салье-де-Беарн (Атлантические Пиренеи, Франция) 28.9.1942. Командир 4-го Донского каз. гр. Платова п. (1916 — 1917), полк. (1915), кав. орд. Андрея Первозванного (1881), Александра Невского (1881), Белого Орла (1881), Анны 1 ст. (1881).
ˣ С.-Петербург 9/22.4.1917 Надежда (Надина) Николаевна Карали. * С.-Петербург 2/14.7.1883, + Салье-де-Беарн (Атлантические Пиренеи, Франция) 9.2.1964, дочь бердян-ского, затем с.-петербургского купца 1-й гильдии Николая Ивановича К. (1839 — 1904) и Марии Александровны, ур. Горович[10] . В 1-м браке (развод: до 1911) за (вице-консулом во Франкфурте, надв. сов., кам.-юнк. Николаем Георгиевичем?) Шлейфером, во 2-м (развод был утв. указом Святейшего Синода 9/22.10.1916) — за сверхштатным чиновником Гос. Канцелярии, Мозырским у.п.д., тит. сов. Борисом Александровичем Игнатьевым (* 1887).

дети от 2-го брака:

2) Е. Высоч. Сергей Георгиевич кн. **Р., герцог Л.** * Петергоф С.-Петербургской губ. 4/16.7.1890, + Рим 16.12.1974[11], □ кладб. Тестаччо. Ст. лейт. (10.4.1916) 2-го Балтийского флотского экипажа, фл.-ад. (6.1.1912), кав. орд. Андрея Первозванного (1890), Александра Невского (1890), Белого Орла (1890), Анны 1 ст. (1890), Станислава 1 ст. (1890), Анны 4 ст. с надп. «За храбрость» (19.1.1915), Владимира 4 ст. с мечами и бантом (5.3.1915). Участник Гражданской войны в Вооруженных силах Юга России, эмигрировал в Италию. Возглавлял Русское Собрание в Риме, после 2-й мир. войны — поч. преде. Русского Национального Объединения.

3) Ея Высоч. Елена Георгиевна кнж. Р., герцогиня Л. * Ницца (Приморские Альпы, Франция) 3/15.1.1892, + Рим 6.2.1971, □ кладб. Тестаччо.
ˣ Ялта Таврической губ. 18/31.7.1917 гр. Стефан Тышкевич. * Варшава 24.11/6.12.1894, + Лондон 1.2.1976, сын ... Владелец им. Аандваров под Вильно (Польша).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Hozier L. P. de. Beauharnois. P. 1. //Armoriai général. Reg. V. Paris, 1764. Известия о более ранней истории рода — о его происхождении от героев крестовых походов или же от богатых орлеанских мещан, приобретших Мирамион в результате брака и испросивших благородное имя «де Б.» («красивый панцирь») у короля — имеют совершенно легендарный характер.

[2] В том же году при посещении Франции Евгений, желая выразить лояльность, представился королю Людовику как «маркиз де Богарне»; в ответ король устно подтвердил титул принца и предложил вернуться на родину в звании маршала Франции. Евгений предпочел Баварию.

[3] В этих указах рождение детей герцога Л. и его супруги именовалось «Императорского Дома приращением».

[4] Первоначально сеньор де Пор–Мальте в Акадии (ныне Канада); 25.6.1707 грамотой Людовика XIV земля и сеньория Пор–Мальте возведены в баронию с переименованием в Бовиль. Первый барон умер без наследников; в результате расширительного толкования грамоты 1707 барония перешла к племяннику, что получило в 1764 признание Гербового судьи Франции.

[5] В качестве второго сына маркиза он имел условный «титул вежливости» виконта. Обозначение «титулов вежливости» коронами было сравнительно нетипичным.

[6] Ред. признательна бар. Э. Пиното за ценную консультацию.

[7] В браке Вел. Кнг. Династическое законодательство не предусматривало присвоение титула Вел. Кнг. Вел. Княжне при выходе ее замуж за особу, не принадлежащую к Имп. Фамилии. Подобные пожалования в виде исключения совершались в отношении некоторых Вел. Кнж., вступавших в равнородные браки и остававшихся в России.

[8] Герцог Николай Николаевич Л. и герцог Георгий Николаевич Л. положили начало двум ветвям, получившим в генеалогической литературе условные наименования «Рут» и «Зееон» (по названиям владений их родоначальников: им. Рут на юге Франции и замка Зееон/Сехон в Верхней Баварии). Представители обеих ветвей, согласно Высоч. Указу 11.11.1890, имеют титул и фамилию герцогов Л. и титул Светлости.

[9] Сын от этого брака в эмиграции пользовался фамилией Кочубей–Богарне. • Кн. Евгений Львович Кочубей–Богарне. * Петергоф С.–Петербургской губ. 24.7.1894, + Париж 6.11.1951, □ Сент–Женевьев–де–Буа (Эсон, Франция). x Виктория (Колумбия, Канада) 30.8.1917 Елена Джеральдина Пирс. * Ле Кап (Капская колония) 23.7.1898, + Париж 21.6.1980, □ Сент–Женевьев–де–Буа (Эсон, Франция), дочь Генри П. и Лили, ур. Гулд.

[10] Согласно Учреждению об Имп. Фамилии, Надежда Николаевна, как неравнородная супруга, не имела прав на титулы, принадлежавшие ее супругу как члену Имп. Фамилии (И. Высоч.; кн. Р.; герцогини Л.). Нединастический титул герцогини А. также не был ей предоставлен.

[11] Запись о смерти в метрической книге Свято–Николаевской церкви в Риме (сообщено М. Г. Талалаем); запись о погребении в кладбищенской книге (№ 3643) кладб. .Тестаччо; «Русская мысль», 1975, январь, № 3034, 3035.

РУССКАЯ ВЕТВЬ МЕКЛЕНБУРГ-СТРЕЛИЦКОГО ДОМА

Прежде чем поведать о судьбе так называемой «русской» ветви Мекленбург-Стрелицкого Дома, несколько слов об истории Мекленбургской династии.

Первоначально на территории мекленбургских герцогств, расположенных на северо-востоке Германии на побережье Балтийского моря, жили германские племена. На заключительном этапе великого переселения народов они были вытеснены со своих земель в VII в. славянскими племенами бодричей или ободритов[1]. Славяне основали на вновь обретенных землях город Микилинбор, давший впоследствии свое имя Мекленбургу. Последним самостоятельным бодричанским князем был Никлот, который погиб в 1160 г. во время войны с Генрихом Львом (1129—1195), герцогом Саксонии и Баварии. Князь Прибыслав, сын Никлота, принял христианскую веру и получил обратно часть своих владений уже в качестве вассала саксонского герцога[2]. В 1170 г. он был возведен в княжеское достоинство Священной Римской империи[3], а в 1179 г. Генрих Борвин, внук Никлота, стал князем Мекленбурга[4].

В 1229 г. династия разделилась на четыре линии. В результате длительной борьбы старшая, Шверинская, линия через почти 250 лет, в 1471 г., объединила под своею властью весь Мекленбург. В 1348 г. она получила от императора Карла IV (1316—1378) герцогский титул. Это была первая и единственная немецкая династия славянского происхождения.

В начале XVII в. произошло новое разделение страны между двумя братьями, Адольфом Фридрихом I (1588—1658) и Иоганном Альбрехтом II (1590—1636)[5], образовавшими линии Шверин и Гюстров[6]. Последняя пре-

кратилась в 1695 г.[7]. Попытка шверинской линии объединить страну под своею властью не увенчалась успехом и 8.03.1701 г. страна официально разделилась на два государства — герцогства Мекленбург-Шверинское и Мекленбург-Стрелицкое[8]. В первом воцарил Христиан Людвиг II (1683—1756), сын шверинского герцога Фридриха I (1638—1688), во втором — брат последнего Адольф Фридрих II (1658—1708)[9].

Два мекленбургских герцогства просуществовали 217 лет. Продемонстрировав свое отрицательное отношение к наполеоновскому Рейнскому союзу[10], они были за это преобразованы в 1815 г. Венским конгрессом в великие герцогства[11]. Оба государства исчезли с карты Европы в результате Ноябрьской 1918 г. революции в Германии.

Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого Дома образовалась в середине XIX века, и ее представители (таблица 1) скромно тянули армейскую лямку в Русской императорской армии. Родоначальник ее герцог Георг Август Эрнест Адольф Карл Людвиг (16) был вторым сыном владетельного (с 1815 г. — великого) герцога Георга Фридриха Мекленбург-Стрелицкого (7) и племянником прусской королевы Луизы (6), известной в истории своим свиданием с императором Наполеоном в Тильзите в 1807 г. Дочь последней в 1817 г. вышла замуж за будущего императора Николая Павловича (11). По-видимому, это обстоятельство явилось причиною того, что в 1850 г. герцог Георг Август обручился, а в 1851 г. женился на великой княжне Екатерине Михайловне (15), дочери великого князя Михаила Павловича (10) и великой княгини Елены Павловны (9), и тем самым утвердился в Михайловском дворце.

О днях его юности известно, что он начал свое образование в Дрезденской гимназии, закончил его в Боннском университете и поступил затем артиллеристом в прусскую армию, блистательно сдав экзамен на капитанский чин[12]. Неизвестно, как сложилась бы его судьба, не случись революция 1848 г. Выказав стойкость в уличных боях, он был глубоко уязвлен капитуляцией своего двоюродного брата короля Фридриха Вильгельма IV, и это побудило его навсегда покинуть прусскую службу. Отсутствие перспективы на великогерцогскую корону и противные ему послереволюционные либеральные идеи, разъедавшие Европу, привели его в конце концов в Россию.

Как двоюродного брата императрицы Александры Федоровны (12), с одной стороны, и мужа внучки и племянницы императоров — с другой, его приняли на русскую военную службу, пожаловали чин генерал-майора артиллерии и назначили членом артиллерийского отделения военно-ученого комитета. Расцвет его деятельности пришелся на царствование императора Александра II, в пору великих преобразований в России, когда он был назначен инспектором стрелковых батальонов и председателем комитета об улучшении штуцеров и ружей. С тем же рвением и упорством, с каким он разрушал баррикады берлинских ремесленников, герцог Георг Август принялся за перевооружение русской армии нарезными ружьями.

Судя по воспоминаниям очевидцев, он никакого влияния при дворе не имел, сторонился интриг, держался в тени и, как добропорядочный немец, скромно выполнял свои служебные и светские обязанности, участвуя в парадах, торжественных церемониях и придворных обедах. Некоторое раздражение у него вызывала великая княгиня Елена Павловна (9), которая довлела над всеми в Михайловском дворце и вмешивалась в семейные дела своей дочери. Однако, понимая, что никто не вечен в этом мире, он не шел на обострение отношений и молчаливо уступал. Дослужился герцог Георг Август до генерала от артиллерии, был пожалован генерал-адъютантом и скончался 8/20 июня 1876 года от болезни почек, лишь на три с половиной года пережив свою тещу. Граф П. А. Валуев, который был близок к Михайловскому дворцу, так описывает его смерть:

«7 июня. Герцог Мекленбургский умирает. Недуг принял быстрый и острый ход, не оставляющий, говорят, надежды на благоприятный исход.

10 июня. Герцог Мекленбургский скончался 8-го утром. Похоронный обряд завтра. Ничего точного и подробного неизвестно. Из Красного Села пришла конная гвардия, стрелки и артиллерия.

13 июня. В пятницу 11-го происходила похоронная церемония в лютеранской церкви св. Анны. Присутствовали императрица, великие княгини Александра Петровна и Мария Александровна, вел. князь Владимир и младшие вел. князья. От церкви до Варшавской железной дороги тянулась процессия по утвержденному церемониалу. В строю были конная гвардия, стрелки и артиллерия. В церкви из сановных и чиновных лип было немного.»[13].

После него остались дочь Елена Георгиевна (20) и два сына: Георгий Георгиевич (21) и Михаил Георгиевич (23). Кроме них великая княгиня Екатерина Михайловна родила 11 июля 1854 г. сына Николая, скончавшегося через несколько часов после рождения, и в начале мая 1861 г.— дочь Марию, прожившую немногим больше шести месяцев.

Принцесса Елена Георгиевна (20), или Елена Мария Александра Елизавета Августа Екатерина, как она была наречена при крещении лютеранским пастором, родилась 16 января 1857 г. в Петербурге. Будучи единственною дочерью и, в отличие от своих братьев, оставаясь все время при матери, она, «весьма добрая, честная девушка»[14], была буквально задавлена Екатериною Михайловною, по натуре своей хотя и доброй, но женщиной тяжелой, придерживавшейся к тому же консервативных взглядов. Следствием этого было чрезвычайное ожесточение дочери против матери. Обстановка внутри семьи осложнялась еще и тем, что Елене Георгиевне долго не могли подобрать соответствующую ее положению партию. Лишь на тридцать пятом году жизни случай в лице ее троюродного брата, сорокавосьмилетнего вдовца принца Альберта Саксен-Альтенбургского (19), помог ей обрести семью и избавиться от материнской опеки.

Ее муж был типичным представителем таких людей, которым, по меткому выражению В. О. Ключевского, «жить в чужих людях было фамильным промыслом, служить при чужом дворе и наследовать чужое — династическим

заветом»[15]. Он начал свою службу в России и долго командовал лейб-гвардии Гродненским гусарским полком. Женившись затем на внучатой племяннице германского императора Вильгельма I (13) и дочери принца Фридриха Карла Гогенцоллерна, победителя французов при Вионвиле и Сен-Прива в 1870 г., он перешел на прусскую службу, дослужился до чина бригадира и слыл у императора Вильгельма II специалистом по русскому двору. По словам А. А. Половцова это был «умный, остроумный, веселый, неумолкаемый рассказчик с неистощимым запасом анекдотов, готовый на всякую проделку, могущую сколько-нибудь улучшить его положение», состоящий «в дружеских отношениях со всеми, не внушая доверия никому»[16].

Своих детей Елена Георгиевна не имела и, живя после свадьбы то в Петербурге, то в замке Серран в Мекленбург-Шверинском герцогстве, занималась воспитанием детей мужа от его первого брака. Овдовев в 1902 г., она поселилась в Каменноостровоком дворце в Петербурге, куда перевезла из Михайловского дворца половину библиотеки и мебель из Белоколонного зала, в том числе по рисункам К. Росси. Летом она жила в Китайском дворце в Ораниенбауме, который содержала «в удивительном порядке»[17]. Вместе с тем, она отказывалась проводить в нем какие-либо реставрационные работы, чтобы не нарушить художественной ценности этого уникального памятника архитектуры.

Имея способности и получив в детстве хорошее музыкальное образование, Елена Георгиевна содействовала его распространению в России, являясь председательницею Императорского Русского музыкального общества. После революции она эмигрировала в Германию, где и скончалась в 1936 г.

Герцог Георгий Георгиевич (21), или Георг Александр Михаил Фридрих Вильгельм Франц Карл родился 6 июня 1859 г. в Ремплине, имении, приобретенном незадолго до этого великой княгиней Екатериной Михайловной в Мекленбурге. По свидетельству А. Н. Бенуа, герцог «вырос в музыкальной атмосфере, созданной еще его бабкой … в. к. Еленой Павловной»[18]. Он хорошо разбирался в музыке, которой учился у К. Рейнеке и К. Давыдова[19], и был известен в России как композитор-любитель и музыкант, основавший в 1896 г. струнный квартет, более известный под именем «квартета Мекленбургского». По характеру это был простодушный и добрый человек, простой в общении и чуждый снобизму. А. Н. Бенуа утверждал, что герцог Георгий Георгиевич «при некоторой своей … наивности … был более на европейский лад образован, нежели многие его «собратья», наши коренные великие князья»[20].

В личной жизни он отдал приоритет чисто человеческим ценностям, женившись в 1890 г. по любви на Наталии Федоровне Вонлярской, лектриссе его матери, «с которой Прожил двадцать лет в полном согласии»[21]. Этот морганатический брак дал трех дочерей — Екатерину (27), Марию (29), Наталию (31) — и сына Георга (34). Скончался герцог 5 декабря 1909 г. в чине генерал-майора командиром лейб-гвардии Драгунского полка и похоронен в Ораниенбауме.

Наталия Федоровна (20) родилась 4/16 мая 1858 г. в Петербурге в семье подпоручика лейб-гвардии Преображенского полка и была крещена в Преображенском всей гвардии соборе[22]. Ее отец, Федор Ардалионович Вонлярский, впоследствии действительный статский советник, служил в конце XIX столетия в техническом комитете департамента неокладных сборов министерства финансов. «Она была весьма неглупой женщиной … интересовалась и художеством и литературой, больше же всего — музыкой» и «вполне заслуживала быть зачисленной в разряд приятнейших особ женского пола»[23]. В том же 1890 г. великий герцог Мекленбург-Стрелицкий пожаловал ей титул графини Карловой[24] по имению герцогской семьи Карловка в Полтавской губернии. Этот титул наследовали ее дети, и он был признан в России.

Не принятая первоначально при дворе, она «ушла … в свою, семью, в воспитание своих детей и в заботы об обожаемом муже … и постепенно покорила все сердца»[25], благодаря своей скромности и неизменной приветливости в общении с людьми.

Второй сын герцога Георга Августа и великой княгини Екатерины Михайловны — Михаил Георгиевич (Карл Михаил Вильгельм Август Александр) (23) родился в Ораниенбауме 17 июня 1863 г., окончил Страсбургский университет и затем, вернувшись в Петербург, служил в гвардейской артиллерии. Пройдя в лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригаде путь от поручика до генерал-майора, он в 1904 г. стал ее командиром. Впоследствии герцог получил чин генерал-лейтенанта и занял должность начальника артиллерии 1-го Армейского корпуса, а с 1911 г. состоял в распоряжении военного министра. Во время войны он участвовал в боевых действиях против австро-венгерских войск в качестве начальника артиллерии Гвардейского корпуса и был награжден орденом Св. Георгия.

Породнившись с императорской фамилией, пустив здесь корни, эта ветвь Мекленбург-Стрелицкого Дома предполагала навсегда связать свою судьбу с Россией. Об этом свидетельствуют их имущественные интересы на новой Родине. Они состояли из двух видов владений: дворцовых имений и частной собственности. К первым относились Михайловский дворец, Каменноостровский дворец с островом, Ораниенбаумский дворец с угодьями и выкупным капиталом и Староскворицкое имение Санкт-Петербургской губернии с Черемыкинской, Верепельской и Ожогинской дачами. Отчуждение этих имений могло последовать только в пользу императора или кого-либо из членов императорской фамилии[26]. Ко вторым относилось имение Карловка Константиноградского уезда Полтавской губернии и дом в Москве. Кроме того, лично графиня Карлова с детьми владела имением Жабино в Петергофском уезде[27].

По высочайше утвержденному 13 марта 1891 г. духовному завещанию великой княгини Екатерины Михайловны, принадлежавшие ей недвижимые имения были распределены следующим образом: Михайловский дворец, Каменноостровский дворец с островом и Ораниенбаумский дворец со всем ему принадлежащим дворцовым имением завещаны были герцогам

Георгию и Михаилу Георгиевичу Мекленбург-Стрелицким и принцессе Елене Георгиевне Саксен-Альтенбургской, причем «первому в пожизненное пользование, а последним двум в полную собственность, всем в равных долях»[28]. Оговорка относительно герцога Георгия Георгиевича была связана с тем, что он был женат морганатическим браком, в связи с чем ни его жена, ни его дети не могли наследовать дворцовые имения, являвшиеся собственностью императорской фамилии.

Между прочим, по свидетельству С. Ю. Витте император Александр III утвердил завещание великой княгини Екатерины Михайловны не читая его, так как оно было составлено К. П. Победоносцевым. Когда же он узнал, что согласно этому завещанию Михайловский дворец перешел к герцогам, то был сильно разгневан, так как считал, что дворец не должен был выхоить из ведения императорской фамилии. Уже при императоре Николае II он был выкуплен у герцогов за 4 млн. руб., причем оказалось, как свидетельствует С. Ю. Витте, что при освобождении дворца они сняли «все ценные двери, камины, вообще все украшения, которые, в сущности, у нас не признаются движимым имуществом, а считаются принадлежностями недвижимого имущества. Но, тем не менее, принц все это ободрал, забрал все ценные двери, камины и т. д.»[29].

Художник П. И. Нерадовский утверждает даже больше со слов некоего Г. С. Лобуса, что недовольство наследников великой княгини Екатерины Михайловны необходимостью покинуть дворец «проявлялось в том, что они ломали уходившие из их рук вещи… Так. они с особым удовольствием разбивали статуи, которые были составлены на время ремонта в дворцовом манеже». Правда, он тут же делает исключение для Елены Георгиевны, которая «в отличие от других наследников … в 1917 году передала Русскому музею всю ценную обстановку Белоколонного зала, мебель, вазы и другие вещи»[30].

Такая точка зрения некоторых современников, основанная на слухах и правовой некомпетентности, как видим, сильно трансформировала действительные события. Согласно еще завещанию великой княгини Елены Павловны, утвержденному в 1873 г. императором Александром II, к частной собственности членов Мекленбург-Стрелицкого семейства в России относилось также и все «внутреннее устройство дворцов и зданий»[31], входивших в состав их дворцовых имений. Поэтому герцоги на законном основании вывезли внутреннее убранство Михайловского дворца, оно было частной собственностью их покойного деда великого князя Михаила Павловича. Свидетельства же относительно якобы имевших место актов вандализма не нашли своего подтверждения в воспоминаниях такого авторитетного свидетеля, как А. Н. Бенуа, близко знавшего семью герцога Георгия Георгиевича.

Впоследствии высочайшими повелениями Ораниенбаумское имение в 1899 г. и Каменноостровский дворец с островом в 1902 году были исключены из дворцового имущества и стали частной собственностью потомков великой княгини Екатерины Михайловны[32].

По-видимому, чтобы как-то компенсировать потерю Михайловского дворца, в 1895 г. герцогам был продан участок под № 5 по Троицкой улице и смежный с ним участок под № 46 по наб. Фонтанки со старинным особняком, которые принадлежали Кабинету его величества. В этом доме и жила графиня Наталия Федоровна Карлова со своими детьми, выезжая на лето в Ораниенбаум, в Большой дворец. В этом же доме проживал и младший брат ее покойного мужа герцог Михаил Георгиевич.

Имущественные интересы подвигнули Наталию Федоровну после смерти мужа начать в 1910 г. хлопоты по выходу ее детей из Мекленбург-Стрелицкого подданства и о принятии ими русского подданства, чтобы укрепить их положение в России как крупных землевладельцев (одно имение Карловка включало шестьдесят тысяч гектаров земли). В итоге высочайшим указом, данным 16/29 декабря 1910 г. Правительствующему Сенату, «дети почившего герцога Георгия Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого от брака с графинею Наталиею Федоровною Карловою — графини Екатерина, Мария и Наталия и граф Георгий Карловы» были «приняты в русское подданство»[33]. В 1913 г. Санкт-Петербургское и Полтавское дворянские депутатские собрания записали Наталию Федоорвну и ее детей в дворянские родословные книги этих губерний[34]. Последовавшие вскоре события подтолкнули к этому шагу и герцога Михаила Георгиевича.

11 июня 1914 г. на престол великого герцогства Мекленбург-Стрелицкого вступил 32-летний неженатый Адольф Фридрих VI (36). В случае его кончины корону должен был наследовать герцог Михаил Георгиевич. Однако последний сообщил своему суверену, что, «родившись в России и принадлежа со дня рождения к русской армии, с которой его связывает продолжительная действительная служба, владея крупными недвижимыми имениями в России и заведуя делами наследников своего покойного брата, он желает навсегда остаться в России, принять русское подданство и отказаться от всех своих прав на наследование престола в великом герцогстве[35].

Последовал обмен мнениями между сторонами, в результате чего великий герцог Адольф Фридрих согласился с доводами своего двоюродного дяди и 25 июля подписал свидетельство об увольнении Михаила Георгиевича из Мекленбург-Стрелицкого подданства[36].

Эта переписка происходила на фоне драматических событий, сотрясавших Европу после убийства в Сараево 28 июня эрцгерцога Фердинанда. 28 июля началась война между Австро-Венгрией и Сербией, 29 июля Россия объявила частичную, а 30 июля всеобщую мобилизацию русских войск, 31 июля Германия потребовала от России прекратить мобилизацию, а 1 августа объявила последней войну. Накануне, 31 июля, герцог Михаил Георгиевич получил увольнительное свидетельство[37].

Одновременно, еще в июне, Михаил Георгиевич начал ходатайствовать о принятии его в русское подданство[38]. После получения увольнительного свидетельства последовал именной высочайший указ от 25 июля (7 августа) 1914 г., в котором, в частности, говорилось: «Соизволив на удовлетворение … ходатайства герцога Михаила Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого и на

сохранение за ним титула, коим он пользовался до принятия его в русское подданство, повелеваем Правительствующему Сенату к исполнению сего сделать надлежащее распоряжение»[39].

23 августа/5 сентября 1914 г. последовал аналогичный указ в отношении принцессы Елены Георгиевны Саксен-Альтенбургской[40].

Однако события развивались таким образом, что всем русским представителям этого Дома вскоре пришлось искать убежища за границей, в том числе и на их исторической родине. После февральской революции 1917 г. герцог Михаил Георгиевич был уволен из рядов русской армии как родственник низложенной династии.

К лету 1917 г. семья стала покидать Петроград. Выступление большвиков в городе 3 июля застало герцога Михаила Георгиевича и принцессу Елену Георгиевну в санатории Надеждино под Москвой. Обеспокоенный дошедшими до него слухами о происшедшем в столице, герцог запрашивает управляющего своим двором И. Р. Витта: «Все ли у нас невредимы и целы ли наши жилища?»[41].

Графиня Наталия Федоровна с сыном отправилась на Северный Кавказ, в Кисловодск. В центральной части России на железных дорогах еще сохранился порядок и до Ростова они доехали «идеально в международном вагоне»[42]. Дальнейший путь был сопряжен с большими трудностями. Поврежденный мост через Дон еще не восстановили и им пришлось нести свой багаж по специальному пешеходному мосту. На другом берегу толпа штурмовала готовый к отправке поезд, причем люди влезали в вагоны и через двери и через окна. Карловым удалось попасть не только в вагон, коридор которого был «битком набит чемоданами, сундуками и пассажирами, сидящими на последних»[43], но и в купе, в каждое из которых набилось до десяти человек. Лишь под утро второго дня пути они добрались, наконец, до Кисловодска. Там их встретили две дочери Наталии Федоровны, которые со своими мужьями прибыли на курорт еще раньше. «Все мы очень рады быть вместе после довольно долгой разлуки», — писала Мария Георгиевна своему дяде[44].

В Кисловодске жизнь текла без внешних признаков разрухи. На курорте собрался столичный цвет общества и его образ жизни не отличался от обычного времяпрепровождения: великая княгиня Мария Павловна, вдова вел. кн. Владимира Александровича, устраивала пикники; очень часто давались концерты с участием столичных знаменитостей[45]; лицеисты, собравшиеся в Кисловоске, отметили свой стошестилетний юбилей торжественным обедом[46]. Живо обсуждались такие события, как приезд в город А. Шидловского «в штатском и с револьвером в кармане» для переговоров с женою о разводе[47], и слухи о том, что граф Менгден «получил отставку с мундиром, но без производства в генерал-майоры»[48], а «Извольский уволен в отставку и будет получать 7 т. пенсии»[49].

Надвигавшиеся грозные события в Петрограде здесь не ощущались и казались нереальными, отчего «интересы стали менее серьезные и разговоры о политике отошли на второй план»[50].

Глубокой осенью в Кисловодск приехали герцог Михаил Георгиевич и принцесса Елена Георгиевна. После Октябрьского переворота их недвижимое имущество было национализировано. В частности, в декабре 1917 г. дом на Фонтанке со всем внутренним убранством перешел под охрану рабоче-крестьянского правительства и в 1918 г., в соответствии с решением комиссариата народного просвещения, был присоединен к музею города[51], размещавшемуся в те годы в Аничковом дворце.

В конце зимы 1918 т. в Кисловодск пришло известие, что 23 февраля покончил жизнь самоубийством великий герцог Адольф Фридрих VI, не оставив потомства. Так как герцог Михаил Георгиевич еще ранее отказался от своих прав на престол, то в соответствии с конституцией корона должна была перейти в род герцогов Мекленбург-Шверинских. Но сильные сепаратистские тенденции в Мекленбург-Стрелице, основанные на отрицательном отношении населения к идее объединения двух германских государств, заставили великого герцога Фридриха-Франца IV Мекленбург-Шверинского объявить себя только местоблюстителем Мекленбург-Стрелицкого престола. Правительство Фридриха Франца IV также постаралось избежать выяснения отношений по этому вопросу, чтобы не провоцировать нежелательные волнения во время войны. Для успокоения общественности было рекомендовано Мекленбург-Стрелицкому ландтагу обсудить на его сессии конституционный вопрос. Одновременно, по-видимому, через германского консула в Тифлисе связались с герцогом Михаилом Георгиевичем. Последний в конце июля 1918 г. во второй раз отказался от своих прав на трон, но Фридрих Франц IV получил этот документ лишь в январе 1919 г. в Дании, куда он бежал после Ноябрьской 1918 г. революции в Германии[52].

Как же сложилась судьба представителей русской ветви Мекленбург-Стрелицкого Дома в дальнейшем? Они не стали дожидаться фатального исхода Гражданской войны и еще до ее завершения покинули Россию. Графиня Наталия Федоровна Карлова в итоге оказалась в Каннах, где вскоре и скончалась[53]. Ее дочери перебрались в Лондон. Принцесса Елена Георгиевна, герцог Михаил Георгиевич и их племянник граф Георг Карлов осели в своем имении в Ремплине в Мекленбург-Стрелице, которое на некоторое время стало фамильным пристанищем семьи в ту слишком бурную эпоху.

Сын Наталии Федоровны, граф Георг Карлов (34), 7 октября 1920 г. женился на графине Ирине Михайловне Толстой, урожденной Раевской (33)[54]. Она родилась 18 августа 1892 г. в Царском Селе и была дочерью генерал-майора Михаила Николаевича Раевского (1841—1893) и его жены Марии Григорьевны, урожденной княжны Гагариной. Ее дед, Николай Николаевич Раевский, был сыном героя Отечественной войны 1812 г. Н. Н. Раевского и другом А. С. Пушкина, а дядя, тоже Николай Николаевич Раевский (1839 — 1876), по одной из версий послуживший Льву Толстому прототипом образа графа Вронского, был полковником лейб-гвардии Гусарского полка, который в 1876 г. отправился добровольцем в Сербию и

погиб там под Алексинацем в бою с турками. Брат Ирины Михайловны, Михаил Михайлович Раевский в 1914 г. в чине ротмистра командовал 4-м эскадроном лейб-гвардии Гусарского полка, а в 1916 г. в чине полковника — Текинским конным полком. Сама Ирина Михайловна первым браком была за сослуживцем своего брата — корнетом Александром Михайловичем Толстым, а после его смерти , вторично вышла замуж, уже в эмиграции, за графа Георга Карлова. Вскоре после свадьбы молодые перешли в католичество. Этот союз дал двух сыновей и дочь.

Младшая дочь герцога Георгия Георгиевича и Наталии Федоровны — графиня Наталия Георгиевна Карлова (31) скончалась 4 декабря 1913 г. от воспаления легких и была похоронена в Ораниенбауме рядом с отцом. Их старшая дочь графиня Екатерина Георгиевна (27) в 1913 г. вышла замуж за корнета Кавалергардского полка князя Владимира Эммануиловича Голицына. После революции она жила с мужем в Англии и погибла 8 октября 1940 г. во время бомбардировки Лондона. Ее сестра графиня Мария Георгиевна (29) («необычайно оживленная, прелестная «Мерике»[55]) в 1916 т., в Тифлисе, вышла замуж за адъютанта великого князя Николая Николаевича, офицера лейб-гвардии Гусарского его величества полка светлейшего князя Бориса Дмитриевича Голицына, погибшего во время Гражданской войны в Царицыне. Через десять лет, в Лондоне, она вторично вышла замуж за графа Владимира Петровича Клейнмихеля. Прожила Мария Георгиевна долгую жизнь и скончалась 5 сентября 1979 г. в Лондоне.

11 сентября 1928 г. герцог Михаил Георгиевич так называемым Ремплинским контрактом усыновил своего племянника графа Георга Карлова, что было подтверждено 5 октября того же года судебным решением в Мальхине[56]. Объявивший себя в эмиграции главою дома Романовых великий князь Кирилл Владимирович 18 июля 1929 г. и глава Мекленбургского дома великий герцог Фридрих Франц IV 23 декабря 1929 г. присвоили ему и его потомству фамилию «герцоги и герцогини цу Мекленбург, графы и графини фон Карловы» с титулованием «светлость»[57]. Это означало, что они не были герцогами Мекленбурга (Мекленбургскими), а были лишь герцогами в Мекленбурге. Тем самым эта ветвь Мекленбургского дома не признавалась полноправным членом династической семьи, в которой хотя все члены тоже носят фамилию «герцоги цу Мекленбург», но каждый из них титулуется «высочеством» и имеет наследственное право возглавить этот Дом и в этом случае именоваться «великий герцог фон Мекленбург».

Какие же последствия для потомства графа Георгия Георгиевича Карлова имеют в настоящее время эти внешне чисто филологические различия? После присоединения к их графскому титулу еще и герцогской приставки они из графской серии «Генеалогического справочника дворянства» были перемещены в княжескую серию. Но не в первую ее часть, в которой всегда пребывал Мекленбургский великогерцогский Дом, а лишь в третью, в которую включены, несуверенные европейские княжеские фамилии, аналогичные нашим князьям Белосельским-Белозерским, Оболенским и другим. Таким образом, их разделяет вторая часть справочника и целых четы-

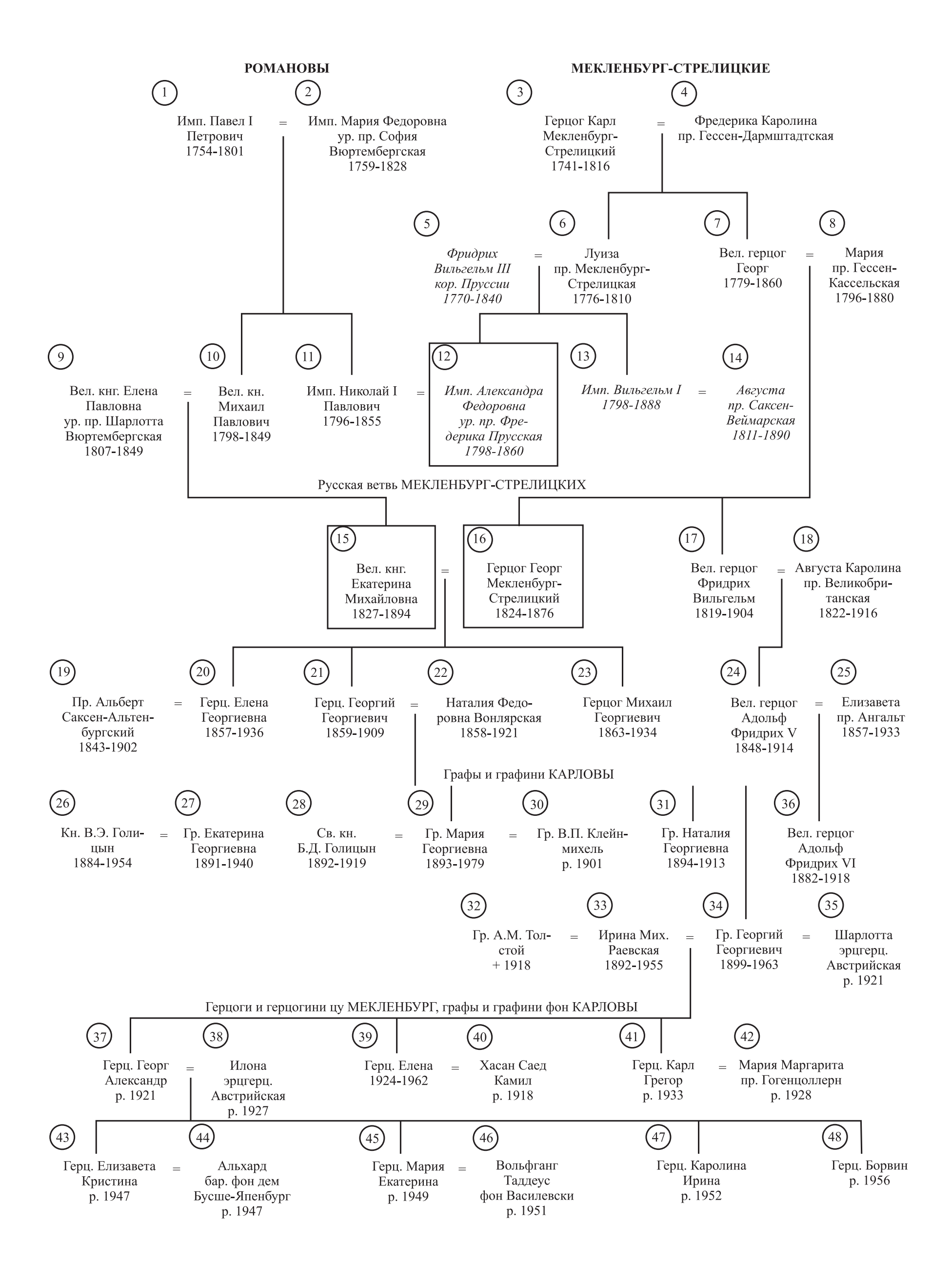
реста страниц текста. И даже признание великим герцогом в декабре 1950 г. за ними права титуловаться «высочество» не изменило их положения в этой иерархической системе.

После Второй мировой войны земли бывшего Мекленбург-Стрелицкого герцогства отошли к Германской Демократической Республике, и это заставило всю семью снова переехать, на этот раз далеко на Юго-Запад, в город Зигмаринген, где 22 января 1955 г. и скончалась герцогиня Ирина Михайловна. Через полтора года в западно-германских газетах промелькнуло короткое сообщение о том, что герцог Георг (34), который после войны посвятил себя в Федеративной Республике делам переселенцев, 21 июля 1956 г. вторично сочетался браком с эрцгерцогиней Шарлоттой, седьмым ребенком последнего австрийского императора Карла и его жены императрицы Зиты, сестрою претендента на австрийскую корону эрцгерцога Отто Габсбурга. Причем гражданская церемония была совершена бургомистром города Пёкинга. Эрцгерцогиня до этого события жила в Нью-Йорке и работала в одной из католических организаций агентом по социальному обеспечению. Этот брак остался бездетным. Скончался сын Наталии Федоровны Вонлярской 6 июля 1963 года в Зигмарингене.

Старший сын герцога Георга и герцогини Ирины Михайловны — герцог Георг Александр (37) женился в 1946 г. в том же Зигмарингене на эрцгерцогине австрийской, принцессе венгерской Илоне (38), дочери полковника венгерской армии эрцгерцога Иосифа Франца, который в свою очередь был правнуком палатина венгерского эрцгерцога Иосифа Антония Иоанна (1776 — 1847), женатого первым браком на великой княжне Александре Павловне. После поражения Венгрии в последней войне отец принцессы Илоны бежал в Португалию вместе с адмиралом Хорти, где и проживал в Каса да Серра, в Каркавелосе, близ Лиссабона. От этого союза родились три дочери и сын Борвин (48).

Прошло немногим более ста лет со времени образования рода графов Карловых, обязанных своим появлением соблюдению династических законов о равнородстве, и тем самым отторгнутых от основной семьи. Однако жизнь, как бы в насмешку, по-своему распорядилась судьбою Мекленбургского Дома. После трагической кончины бездетного герцога Адольфа Фридриха VI и смерти в 1934 г. герцога Михаила Георгиевича исчезла его Мекленбург-Стрелицкая линия. На грани вымирания и Мекленбург-Шверинская. У последнего мужского ее представителя — герцога Кристиана Людвига (род. 1912 г.), брата бездетного великого герцога Фридриха Франца (род. 1910 г.), имеются только две дочери. И лишь у правнука Графини Наталии Федоровны Карловой — Георга Борвина Фридриха Франца Стефана Конрада Хубертуса Мария герцога цу Мекленбург, графа фон Карлова — имеется мужское потомство.

Как выйдет из этого положения Мекленбургский Дом, и перекочуют ли потомки Наталии Федоровны Вонлярской из третьей в первую часть княжеской серии «Генеалогический справочник дворянства», мы узнаем в самое ближайшее время.

РОМАНОВЫ
МЕКЛЕНБУРГ-СТРЕЛИЦКИЕ
1 Имп. Павел I Петрович 1754-1801
=
2 Имп. Мария Федоровна ур. пр. София Вюртембергская 1759-1828
3 Герцог Карл Мекленбург-Стрелицкий 1741-1816
=
4 Фредерика Каролина пр. Гессен-Дармштадтская
5 Фридрих Вильгельм III кор. Пруссии 1770-1840
=
6 Луиза пр. Мекленбург-Стрелицкая 1776-1810
7 Вел. герцог Георг 1779-1860
=
8 Мария пр. Гессен-Кассельская 1796-1880
9 Вел. кнг. Елена Павловна ур. пр. Шарлотта Вюртембергская 1807-1849
=
10 Вел. кн. Михаил Павлович 1798-1849
11 Имп. Николай I Павлович 1796-1855
=
12 Имп. Александра Федоровна ур. пр. Фредерика Прусская 1798-1860
13 Имп. Вильгельм I 1798-1888
=
14 Августа пр. Саксен-Веймарская 1811-1890
Русская ветвь МЕКЛЕНБУРГ-СТРЕЛИЦКИХ
15 Вел. кнг. Екатерина Михайловна 1827-1894
=
16 Герцог Георг Мекленбург-Стрелицкий 1824-1876
17 Вел. герцог Фридрих Вильгельм 1819-1904
=
18 Августа Каролина пр. Великобританская 1822-1916
19 Пр. Альберт Саксен-Альтенбургский 1843-1902
=
20 Герц. Елена Георгиевна 1857-1936
21 Герц. Георгий Георгиевич 1859-1909
=
22 Наталия Федоровна Вонлярская 1858-1921
23 Герцог Михаил Георгиевич 1863-1934
24 Вел. герцог Адольф Фридрих V 1848-1914
=
25 Елизавета пр. Ангальт 1857-1933
Графы и графини КАРЛОВЫ
26 Кн. В.Э. Голицын 1884-1954
=
27 Гр. Екатерина Георгиевна 1891-1940
28 Св. кн. Б.Д. Голицын 1892-1919
=
29 Гр. Мария Георгиевна 1893-1979
=
30 Гр. В.П. Клейнмихель р. 1901
31 Гр. Наталия Георгиевна 1894-1913
36 Вел. герцог Адольф Фридрих VI 1882-1918
32 Гр. А.М. Толстой + 1918
=
33 Ирина Мих. Раевская 1892-1955
=
34 Гр. Георгий Георгиевич 1899-1963
=
35 Шарлотта эрцгерц. Австрийская р. 1921
Герцоги и герцогини цу МЕКЛЕНБУРГ, графы и графини фон КАРЛОВЫ
37 Герц. Георг Александр р. 1921
=
38 Илона эрцгерц. Австрийская р. 1927
39 Герц. Елена 1924-1962
=
40 Хасан Саед Камил р. 1918
41 Герц. Карл Грегор р. 1933
=
42 Мария Маргарита пр. Гогенцоллерн р. 1928
43 Герц. Елизавета Кристина р. 1947
=
44 Альхард бар. фон дем Бусше-Япенбург р. 1947
45 Герц. Мария Екатерина р. 1949
=
46 Вольфганг Таддеус фон Василевски р. 1951
47 Герц. Каролина Ирина р. 1952
48 Герц. Борвин р. 1956

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIX. СПб., 1896. С. 4.
[2] Там же.
[3] Dworzaczek, W. „Genealogia». Warszawa, 1959 Tabl. 53.
[4] Там же.
[5] Genealogisches Handbuch des Adels (GHdA). Fürstliche Häuser. Band 5. 1959, S. 42, 45.
[6] Советская историческая энциклопедия. Т. 9. М., 1966. Столб. 298.
[7] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIX. СПб., 1896. С. 4.
[8] Там же.
[9] GHdA. Fürstliche Häuser. Band 5, 1959. S. 46, 51.
[10] История XIX века / Под ред. Лависса и Рамбо. Ч. 2. М., 1938. С. 23.
[11] Tétot, M. «Repertoire des Traites de Paix d'alliance, de commerce, ets.» Partie alphaetique. 1493-1866. Paris. MDCCCLXYI. P. 164.
[12] Глинка-Маврин. Служебная деятельность в России Его Велико-Герцогского Высочества Герцога Георгия Мекленбург-Стрелицкого. 1850—1876. СПб., 1877.
[13] Дневник П; А. Валуева. Т. 2. М., 1961. С. 371 — 372.
[14] Дневник А. А. Половцова. Т. 2. М., 1966. С. 365.
[15] Ключевский В. О. Сочинения в восьми томах. Т. 5. М., 1958. С. 7.
[16] Дневник А. А. Половцова. Т. 2. С 306 — 307.
[17] Бенуа А. Мои воспоминания. Кн. IV и V. Изд. второе. М., 1990. С. 592.
[18] Бенуа А. Мои воспоминания. Кн. I — III. Изд. второе. М., 1990. С. 592.
[19] Стасов В. В. Письма к родным. Т. 3. Ч. 1. М., 1962.
[20] Бенуа А. Кн. I — III. С. 593.
[21] Там же.
[22] РГИА, ф. 1343, оп. 46, д. 1242, л. 6.
[23] Бенуа А. Кн. IV и V. С. 348.
[24] РГИА, ф. 1343, оп. 46, д. 1242, л. 11.
[25] Бенуа А. Кн. IV и V. С. 349.
[26] РГИА, ф. 556, оп. 1, д. 418, л. 1 — 1 об.
[27] Там же, ф. 1343, оп. 46, д. 1242, л. 38.
[28] Там же, ф. 556, оп.1, д. 418, л. 1, 1 об.
[29] Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 445 — 446.
[30] Нерадовский П. И. «Из жизни художника»: Л., 1965, с. 97.
[31] РГИА, ф. 556, оп. 1, д. 418, л. 1 об.
[32] Там же, л. 1 об. — 2, 2 об.
[33] Там же, д. 346, л. 5.
[34] Там же, д. 375, л. 2.
[35] Там же, д. 417, л. 1. 38 Там же, л. 1 — 1 об.
[36] Там же, л. 1 – 1 об.
[37] Там же, л. 1 об.
[38] Там же.
[39] Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1914, т. 34, с. 1098.
[40] Там же, с.1194.
[41] РГИА. ф. 556, оп. 1, д. 422.
[42] Dr. Bei der Wieden. Der Ausgang der in Strelitz regierenden Linie des Hauses Mecklenburg. – Der HEROLD. Heft 12. Berlin, 1992. S.349-359.
[43] GHdA. Fürstliche Häuser. Band 5, 1959, s.52.
[44] GHdA. Fürstliche Häuser. Band 10, 1978, s.498.
[45] Бенуа А. Мои воспоминания. Кн. IV и V. Изд. второе. М., 1990. С. 352.
[46] GHdA. Fürstliche Häuser. Band 2, 1953, s.378.
[47] Там же.

СКАНДАЛ В БЛАГОРОДНОМ СЕМЕЙСТВЕ*

(*Внебрачный ребёнок в семье князя Ивана Алексеевича Трубецкого*)

В 40-е - 50-е годы XIX века московские и петербургские судебные инстанции были взбудоражены делом, связанным с именем князя Ивана Алексеевича Трубецкого. В Российском государственном историческом архиве сохранился документ, всесторонне характеризующий ход этого дела и представляющий немалый интерес для генеалогов[1], и ниже мы ознакомим читателя с содержанием этого документа, свидетельствующего о беззащитности порядочных людей, равнодушии чиновников, предательстве со стороны близких лиц.

Нет необходимости давать здесь характеристику роду князей Трубецких – одному из самых знатных российских родов, происходящему от Гедимина, Великого князя Литовского. Заметим лишь, что прямые предки князя Ивана Алексеевича принадлежали к московскому боярству. Один из его пращуров, князь Юрий Никитич, перешел в католичество и в 1611 г. уехал с семьей в Польшу; сын последнего, князь Петр Юрьевич, был камергером польского двора, а внук, князь Юрий Петрович, после смерти отца вернулся в Москву, принял православие, получил чин боярина[2].

Судьба потомков последнего была различной. Некоторые из них из поколения в поколение занимали высокие и влиятельные посты, играли видную роль в обществе, оставались крупными помещиками. Другие ветви

**Статья написана на основе доклада, прочитанного 20 июня 2004 г. на коллоквиуме, организованном Российской Генеалогической Федерацией, Русским генеалогическим обществом и Институтом генеалогических исследований РНБ (тема коллоквиума - «Внебрачные дети и их потомство») в конференц-зале РНБ.*

его потомства захудали, и именно к одной из таких ветвей принадлежала семья главного героя нашего повествования.

Князь Иван Алексеевич был сыном князя Алексея Ивановича Трубецкого от брака с Евдокией Семёновной Гурьевой[3]. Владел селом Воскресенским в Бронницком уезде Московской губернии. В июле 1829 г., будучи штабс-ротмистром, был «уволен от службы за болезнию ротмистром», в июле 1833 г. «определен вторично в Павлоградский Гусарский полк прежним штабс-ротмистрским чином», произведен в ротмистры в июне 1834 г., а 29 ноября 1839 г. окончательно уволен от службы майором[4].

В феврале 1829 г. он был обвенчан в Москве, в церкви Казанской Божьей Матери, что близ Калужских ворот, с девицею Варварой, дочерью генерал-майора Устина Ивановича Потапова и его жены Екатерины Михайловны. У них родилось трое детей – Алексей в 1830 г., Прасковья в 1833 г. и Николай в 1834 г.[5].

В начале сентября 1836 г. ротмистр князь Иван Алексеевич Трубецкой отправился в Варшаву к новому месту службы. Перед этим, в июле месяце, он отвез жену и детей к своей теще, в ее имение село Знаменское Изюмского уезда Харьковской губернии.

Прошло два года. В 1838 г. князь Иван Алексеевич подал рапорт об отставке и в 1839 г. вернулся из Варшавы в свое имение. Вскоре он «получил случайно неприятное известие, что будто бы жена его, во время нахождения его на службе в городе Варшаве, заехав в 1837 г. в город Ахтырку, родила там сына, чему однако ж он не хотел верить, ибо ему, как мужу, совершенно известно, что жена его, Трубецкого, в то время законно родить не могла и от нее он никакого известия о том не имел»[6].

Приехав в 1840 г. в помянутое село Знаменское, он нашел там свою жену по-прежнему только с тремя своими детьми, а о четвертом от нее ничего не слыхал. Князь полагал, что они всею семьею вернутся в его имение, но княгиня Варвара Устиновна отправила детей с ним, а сама осталась под предлогом окончания дел с матерью в имении последней.

По возвращении в свое поместье получил он новое известие о том, что будто бы «при Ахтырской Преображенской церкви существует какая-то метрическая запись, к его фамилии относящаяся». В марте 1844 г. князь обратился в Харьковскую Духовную Консисторию с просьбой «прислать ему о рождении сына его жены Александра метрическое свидетельство», которое он и получил в мае того же года[7].

В метрической записи за 1837 г. под № 11 было написано: «Мая 15-го числа у проезжающей через город Ахтырку и квартировавшей в сем же городе, в доме Титулярного Советника Григорья Яковлева сына Степанова, Елизаветы Николаевой дочери, по мужу, как она говорила, Штабс-Ротмистра Ивана Алексеева сына Князя Трубецкого жены, родился сын Александр, который крещен 19-го Августа, восприемниками были: служащий в Ахтырском Уездном Суде, Коллежский Регистратор Петр Михайлов сын Левитский и города Ахтырки жителя, Титулярного Советника Иосифа Григорьева сына Корнеенки падчерица, Анна Николаева дочь.

Молитву читал оному младенцу города Ахтырки Покровского Собора протоиерей Иоанн Васильев сын Чудновский, а таинство крещения совершал тогож города Иерей Федор Семенов сын Рейпольский»[8].

Из этого свидетельства «он мог понять не более, как только то, что какая-то Елизавета Николаева дочь, заехавши в город Ахтырку, родила там сына и, взявши смелую дерзость, назвавшись его женою и рожденного ребенка записала его сыном»[9].

Князь Иван Алексеевич обратился в Ахтырскую городскую полицию с просьбою расследовать данное дело. Полиция отношением своим от 21 июня 1845 г. уведомила его, что по делам пребывания княгини Трубецкой в городе Ахтырке в 1837 г. «ничего не значится», затем 31 декабря 1846 г. прислала ему показания лиц, причастных по данным метрической записи к этому делу.

Титулярный советник Григорий Степанов и жена его повивальная бабка Мария Васильевна, в доме которых по метрике показано место рождения ребенка, показали, «что они жены его не знают, и была ли она в 1837 году в городе Ахтырке, им неизвестно»[10].

Коллежский секретарь Петр Левитский, бывший по метрической записи восприемником ребенка, под присягою показал, «что жена отставного майора князя Ивана Алексеева Трубецкого Варвара имела ли пребывание в 1837 году в доме титулярного советника Степанова, ему тоже неизвестно»[11].

Квартальный надзиратель Ахтырской городской полиции донес, что числившаяся по метрической записи восприемницей «титулярного советника Иосифа Корнеенка падчерица Анна Николаева волею Божиею умре»[12].

Получив эти документы, князь Иван Алексеевич «утвердился во мнении насчет дерзости» неведомой ему «Елизаветы Николаевой и нелепости сказанной метрической записи и потому, сожалея, что частные известия оскорбляют честь его жены, равно как и его собственную, обратился он к Высокопреосвященному Иннокентию Архиепископу в январе месяце 1847 года с просьбою о уничтожении той метрической записи»[13].

Полученный в апреле 1848 г. ответ поверг его в изумление. Харьковская Духовная Консистория сообщала, что «Харьковской губернии, Изюмского уезда помещица, майорша княгиня Варвара Устинова дочь Трубецкая, поданным в Консисторию 30-го числа мая 1846 года прошением, самою ею сочиненным, изъясняя, что нужно ей иметь метрическое свидетельство о времени рождения сына ее Александра, которое происходило 15-го мая 1837 года города Ахтырке, в Преображенском приходе, в доме титулярного советника Григорья Степанова»[14].

Далее Консистория определила: «Как отставной майор князь Иван Алексеев сын Трубецкой присланным <…> прошением <…> просил выдать свидетельство, которое ему и выдано; а впоследствии и сама жена его <…> лично поданным в Консисторию <…> прошением, указав действительное время и место рождения и крещения упомянутого

младенца Александра и в чьем именно доме оно происходило, признала его своим родным сыном и тоже получила о нем метрическое свидетельство; неправильность же метрической записи о рождении оного младенца Александра <…> доказывается в том только, что в 1837 году, т. е. во время рождения того младенца», князь Трубецкой «состоял в чине ротмистра, а не штабс-ротмистра, как в записи значится, и что жена его Варвара Устинова, а не Елизавета Николаева, как написано в той же записи, почему и подлежит оная исправлению; то объявить князю Трубецкому, что если и он признает упомянутого младенца Александра, рожденного в городе Ахтырке 1837 года мая 15-го дня, законным сыном, каковым уже признала жена его, княгиня Варвара Устинова Трубецкая, и войдет к Харьковскому Епархиальному Начальству с прошением о том и об исправлении в метрической записи объясненной неправильности, то по сему предмету со стороны Епархиального Начальства имеет быть учинено, на основании законов, зависящее распоряжение; если же, напротив сего, он, Трубецкой, законности рождения упомянутого младенца отвергает, то, на основании Св. Зак. Гражд. (изд. 1842 г.) Т. X ст. 2786 пункт 4-го, коим все споры о законности рождения предоставлены суду светскому, может обратиться по сему последнему предмету к Гражданскому Правительству, для чего и выдать ему с сего определения копию за надлежащею скрепою»[15].

Получив эти сведения, князь Иван Алексеевич от сбора материалов решил перейти к действиям, 20 июля 1849 г. он подал во 2-й Департамент Московского Надворного Суда исковое прошение[16].

Изложив суть дела, он заявил, что не признает своим сыном ребенка Александра и законность его рождения отвергает по следующим причинам:

1. «Жена его не Елизавета Николаева, которая родила в 1837 году в Ахтырке неизвестного ему ребенка, а Варвара Устинова, которая тогда в Ахтырке, как доказывается следствием, и не была; а если она, признавая того ребенка своим сыном, сама указала место его рождения, то или ложно, или, скрыв собственное имя и отчество, заехала в город Ахтырку, чтобы скрыть от него свой поступок, незаконно родила там сына».

2. «По естественному порядку, ему, как мужу, совершенно известно, что она тогда законно родить не могла, потому что с того времени назад более десяти месяцев, как он пред отъездом на службу виделся с нею, но и то не разделяя супружеского ложа».

3. «Если бы сказанный ребенок был его сын, то в случае его рождения, как обыкновенно бывает, жена известила бы его о таковом событии, и они вообще приняли бы меры к его воспитанию; но она о рождении называемого ныне ею сыном Александра никогда его не извещала и неизвестно, где от него его скрывала и воспитывала, тогда как трое законных их детей с 1840 года находятся при нем, коих он содержит и доставляет им приличное образование на свой счет; да и нужно ли в случае законности рождения родительнице скрывать свое имя и рожденного ребенка?».

4. В 1837 году он состоял на службе в чине ротмистра, а не штабс-ротмистра, «как показано со слов Елизаветы Николаевой <…> в метрической записи, которая, если б действительно написана была по показаниям его жены, то она верно написала бы настоящий его чин и полк, в коем он служил, ибо ей все это известно».

5. «Произведенным полициею следствием доказано, что жена его в городе Ахтырке в 1837 году вовсе не была», указанным же ею в метрическом свидетельстве лицам не только ничего не известно об этом, но они «даже и лично ее не знают».

6. «В прописанной метрической записи рождение Александра показано 15-го числа мая, а крещение 19-го августа. Это сделано, без сомнения, с целью на будущее время, ибо ребенок не мог быть некрещеным более трех месяцев; гораздо вероятнее то, что он рожден и крещен 19-го августа, рождение же отнесено с намерением назад к 15-му числу мая, и если бы то была правда, что жена его в Ахтырке, как показано в метрике, была более трех месяцев, а если принять в уважение то, что родительница пред разрешением и после онаго по нескольку недель не может быть в дороге, в таком случае пребывание ее в городе Ахтырке должно определить более четырех месяцев, а столь продолжительное время могла ли жена его скрывать себя как от хозяев дома, в коем жила, так и от местной полиции, которая по обязанности известна о всех проживающих в городе?»

7. «В выданном о рождении Александра метрическом свидетельстве показано, что таинство крещения совершено ему протоиереем Иоанном Чудновским, а в копии с решения Харьковской Духовной Консистории показано, что протоиерей Чудновский читал означенному младенцу молитву, а таинство крещения совершал иерей Федор Семенов Рейпольский».

В заключении своего искового заявления князь Трубецкой писал: «Все таковые несообразности в показании времени рождения и крещения ребенка Александра <…>, не согласность в именах лиц, совершавших таинства молитвования и крещения, отрицательные показания восприемника, повивальной бабки и хозяйки дома, а также несогласность имя и отчества родительницы и самый естественный порядок деторождения явно доказывают в настоящем деле или подлог, или в полной мере изобличают жену его в нарушении супружеской верности достаточно и согласно 3-го пункта 131 ст. Х-го Тома Св. Гражд. Зак. (изд. 1842 года) опровергают законность рождения ребенка Александра, признаваемого женою за своего сына». Поэтому он просил «в дальнейшем ходе этого дела поступить по законам, а выданное жене его из Харьковской Духовной Консистории вторичное о рождении сказанного ребенка метрическое свидетельство от нее истребовать к производству настоящего дела».

Рассмотрев это исковое прошение, Надворный Суд 11 августа 1849 г. заключил: «поданное князем Трубецким прошение показать (в тексте – оказать – Р.К.) жене его и требовать, на основании 2299 стат. Х Т., объяснения, обязав ее подпискою, чтобы она каждый раз о перемене своего жительства уведомляла Суд»[17].

Но время было упущено, на что, по-видимому, и рассчитывала противная сторона. Княгиня Варвара Трубецкая была не лыком шита, она, надо полагать, готовилась к такому повороту дела. Не вдаваясь в объяснения, почему она скрыла от мужа факт рождения сына и почему записалась в метрике под чужим именем, она сразу же ударила по формально самому слабому месту искового заявления своего мужа. В объяснении 29 сентября 1849 года, направленном частному приставу Арбатской части Москвы, она, в частности, заявила, «что требуемой подписки она дать не может по той именно причине, что не намерена входить в ответ по затеваемому мужем ее к собственному посрамлению его делу, которого и начинать не было и нет никакого повода и возможности ни по совести, ни по законам. Надворный Суд из собственного помянутого прошения мужа ее мог усмотреть, что сын их, князь Александр, родился 15-го мая 1837 года, т. е. слишком 12 лет назад; а X Т. Св. Зак. Гражд. (изд. 1842г.) ст. 122 с примечанием буквально гласит, что дети, законность коих не была оспорена в течение 10 лет от их рождения, почитаются законными. Почему Надворному Суду не следовало даже объявлять ей прошения мужа ее, а надлежало, на точном основании приведенной статьи законов, возвратить ему прошение его с надписью»[18].

В итоге 19 декабря 1849 г. последовало новое заключение 2-го Департамента Московского Надворного Суда, которое гласило: «Срок для начатия всяких исков и споров есть десятилетний; кто пропустил этот срок, тот не имеет права на производство дела (X Т. ст. 2232). Началом давности для произведения спора о незаконности рождения есть день рождения (ст. 122 и 2237); одно лишь оглашение предмета, без предъявления самого иска в надлежащем, законом установленном порядке, не прерывает земской давности (примеч. 1-е к 2233 ст.) <. > Посему князь Трубецкой обязан был в течение 10 лет от дня рождения его сына предъявить спор о незаконности сего рождения <…>, но им подано об этом прошение <…> по прошествии 10 лет от дня рождения сына». Далее суд отметил, что все его действия по сбору сведений через полицию, запросы в Консисторию являются только оглашением предмета, которые не прерывают «земской давности». Суд также подчеркнул, что князь не представил доказательств, что «ребёнок этот в течение столь долгого времени не жил в его доме и не был признаваем им за сына». На этих основаниях 2-й Департамент Надворного Суда отказал князю Ивану Алексеевичу Трубецкому «в просьбе его о признании незаконным рождения означенного ребёнка»[19].

Далее последовала семилетняя судебная тяжба.

Князь Трубецкой представил апелляционную жалобу в 1-й Департамент Московской Палаты Гражданского Суда, в которой, в частности, отметил, что он не пропустил срока на иск об уничтожении законности рождения ребёнка Александра, потому что его рождение не только не было оглашено какими-либо законными актами, но, напротив, «оглашено актами отрицательными»: указом об его отставке от службы и дворянской

родословной книгой, «в коих он не записан», «а события рождения и крещения его, а также укрывательство от него нисколько не утверждают законности рождения и самая метрическая запись оказалась подлежащею сомнению», и просил отменить решение Надворного Суда[20].

Московская Палата Гражданского Суда, рассмотрев 28 февраля 1855 г. суть дела, своим «решительным определением» отметила, что, во-первых, княгиня Трубецкая «уклоняется от дачи сведения, кого она имеет отцом духовным»; во-вторых, вместо того, чтобы являться в суд для дачи объяснений, она уклоняется от этого и «предъявляет обратный иск на мужа несвоевременно и без соблюдения правил судоговорения»; в-третьих, она не представила доказательств, что именно она, княгиня Варвара Устиновна Трубецкая, а не княгиня Елизавета Николаевна Трубецкая, является матерью ребёнка. Далее Палата постановила: «решение 2-го Департамента Надворного Суда уничтожить, ребёнка Александра законным сыном князем Ивана Алексеевича Трубецкого не признавать, не дозволяя ему носить и фамилии князя Трубецкого. А как означенный ребёнок Александр оказывается происхождения неизвестного, то для избрания ему рода жизни сообщить в Московское Губернское Правление»[21].

Княгиня Варвара Трубецкая нашла подобное решение Палаты несправедливым и подала 16 марта 1856 г. апелляцию в Сенат. Таким образом, дело перекочевало из московских инстанций в петербургские. В своей жалобе она в основном напирала на наказ Комиссии о сочинении проекта нового уложения, в котором сказано: «судят почти во всех государствах, что всякий младенец, зачавшийся во время супружества, есть законнорожденный, закон в сём имеет доверенность к матери»[22].

В Петербурге дело рассматривалось в 7-м Департаменте Правительствующего Сената, который 11 декабря 1856 г. определил: «Князю Трубецкому в иске его, за пропуском десятилетней давности, <…> отказать, несогласованное с сим решение 1 -го Департамента Московской Гражданской Палаты уничтожить, в рассмотрение же прочих предметов дела сего <…> не входить»[23].

Однако это решение, принятое шестью сенаторами[24] – М. П. Щербининым, А. И. Казначеевым, М. И. Жеребцовым, князем П. И. Трубецким (он, между прочим, приходился князю Ивану Алексеевичу Трубецкому четвероюродным братом), В. И. Мясоедовым и князем И. А. Лобановым-Ростовским, - не поддержал состоявший в должности Обер-Прокурора Н. А. Буцковской. В своем предложении правительствующему Сенату от 17 января 1857 г. он отмечал, что князь Трубецкой не пропустил десятилетнего срока на открытие дела, так как жена его сделала оглашение ребёнка лишь 30 мая 1846 г. Он считал, что наиболее важным и существенным вопросом является: «доказано ли князем Трубецким происхождение ребёнка Александра от нарушения женою его супружеской верности, но как сей вопрос не был на рассмотрении низших инстанций, то и следует обратить это дело в Гражданскую Палату для обсуждения означенного вопроса и постановления решения, не стесняясь прежним»[25].

Выслушав эти предложения, сенаторы, участвовавшие в обсуждении дела, остались при своём мнении, о чём и довели до сведения Н. А. Буцковского, который, в свою очередь, ордером от 7 октября 1857 г. поручил Обер-Секретарю настоящее дело доложить в Общем Собрании Московских Департаментов Правительствующего Сената. Дело вернулось в Москву[26].

При обсуждении дела в Московских Департаментах мнения сенаторов разделились. Большинство из семнадцати сенаторов решило князю Трубецкому в иске отказать «за пропуском десятилетней давности»[27]. Три сенатора – А.В.Дашков, И.С.Тимирязев (в тексте – Темирязев. Р. К.) и Я. О. Отрощенко – сочли, что князь Трубецкой «на открытие спора установленным порядком десятилетнего срока не пропустил» и что необходимо приступить к обсуждению вопроса, доказано ли им «происхождение ребёнка Александра от нарушения женою его супружеской верности». Посему эти сенаторы полагали «обратить дело это в Гражданскую Палату для обсуждения означенного вопроса и постановления вновь решения, не стесняясь с прежним»[28]. Кроме того, сенатор В. М. Самарин, считая, что князь Трубецкой десятилетнего срока не пропустил, тем не менее, отметил, что, поскольку княгиня Варвара Трубецкая не представила никаких доказательств, что это её ребёнок, «то в настоящее время всякое суждение о законности или незаконности» его рождения преждевременно, и потому полагал, что в иске князю Трубецкому следует отказать[29].

На этом содержание рассматриваемой «Записки» завершается.

Итак, приведенные материалы не оставляют ни малейшего сомнения в том, что младший сын жены князя Ивана Алексеевича Трубецкого не был его сыном и что у князя были вполне убедительные основания отвергать свое отцовство. Однако в попытках добиться справедливости он натолкнулся на непробиваемую стену формальных законоположений и человеческого равнодушия. Нам остается неизвестным, подавал ли после этого князь Иван Алексеевич апелляцию или нет, и не обращался ли он с прошением на Высочайшее имя. Возможно, увидев, что высокие судебные и административные инстанции не желают войти в его положение и удовлетворить его законные требования, и решив, что правды ему все равно не добиться, князь махнул на дело рукой и смирился с существующим положением вещей. Не исключено также, что вскоре после описанных событий он скончался (ни даты, ни места его кончины установить не удалось).

Иными словами, судя по всему, княгиня Варвара Устиновна выиграла дело. Об это свидетельствует известный указатель «Списки титулованным родам и лицам», изданный в 1892 г. В нем приведено 29 официальных определений Правительствующего Сената об утверждении в княжеском достоинстве, со внесением в V часть Дворянской Родословной Книги, различных членов рода князей Трубецких. Среди них значатся и «майор Иван Алексеевич, жена его Варвара Иустиновна (рожд. Потапова) и дети их: Алексей, Прасковия, Николай и коллежский секретарь Александр»[30].

В «Сказании о роде князей Трубецких» упомянут князь Иван Алексеевич, однако приведенные там сведения о его потомстве неверны: ему приписаны дети князь Юрий Иванович и княжна Ольга Ивановна (состоявшая в замужестве за графом Бобринским [в поколенной росписи его фамилия искажена: граф Бобринец]), которых у него не было; собственные же его дети, равно как и незаконный сын его жены, в книге вообще не значатся[31].

В изданном столетие спустя справочнике «Дворянские роды Российской Империи»[32] спорный ребёнок Александр, у которого то отбирали фамилию и титул, то вновь их ему возвращали, тоже показан сыном князя Ивана Алексеевича. Однако потомство последнего представлено здесь только в лице четырёх его внуков от его сына Николая (причем указанная дата его рождения – 1839 год - ошибочна), то есть от одного из сыновей, которых он признавал своими законными детьми.

В упомянутом выше капитальном труде князя С. Г. Трубецкого «Les princes Troubetzkoi»[33], изданном параллельно на русском и французском языках в количестве 150 экземпляров в Квебеке в 1976 г., потомство князя Ивана Алексеевича показано наиболее полно. Здесь приведены сведения о его внуках и правнуках от обоих сыновей, которых он признавал своими, – и князя Алексея, и князя Николая. Вместе с тем, поскольку князю С. Г. Трубецкому, очевидно, не была известна история с внебрачным ребенком жены князя Ивана Алексеевича, он тоже включил в число детей последнего также и Александра, указав, что в 1869 г. тот имел чин коллежского регистратора (по-видимому, он занимал незначительную должность, так как в «Адрес календарях» он не значится). Более того, соответственно князь С. Г. Трубецкой включил в поколенную роспись своего знатного рода и детей князя Александра Ивановича, князей Александра и Сергея Александровичей (см. прилагаемую таблицу), служивших в начале XX столетия офицерами в гусарских полках. При этом в той части его труда, который написан на французском языке, указано, что он, родившийся в 1868 г., скончался (со ссылкой на «Московский некрополь) в 1897 г.[34], а в той части, которая написана по-русски, годом его смерти обозначен 1918[35] (последняя дата явно ошибочна).

В попытке отыскать биографические сведения о них мы обратились к московскому коллеге, члену РГО А. В. Богинскому, знатоку документов, хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве. Ему удалось найти послужной список князя Сергея Александровича Трубецкого 1913 года[36]. По данным этого списка, он родился 16 июля 1866 г., происходил «из князей Московской губернии», воспитывался в 1-й Московской гимназии и Тверском кавалерийском училище, в 1885 г. был зачислен в 3-й драгунский Сумской полк (который в 1907 г. был переименован в 1-й гусарский Сумской полк), прослужил в нем всю жизнь, пройдя путь от рядового до подполковника (этот чин он получил в 1912 г.), занимал в разные годы должности командира эскадрона, а с 1912 г. – помощника командира полка по хозяйственной части, и за от-

личие по службе имел ряд орденов. Ни за ним, ни за родителями его недвижимого имения не состояло, и был он холост. По более поздним данным, князь С. А. Трубецкой дослужился в том же полку до чина полковника[37].

Его брат Александр Александрович, по данным князя С. Г. Трубецкого, был офицером гусарского Клястицкого полка[38]. Однако, к сожалению, относящиеся к нему документы в РГВИА найдены не были. Был ли он женат и оставил ли потомство (в книге князя С. Г. Трубецкого таковое не значится), остается нам неизвестным.

Вероятно, потомство внебрачного сына жены князя Ивана Алексеевича Трубецкого к началу XX века пресеклось, и если это так, то и проблема существования людей, чье моральное право на фамилию и титул князей Трубецких сомнительно, к счастью, становится целиком достоянием прошлого.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Записка из апелляционного дела об оспаривании майором Князем Трубецким законности рождения женою его Княгинею Варварою Трубецкою ребенка Александра //РГИА. Ф.1343 (Департамент Герольдии Правительствующего Сената). Оп.48 (Об усыновлении). Д.825 (Записки по делам об усыновлении разными лицами детей, рожденных до брака, падчериц и воспитанников). Лл. 114-158.

2 [Трутовский В.К.]. Сказание о роде князей Трубецких. Издание княгини Е.Э.Трубецкой, рожденной княжны Белосельской-Белозерской. М, 1891; Troubetzkoi S.G. Les princes Troubetzkoi. Labelle, Quebec, 1976.

3 Трубецкая Е.Э., кн. Сказание о роде князей Трубецких. М, 1891; Troubetzkoi S. G. Les princes Troubetzkoi. Labelle, Quebec, 1976.

4 Записка из апелляционного дела. Л. 118 об.

5 Там же. Л.115, 118 об.

6 Там же. Л.115-115 об.

7 Там же. Л. 115 об.

8 Там же. Л.114об.-115.

9 Там же. Л.115 об.

10 Там же.

11 Там же.

12 Там же. Л. 118.

13 Там же. Л. 115 об.-116.

14 Там же. Л. 119.

15 Там же. Л. 119 об.

16 Там же. Л.116-117.

17 Там же. Л 120.

18 Там же.

19 Там же. Л. 120-120 об.

20 Там же. Л. 123 об.-125.

21 Там же. Л. 127. Там же. Л. 135 об.

23 Там же. Л. 144 об.

24 Там же. ЛЛ 41.

25 Там же. Л. 144, 149.

26 Там же. Л. 149,149 об.

27 Там же. Л. 153 об.

28 Там же. Л. 153 об., 158,158 об.

29 Там же. Л. 158 об.

30 Списки титулованным родам и лицам Российской Империи. СПб., 1892. С.83.

[31] [Трутовский В.К.]. Сказание о роде князей Трубецких. С.262, 302.
[32] Дворянские роды Российской Империи. Том 2. Князья. СПб., 1995. С.80 (Табл.20. Князья Трубецкие. 3-я ветвь).
[33] S.G.Troubetzkoi. Les princes Troubetzkoi. C.78, P.79; C.101, P.100; C.121; P.120 (XVII-XX поколения, №№ 120,192 – 194, 273 – 283, 343 – 347).
[34] Troubetzkoi S.G. Les princes Troubetzkoi. P. 122.
[35] Ibid. C. 123.
[36] Послужной список № 1556 подполковника 1-го гусарского Сумского генерала Сеславина полка князя Трубецкого. Составлен 16 января 1913 г.// Российский государственный военно-исторический архив. Ф.409 (Послужные списки офицеров, 1859 – 1918 гг.). Оп.1. Д.46029.
[37] Troubetzkoi S.G. Les princes Troubetzkoi. P. 122.
[38] Ibid. P. 122.

ГРАФ СЕРГЕЙ СЕМЕНОВИЧ УВАРОВ.
(*Опыт генеалогической биографии*)

С. С. Уваров (1786—1855) был видным государственным деятелем николаевской эпохи. Он занимал ряд высших должностей в российской бюрократической системе: попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, президента Академии наук, сенатора, члена Государственного Совета. Но в историю он вошел как министр народного просвещения (1833—1849)[1], управление которым осуществлял «в соединенном духе православия, самодержавия и народности». Эти три провозглашенных им постулата официального славянофильства и были внесены в качестве девиза в герб С. С. Уварова[2].

Он принадлежал к старинному русскому роду татарского происхождения. По преданиям, некий мурза Минчак, по одной из версий, являвшийся сыном касимовского царя Тангрикула Кайсыма, выехал в начале XV века в Москву к вел. кн. Василию Дмитриевичу, крестился и принял имя Симеона Касаевича. Его четыре сына стали родоначальниками русских дворянских фамилий Давыдовых (Орловых-Давыдовых), Злобиных, Оринкиных и Уваровых[3].

В допетровской Руси род Уваровых, живший сначала в Пскове, а с середины XVI века в Белеве, был небогатым и не достиг высокого положения. Предки С. С. Уварова были мелкими служилыми людьми и выше московских дворян не поднялись. Отдельные их представители в XVII веке были воеводами на далеких окраинах страны. Так, например, Андрей Уваров - в Красноярске (1627), а Федор Уваров - в Мангазее (1623)[4].

Летописные источники не донесли до нас историю происхождения фамилии «Уваров». Возможно, были и другие одноименные роды, но иного происхождения. Известны, например, Иван и Черныш Уваровы, бывшие в конце XV века холопами Ивана Салтыка Травина. А туляне Никита и его сын Иван Уваровы были убиты в 1571 г. под Москвой татарами[5]. Один из Уваровых, Илья Иванович, бывший в 1608—1609 дьяком, во время междуусобицы Смутного времени был «казнен утоплением в Двине»[6].

Начало петровских преобразований и последующие события не внесли в жизнь Уваровых кардинальных изменений. Их имена не встречаются ни среди окружения Петра I, ни среди окружения его приближенных. Таким образом, не приобретя влиятельных покровителей, они не смогли сделать головокружительной карьеры, сколотить состояния. Лишь ко второй половине XVIII века отдельные представители этой фамилии дослужились до штаб-офицерских чинов. Среди них был и вице-полковник лейб-гренадерского полка Семен Федорович Уваров[7].

Помимо личных способностей, существовали и другие способы сделать карьеру и составить богатство. Одним из них была выгодная женитьба. Каким образом это удалось вдовцу и отцу троих детей вице-полковнику С. Ф. Уварову (1743—1788), история умалчивает, однако во второй раз он женился в 1785 на Дарье Ивановне Головиной.

Дарья Ивановна принадлежала к старинному и знатному роду Головиных. Их родоначальником считается Василий Комнин, владетель незначительного гото-греческого государственного образования на южном берегу Крыма (район Судака-Мангупа-Балаклавы)[8]. Он принадлежал к младшей ветви знатного византийского рода Комниных (представители его старшей ветви занимали византийский престол в XI—XП веках)[9].

Младший сын Василия Комнина, Степан, выехал «на жительство в Москву» в 1391[10]. Ему и его потомкам мы обязаны происхождением ряда новых фамилий на Руси, в том числе и Головиных, от правнука Степана Комнина — Ивана Ховрина по прозвищу Голова, жившего во второй половине XV века[11].

В допетровской Руси Головины принадлежали к богатой московской знати и к высшим слоям правящей бюрократии, служа боярами и окольничими. Четыре представителя рода Головиных в XVI веке более шестидесяти лет последовательно были царскими казначеями[12]. В конце XVI века род разделился на две линии: старшую и младшую[13]. В начале XVIII века представитель младшей линии боярин, а затем фельдмаршал, генерал-адмирал Федор Алексеевич Головин /*1650 +1706/ был возведен Петром I в графское достоинство[14].

Дарья Ивановна Головина, вышедшая в 1785 за Семена Федоровича Уварова, принадлежала к младшей линии Головиных, но не к графской их ветви. Она принесла своему мужу некоторое состояние, но главное — влиятельные родственные связи. Так, например, только два поколения Головиных /младшей линии/ на уровне отца и деда Дарьи Ивановны в

результате брачных союзов восемь раз роднились с княжеским родом Голицыных. Ее мать была урожденной княжной Голицыной, а бабушка — княжной Гагариной[15].

Сам Семен Федорович Уваров не успел воспользоваться выгодным союзом, так как скончался через три года после свадьбы, оставив молодую жену с двумя сыновьями. Старший из них, наш герой Сергей Семенович, был крестником императрицы Екатерины II. Для судьбы последнего эти родственные связи имели большое значение. В начале в жизни Сергея Семеновича Уварова большую роль сыграла его тетка Наталия Ивановна Головина (1766—1831), бывшая замужем за князем Алексеем Борисовичем Куракиным (1759—1829), братом друга детства императора Павла I князя Александра Борисовича Куракина. С восшествием на престол Павла I, князь Алексей Борисович Куракин был осыпан милостями: назначен главным директором Ассигнационного банка, генерал-прокурором, канцлером российских орденов, главою департамента удельных имений. При Александре I он стал малороссийским генерал-губернатором, а в 1807 — министром внутренних дел, неоднократно исполнял обязанности председателя Государственного Совета[16]. Его покровительство племяннику С. С. Уварову обеспечило последнему первые шаги на служебном поприще.

Вторым фактором, кардинально повлиявшим на его судьбу, был заключенный в 1811 брак с графиней Екатериной Алексеевной Разумовской (1783 — 1849). Через этот союз Сергей Семенович Уваров породнился с Нарышкиными и графами Шереметевыми. На Екатерине Ивановне Нарышкиной (1729 — 1771), бабушке графини Екатерины Алексеевны, был женат малороссийский гетман Кирилл Григорьевич Разумовский (1724 — 1803), брат фаворита и морганатического супруга императрицы Елизаветы Петровны. Е. И. Нарышкина, единственный ребенок Ивана Львовича Нарышкина, племянника царицы Наталии Кирилловны, принесла в род Разумовских 44.000 душ крестьян[17]. Графиня Варвара Петровна Шереметева (1750 — 1824), мать графини Екатерины Алексеевны Разумовской, была внучкой знаменитого петровского фельдмаршала и одной из богатейших невест в свое время.

Екатерина Алексеевна принесла своему мужу в приданое 17000 душ крестьян[18], богатые имения[19] и покровительство своего отца. В возрасте 24-х лет Сергей Семенович Уваров был назначен попечителем Санкт-Петербургского учебного округа, а в 32 года — президентом Академии наук. Эту должность он занимал до самой своей смерти. Вершиной его карьеры было более чем шестнадцатилетнее управлением образованием в России.

Можно, конечно, по разному оценивать способы управления С. С. Уварова, однако несомненен тот факт, что именно при нем были основаны Пулковская обсерватория. Киевский университет и целый ряд других учебных заведений, положено начало реальному образованию в России, реорганизована Академия наук и проведен ряд других мероприятий в

сфере образования. Он первым из министров этого ведомства стал публиковать отчеты по управлению министерством в основанном при нем «Журнале Министерства Народного Просвещения». За заслуги перед Отечеством «Именным Высочайшим указом от 1 июля 1846 года» Сергей Семенович Уваров был «возведен с нисходящим его потомством в графское Российской Империи достоинство»[20].

Но, по мнению автора, главным итогом его жизни были не набор занимаемых высших должностей и не реализация замыслов в области образования. Он воспитал прекрасного сына, Алексея Сергеевича Уварова, известного ученого археолога, истинного подвижника науки, человека, который бескорыстно расходовал доставшиеся ему по наследству богатства Нарышкиных, Головиных, Голицыных. Шереметевых, Разумовских на развитие этой науки. Ему отечественная археология обязана организацией и проведением многочисленных археологических экспедиций в России, изданием научных трудов, учреждением премий, созданием Московского археологического общества и Исторического музея в Москве[21]. Скупой на похвалу и положительные характеристики, А. А. Половцов так охарактеризовал Алексея Сергеевича Уварова: «Почтенный, редкий везде, а особливо в нашем отечестве труженик на пользу науки»[22].

Следует подчеркнуть, что склонность к археологии возникла у Алексея Сергеевича Уварова под влиянием отца[23], который поощрял увлечение сына. Это говорит о многом в пользу Сергея Семеновича Уварова. В его время была совсем иная система ценностей, и престижным считалось продвижение по службе в гвардии и занятие высших придворных или административных должностей.

От брака с княжной Прасковьей Сергеевной Щербатовой граф Алексей Сергеевич Уваров имел четверых сыновей — Алексея. Сергея. Федора, Игоря — и трех дочерей — Прасковью и двух Екатерин.

Граф Алексей Алексеевич Уваров (1859 — 1913) окончил Московский университет, был депутатом Государственной Думы. Со своей семьей проживал в столице. Ему принадлежало имение Знаменское в Саратовской губернии. От брака с Анной Ивановной Штернберг у него были три дочери и один сын, не оставивший потомства[24].

Граф Федор Алексеевич Уваров (1868 — 1948) служил при Дворе, занимая должность шталмейстера, и был выборным членом Государственного Совета. От брака с графиней Екатериной Васильевной Гудович имел только двоих дочерей. Ему принадлежало Поречье, известное подмосковное имение графов Разумовских. Со своей семьей Федор Алексеевич проживал в Петербурге[25].

Граф Игорь Алексеевич Уваров (1869 — 1934) был статским советником и бельским уездным предводителем дворянства Смоленской губернии. Ему принадлежало имение в селе Холмы Смоленской губернии, в котором находилась родовая усыпальница Уваровых. Со своей семьей он проживал в этом имении, занимаясь сельским хозяйством. Игорь Алексеевич был женат на Елизавете Николаевне Хомяковой[26], дочери одного

из учредителей и лидеров партии «Октябристов» («Союз 17 октября») Николая Алексеевича Хомякова, который в 1907 — 1910 являлся председателем 3-й Государственной Думы. Знавший Елизавету Николаевну по эмиграции, Василий Витальевич Шульгин писал позже, вспоминая те годы, что «она была так очаровательна, что я предпочитал ее общество всем молодым. В ней был ум живой, наблюдательный и совершенно лишенный всякой злости»[27].

Автору неизвестно, как сложилась судьба других сыновей графа Алексея Сергеевича Уварова после революции, но Игорю Алексеевичу удалось с семьей эмигрировать в Югославию, где он и скончался в Белграде в 1934. Его вдова Елизавета Алексеевна после Второй мировой войны, не желая переживать повторного торжества большевизма, уехала в Аргентину и скончалась в Буэнос-Айресе в 1959[28].

У Игоря Алексеевича и Елизаветы Николаевны Уваровых было трое сыновей, но только старший из них, Игорь Игоревич, продолжил мужское потомство графов Уваровых. Он женился на англичанке Виолете Доротее Эймс, дочери подполковника британской армии, переселился в Англию и жил в поместье родителей своей жены в графстве Сасекс, где и скончался в 1939 г. Его единственный сын, Степан Игоревич, или просто Стефен, в четырехлетнем возрасте потерявший отца, был воспитан матерью-англичанкой и ее родственниками. Он женился на англичанке, которая родила ему шестерых сыновей, имена которых свидетельствуют, что от русского у них осталась только фамилия «Уваров». Это графы Джесон Стефен, Доминик Вильям, Александер Джайл, Люк Джерард, Каспар Серж и Пьер Доминик[29].

Так волею судьбы потомки одного из первых русских славянофилов стали классическими европейцами или, применяя в этом случае терминологию середины XIX века, западниками.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Русские портреты XVIII и XIX столетий. Издание вел. кн. Николая Михайловича. Т. V. СПб., 1909. № 140.
[2] Петров П. Н. История родов русского дворянства. Т. 1. СПб., 1886. С. 315.
[3] Там же. С. 297.
[4] Там же. С. 315.
[5] Веселовский С. Б. Ономастикой. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 330.
[6] Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 530.
[7] Русские портреты. Т. V. № 140.
[8] Чернявский М. Приложения к генеалогии господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 год. Б. м., б. г. С. 45.
[9] Петров. С. 268.
[10] Чернявский. Там же. Карнович Е. П. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1885. С. 1022.
[11] Петров. С. 268.
[12] Карнович. Там же.
[13] Петров. С. 270.

[14] Там же. С. 271.
[15] Там же. С. 270.
[16] Русские портреты. Т. I. СПб., 1905. № 163.
[17] Карнович. С. 241.
[18] Там же. С. 246.
[19] Русские портреты. Т. V. № 139.
[20] РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Ед. хр. 1634.
[21] Памяти графа Алексея Сергеевича Уварова. Казань, 1885. С. 1—72; Незабвенной памяти графа Алексея Сергеевича Уварова. Москва, 1885. С. 1—101.
[22] Дневник Государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 1. М, 1966. С. 269.
[23] Памяти графа А. С. У. С. 10.
[24] Almanach de St-Petersbourg. Cour, Monde, Ville. 1913/14. P. 402.
[25] Там же.
[26] Там же.
[27] Шульгин В.В. Эмиграция. Рукопись // Архив автора. Тетрадь № 16. С. 21.
[28] Ferran J. Les Familles comtales de l’ancien Empire de Russie en emigration. T. 2. Paris, 1983. P. 111.
[29] Там же.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ
(*Опыт биографии*)

История каждой правящей династии хранит какую-нибудь тайну. Фактически каждая из них связана с происхождением отдельных представителей династий, возьмем ли мы Бурбонов (мифическая «Железная маска»), или Церингов (несчастный Каспар Гаузер), или какую-либо другую фамилию. Но лишь Россия явила миру новую форму таинственности, при которой член царствовавшей фамилии фактически существовал, но его в то же время как бы и не было. Им был великий князь Николай Константинович (1850—1918), изгой собственной семьи.

Внук императора Николая I (1796—1855), вел. кн. Николай Константинович, с детства предназначался к службе во флоте как старший сын генерал-адмирала вел. кн. Константина Николаевича (1827—1892), известного деятеля периода Великих реформ в царствование императора Александра II. Однако из-за морской болезни, проявившейся еще в детстве[1], он вынужден был изменить свое предназначение и первым из великих князей окончил Академию Генерального штаба. Казалось, перед ним открывалось блестящее будущее. Но все вдруг в одночасье изменилось.

Занимаясь поисками материалов о великом князе уже более двадцати лет, автор столкнулся с различными версиями случившегося, бытовавшими в околонаучной среде. Причем точки зрения респондентов представляли диаметрально противоположные мнения — от участия великого князя в революционном движении до его претензий на российский императорский престол. Даже уголовная версия существенно разнилась в деталях. Автор

не будет анализировать эти версии, а изложит события в том порядке, в каком они представились ему из документов, найденных и рассмотренных в архивах Петербурга, Москвы, Оренбурга и Ташкента.

Официальная русская историография практически не упоминала его имени. Оно было окружено тайной молчания, а сам вел. кн. Николай Константинович возбуждал нездоровый интерес в широких кругах общества, порождавший всевозможные слухи и толки. Советская историография объясняет причину опалы великого князя воровством в доме родителей (Мраморный дворец) и в Зимнем дворце. Это событие получило некоторую огласку в высшем свете и вынудило императора Александра II пойти на крайнюю меру — сослать своего племянника. Для подтверждения дурной наклонности вел. кн. Николая Константиновича советский историк П. А. Зайончковский в качестве комментария к различного рода упоминаниям великого князя в воспоминаниях, вышедших в Советском Союзе в послевоенный период, всегда приводил один и тот же отрывок из дневника военного министра Д. А. Милютина: «Государь рассказал мне все, как было, подробности эти возмутительны. Оказывается, что Николай Константинович после разных грязных проделок, продолжавшихся уже несколько лет, дошел, наконец, до того, что ободрал золотой оклад с образа у постели своей матери и похищал несколько раз мелкие вещи со стола императрицы… Всего хуже то, что он не только упорно отпирался от всех обвинений, но даже свалил вину на других, на состоящих при нем лиц»[2].

Такие высшие сановники империи, как П. А. Валуев, Е. А. Перетц, А. А. Половцов, С. Ю. Витте в своих дневниках и воспоминаниях в той или иной степени подтверждают эту версию[3]. Что же произошло на самом деле? Вот как излагает последовательность событий в своем дневнике вел. кн. Константин Николаевич, отец опального великого князя:

«8 апреля… Саша наш (имп. Александр II. — Р. К.) рассказал про пропажу печатки из комнаты императрицы; что это второй раз в эту зиму и оба раза после семейных обедов. Какая мерзость»[4].

«10 апреля. Утром Санни (вел. кнг. Александра Иосифовна. — Р. К.) меня призвала к себе, чтобы показать, что на одной из наших свадебных икон отодрано и украдено бриллиантовое сияние, и что с другой пробовали то же самое, но безуспешно и только отогнули… Просто ужас!»[5]

К расследованию была подключена полиция. Уже 12 апреля 1874 г. санкт-петербургский градоначальник генерал Ф. Ф. Трепов докладывал вел. кн. Константину Николаевичу, что бриллиантовые лучи с иконы найдены заложенными в ломбарде и что подозрение падает на адъютанта его старшего сына капитана Е. П. Верпаховского[6]. По приказанию Александра II дело было передано от полиции жандармам, которые в короткий срок завершили следствие. Вел. кн. Константин Николаевич записывает в своем дневнике:

«15 апреля… страшная сцена допроса Николы Шуваловым (шеф жандармов граф П. А. Шувалов. — Р. К.) и мною… Никакого раскаяния, никакого сознания… Ожесточение и ни одной слезы»[7]. И далее, 16 апреля:

«У Николы ожесточение, фанфаронство, позирование и совершенная нераскаянность»[8]. Однако «чистосердечные рассказы Верпаховского, закладывавшего по указанию великого князя украденные вещи в ломбарде, позволили восстановить картину содеянного.

Положение сложилось отчаянное: член царствующей династии — вор. По городу поползли слухи, общественное мнение было возмущено. Будущая императрица Мария Федоровна (жена Александра III) написала в письме к своей матери: «Семейный престиж очень скомпрометирован всей этой грязной историей»[10].

Следовало найти какой-то выход из создавшегося положения. Решено было назначить врачебное освидетельствование вел. кн. Николая Константиновича, но участь его уже заранее была предрешена. 18 апреля его отец записывает в своем дневнике: «Потом вопрос, что делать с Николой… После долгих колебаний решились сперва выждать, что скажет докторское освидетельствование, и какой бы ни был его результат, объявить его для публики больным душевным недугом и запереть его как такового и этим для публики и ограничиться… Но для самого Николы устроить заточение в виде строгого одиночного заключения с характером карательным и исправительным и отнять у него и мундир, и эполеты, и ордена, но это для него, а не для публики»[11].

Последующая дневниковая запись отца объясняет те меры, которые предполагалось предпринять против вел. кн. Николая Константиновича: «По окончании конференции сказал себе — слава Богу, потому, что как оно ни больно и ни тяжело, я могу быть отцом несчастного и сумасшедшего сына, но быть отцом преступника, публично ошельмованного, было бы невыносимо и сделало бы все мое будущее состояние невыносимым»[12].

Таким образом, решение о «болезненном состоянии» великого князя было принято задолго до заключения врачей. Это же подтверждает и Мария Федоровна: «Врач, который его лечит, просил шесть месяцев времени для того, чтобы подвергнуть его экспертизе — не страдает ли он умственным расстройством; это предположение, что он может быть помешан, сделал бедный дядя Костя». В конце же письма она заключает: «… никто не верит в его сумасшествие, считая, что его выставляют таким, чтобы избавить от заслуженного наказания»[13].

Какие же были предпосылки, чтобы объявить вел. кн. Николая Константиновича ненормальным? Мнения медиков, проводивших его обследование, разделились относительно характера болезни и рекомендаций по лечению пациента.

Лейб-медик Н. Здекауер и профессор И. Балинский отмечали, что они «вполне убеждены в невменяемости» великого князя. В то же время они указывали, что «открыли в нем… столько же, если не больше, прекрасных качеств и стремлений, сколько дурных наклонностей»: любовь к Родине и к своему Государю наряду с мыслью бежать в Америку; сильно развитое чувство долга, глубокое убеждение в важности воинской

дисциплины наряду со «злобной ненавистью» к своему начальнику по Хивинскому походу генерал-адъютанту К. П. Кауфману; благоговение к памяти Петра I, П. А. Румянцева, А. В. Суворова наряду с самыми непристойными кутежами в самом неприличном обществе; великодушная щедрость, проявленная при сооружении памятника императору Павлу I и при приобретении без торга портретов и различных предметов Петра I и Екатерины II наряду с проявлением самой грязной и недостойной его сана скупости и т. д. Поэтому они не могли признать в нем «глубокой испорченности» и видели «причины этих нравственных противоречий с одной стороны в необузданности чувственных побуждений, с другой стороны в неясном сознании добра и зла, приличного и неприличного — даже правды и лжи». На основании этого они рекомендовали лечение нравственно-гигиеническое (уединение, перемена обстановки, беседы с ним врачей) и врачебное (употребление кумыса и лекарственных препаратов, обливание холодной водой). Особо они рекомендовали прекратить любой надзор со стороны жандармов[14].

Совершенно по иному оценивал ситуацию лейб-медик И. С. Гауровиц, состоявший в те годы при дворе вел. кн. Константина Николаевича и сопровождавший его сына в путешествии по Италии. Он указывал на гибельные последствия для нравственных качеств великого князя того распутного образа жизни, который он вел в течение нескольких лет, попав в водоворот столичной жизни. «Преобладающей чертой его была безмерная скупость, а также необузданная чувственность, удовлетворению которой он предавался без удержу». Указав на приобретенные пороки, И. С. Гауровиц коснулся также и врожденных, полученных великим князем от матери, великой княгини Александры Иосифовны, урожденной принцессы Саксен-Альтенбургской, у которой нервные расстройства доходили до галлюцинаций и ясновидения[15].

Эти выводы врача косвенно, подтверждаются воспоминаниями любовницы вел. кн. Николая Константиновича американки Фанни Лир, которая писала, по-видимому, со слов великого князя, что в детстве он получил суровое воспитание, которым руководила его мать. Через воспитателей, в основном немцев, она осуществляла строгий физический и моральный надзор над сыном, в результате чего воспитание превратилось в пытку, так как они «утомляли, мучали и даже били его»[16].

Далее И. С. Гауровиц отмечал, что великий князь во время путешествия постоянно вступал в пререкания со всеми хозяевами гостиниц, кельнерами, даже извозчиками, когда следовало расплачиваться с ними за услуги, часто отказываясь платить. К скупости присоединилась жадность, желание присвоить все, что нравилось, «не только предметы искусства, в которых он ничего не смыслил, но вещи самые разнообразные, которые чем-либо привлекали его внимание в данный момент». Принимаемый по своему положению в итальянских «княжеских домах … он не стеснялся выражать желания получить в подарок тот или другой предмет … Эта мания собирания … очень часто сопровождается страшной скупостью, а следу-

ющей ступенью за этими пороками — является воровство». Отсюда он делает вывод, что великий князь страдает психическим расстройством, которое он назвал нравственным безумием[17].

Выводы И. С. Гауровица независимо от него подтверждаются свидетельством Фанни Лир. Она писала, что к середине 70-х годов у Николая Константиновича стала развиваться страсть к коллекционированию. Из-за страсти покупать, продавать и обменивать вещи, превратившейся в манию, «он забирал все, что присылали ему из магазинов, а потом разом продавал купленное для новых приобретений, не обращая внимания на убытки». Он продал коллекцию золотых медалей, «драгоценных, по семейным воспоминаниям, за целое столетие» всего за три тысячи рублей, чтобы купить картину, лишь предположительно приписываемую кисти К. Дольчи[18]. И наконец, она прямо говорит, что он превратился в клептомана: «Достаточно взглянуть на предметы, найденные у него во дворце, чтобы убедиться в этом: тут были склянки от духов, кошельки, табакерки, веера, дешевые фарфоровые статуэтки и тому подобные ничтожные вещицы, брошенные как попало в беспорядочную груду»[19].

Заключая свой доклад, доктор И. С. Гауровиц отмечал, что «молодого человека, обладающего высоким положением, блестящими связями, миллионным имуществом и при всем том совершающего кражу 4 000 р.» (в то время как при аресте у него нашли в столе наличными 12 000 р.), «что влечет за собою не только потерю всего личного имущества, чести, положения, гибель всего существования, но и, кроме того, причиняет невыразимое горе близким, родным — такого человека можно считать душевно больным, тем более, что при некотором размышлении он мог понять, что проступок не может остаться скрытым». Отсюда следовала соответствующая рекомендация, которая была более конкретна и сурова, чем рекомендации его коллег. И. С. Гауровиц предлагал изолировать вел. кн. Николая Константиновича от общества, поместив его в психиатрическую лечебницу под строгий надзор, где «были бы приняты меры к его излечению, если оно возможно». Причем он советовал выбрать лечебницу за границей, в Вюртемберге или Бадене[20].

Было еще и третье мнение относительно судьбы вел. кн. Николая Константиновича, которое принадлежало императрице Марии Александровне, жене Александра II. Она настраивала императора к принятию самых строгих мер по отношению к Николаю Константиновичу. По ее мнению, его следовало судить и разжаловать[21]. Вел. кн. Константин Николаевич записал в своем дневнике: «Она не хочет верить в его душевную болезнь, и дело с концом! Мило!, и доказывает ее мягкое сердце».

Пока решалась его судьба, великий князь содержался сначала в своем дворце на Гагаринской улице, затем в имении князя Чернышева «Елизаветино» в пятидесяти верстах от Петербурга на берегу Невы. Лишь 11 декабря 1874 г. Александр II подписал указ, в котором извещалось «о болезненном состоянии здоровья» вел. кн. Николая Константиновича, требующего его специального лечения, и назначалась опека над ним в

лице его отца[23]. Таким образом, император не пошел на крайние меры по отношению к своему племяннику, а больше внял рекомендациям Н. Здекауэра и И. Балинского. Через несколько дней после выхода указа Николая Константиновича отправили в Ореанду, имение его отца в Крыму. Непосредственный надзор над ним в это время осуществлял «главный распорядитель» капитан I ранга князь Э. А. Ухтомский, адъютант вел. кн. Константина Николаевича.

По-видимому, режим опеки над ним был не настолько строг, чтобы он не мог общаться с окружавшим его обществом. В результате в жизнь великого князя вошла женщина. Вообще, следует отметить, что женщины сыграли большую роль в его судьбе, и не сказать о них ничего, значит, не до конца раскрыть биографию Николая Константиновича. Первой среди них после его опалы следует назвать Александру Александровну Демидову (1853—1894), урожденную Абаза. Зимой 1875 г. она буквально атаковала Николая Константиновича, освободившись перед этим от мужа А. П. Демидова, которого по ее жалобе еще осенью 1874 г. Александр II сослал в Туркестанский край.

Следствием этой связи было перемещение великого князя из Ореанды в село Смоленское Владимирской губернии. Причем Александр II потребовал «непременного исполнения строжайшего надзора за больным… и запрещения всякого случая попытки на независимость и свободу действий, явно могущих вести к новым скандалам, коим последние похождения в Крыму служат примером[24].

А. А. Демидова последовала в Москву и оттуда стала писать письма императору, в которых утверждала, что ее любовь к больному великому князю бескорыстна, что его жизнь стала целью ее существования, что она беременна от Николая Константиновича и хотела бы узаконить своего ребенка, что цель ее жизни — быть рядом с великим князем и ухаживать за ним[25].

Князь Э. А. Ухтомский, ответственный за «безопасность» своего подопечного, понимая, что совершил оплошность, допустив сближение его с А. А. Демидовой, в одном из своих донесений дал ей уничтожающую характеристику. Он отмечал, что она не делает тайны из своих «хитросплетенных маневров», что если эта особа («Сестра Милосердия», как он насмешливо называл ее) станет чего-либо домогаться, то не остановится ни перед какими средствами. «Имя ее любовников легион, а потому пускай она докажет, который из них виновник в новом произрастании сорной травы». Всю свою желчь на досадившую ему А. А. Демидову князь Э. А. Ухтомский излил в заключительных строках своего письма: «Буде эта дама света станет чего-нибудь домогаться от Царского Дома, то права ее не отличаются, по-моему, нисколько от тех, которые имеют желтые билеты»[26].

В результате А. А. Демидовой было во всем отказано и ей было запрещено встречаться с великим князем. Но эта женщина была настойчива и целеустремленна, несмотря на свои молодые годы. В июле 1875 г. вел.

кн. Николая Константиновича отправляют жить в Умань, находившуюся в 270 километрах от Киева. В декабре того же года туда прибывает А. А. Демидова и селится в доме рядом, в котором буквально через несколько дней рожает сына Николая[27]. Тогда власти в конце декабря в срочном порядке переводят великого князя в Ореанду. Одновременно последовало повеление Александра II «воспретить поездку в Крым находящейся в Одессе жене бывшего камер-юнкера Демидовой»[28]. Опасаясь, однако, что «воспретить» не удастся, власти в июле 1876 г. тайно перевозят Николая Константиновича в Тыврово близ Винницы Подольской губернии[29]. Князь Э. А. Ухтомский, к его великой радости, был освобожден от обязанности главного распорядителя при великом князе. Вместо него был назначен престарелый генерал-лейтенант К. Витковский.

В середине сентября 1876 г. шеф жандармов генерал-лейтенант Н. В. Мезенцов сообщил шифрованной телеграммой министру императорского двора графу А. В. Адлербергу, что Демидова скрылась из Одессы в неизвестном направлении. Александр II написал на телеграмме: «Очень может быть в местопребывание Николая Константиновича»[30]. И действительно, 22 сентября 1876 г. К. Витковский докладывал в Петербург, что А. А. Демидова тайно пробралась в дом к великому князю, прожила с ним в спальне, в которую он перестал допускать посторонних лиц, около десяти дней, иногда прячась при необходимости в гардеробной. Он, в частности, писал, что возлагает всю вину за происшедшее на А. А. Демидову, «которая своими интригами и происками, как кошмар, как привидение, ни ночью, ни днем не давала покоя ни нам, окружающим, ни Его Высочеству». Оправдывая свой промах по службе, он заключал, что «если Правительственные меры, принятые против Г-жи Демидовой, не могли укротить ее, то наши силы для этого были слишком слабы»[31].

Вполне осознав всю важность возложенной на него задачи и невозможность ее выполнения им, старый и больной генерал К. Витковский обратился к вел. кн. Константину Николаевичу с просьбой освободить его от этой должности, исходатайствовать для него назначение сенатором и предоставить ему 11-месячный заграничный отпуск для поправления расстроенного здоровья[32]. Император удовлетворил его просьбу.

Проникновение А. А. Демидовой в дом великого князя имело свои последствия — в мае 1877 г. она родила дочь Ольгу. После инцидента в Тыврово она уже никогда не встречалась с Николаем Константиновичем. Император пошел ей навстречу, выделив по ее ходатайству около пяти тысяч рублей в год из капиталов своего племянника «для воспитания детей»[33], тем самым косвенно признав их детьми великого князя. Однако на ее ходатайство о предоставлении им «дворянского достоинства и какой-либо фамилии Высочайшего соизволения не последовало»[34]. Впоследствии она развелась со своим мужем и в 1879 г. вышла замуж за графа П. Ф. Сумарокова-Эльстона[35]. Ее муж принял на себя заботы по воспитанию внебрачных детей Николая Константиновича. Лишь в 1888 г. по ходатайству графа император Александр III «дозволил во-

спитанникам его… принять фамилию «Волынские», именоваться по отчеству «Павловыми» и пользоваться правами личного дворянства, без предоставления им каких-либо прав по имуществу их воспитателя»[36].

Между тем в жизни вел. кн. Николая Константиновича назревали большие перемены. В середине мая 1877 г. в Тыврово вместо генерала К. Витковского прибыл полковник граф Н. Я. Ростовцов. Одновременно было принято решение перевести великого князя в Оренбург. Этот переезд сыграл в его судьбе решающую роль, так как там начался новый, созидательный, период его деятельности.

Пока он ехал к своему новому месту жительства, в города, лежавшие на пути его следования, летели телеграммы со строгим указанием о недопущении встреч великого князя с А. А. Демидовой, если она появится в них. Среди губернских властей подобного рода указания вызвали некоторый переполох. Например, обескураженный самарский губернатор Бильбасов растерянно запрашивал министра внутренних дел, как же ему поступить, если неведомая ему А. А. Демидова вдруг объявится в Самаре[38].

Прибыв в конце мая в Оренбург, Николай Константинович отдался новой для себя деятельности, определившей его жизнь на многие годы вперед. Еще в Тыврово он стал проявлять интерес к исследованию Средней Азии[39] и написал работу «Водный путь в Среднюю Азию, указанный Петром Великим», который был издан в Оренбурге в 1877 г.[40] Здесь же, на месте, им овладела идея постройки железной дороги из России в Туркестанский край. Он выписывает из Петербурга литературу по Средней Азии, много читает и, наконец, организует и проводит в сентябре — октябре 1878 года первую экспедицию[41]. В ней принимают участие профессор Казанского университета ботаник Сорокин, инженеры путей сообщения Ляпунов и Соколовский, топограф Каширин, капитан Лункевич и другие лица[42].

Однако прежде, чем он отправился в экспедицию, оренбургские власти и петербургское начальство были вновь потрясены очередным похождением великого князя. В Оренбурге он увлекся дочерью тамошнего полицмейстера Надеждою Александровной Дрейер (1861 — 1929?) и 15 февраля 1878 г. тайно обвенчался с нею под именем полковника Николая Константиновича Волынского[43]. По городу поползли слухи, к расследованию были подключены жандармы. Сначала признался двоюродный брат Н. А. Дрейер[44], бывший свидетелем во время церемонии, а затем и священник Даниил Райский, венчавший их в церкви села Бреды под Оренбургом[45].

Граф Н. Я. Ростовцов в своем докладе в Петербург искал причины случившегося в некоторой нераспорядительности хозяина края оренбургского генерал-губернатора генерал-адъютанта Н. А. Крыжановского[46] и в страсти великого князя к женщинам, доходившей, по его словам, «до таких крайних пределов, которые не соответствуют его сану» и «неминуемо сопровождаются печальными последствиями»[47].

Генерал-адъютант Н. А. Крыжановский со своей стороны пытался возложить ответственность за случившееся на графа Н. Я. Ростовцова,

который, по его мнению, не сумел достигнуть желаемой цели в перевоспитании своего подопечного, «потому что ошибся в избранном им пути», и на великого князя, «потому что нравственное исправление» его «недостижимо никакими путями»[48].

Во всех этих историях удивляет близорукость властей. Вместо того чтобы позволить великому князю создать свою семью, что, безусловно, благотворно сказалось бы на его здоровье и поведении, они давали указания, чтобы «В. Князь избегал постоянной связи с одной и той же женщиной»[49]. Все это раздражало и приводило в бешенство «Высокого Больного», как иногда он именовался в официальной переписке. Николай Константинович неоднократно высказывал надежду, что его старание вести пристойный образ жизни вызовет наконец одобрение и заслужит ему прощение со стороны Высочайших родственников. Однако постоянная мелочная опека, выражавшаяся в слежке за ним, во вскрытии его корреспонденции, в ограничении передвижений и доходившая до вмешательства в его личную интимную жизнь, не могла не вызвать в нем бурных проявлений возмущения, что, собственно, и нужно было состоящим при нем лицам. Его поведение злостно истолковывалось ими как аномалия его психического состояния, они писали об этом пространные донесения, обосновывая необходимость своего существования при больном великом князе. Он сам справедливо отмечал, что «эти последние, чтобы продлить пользование его деньгами, — пишут и распускают о нем много несправедливых слухов и мнений»[50].

Результатом этой истории было расторжение брака специальным указом Святейшего Синода[51]. Вскоре после этого вел. кн. Николай Константинович уехал в экспедицию, из которой он возвратился в октябре уже в Самару, в которой ему теперь предстояло жить.

На следующий год летом он организует вторую экспедицию. Сбор участников был назначен в Ташкенте. Оттуда экспедиция двинулась через Казалинск в Самарканд, через владения Бухарского эмира до правого берега реки Аму-Дарьи, затем по Аму-Дарье на каюках до Петро-Александровска, откуда опять через Казалинск в Самарканд. Кроме тех же лиц, которые участвовали с ним в первой экспедиции, на этот раз его сопровождали также доктор Валицкий, художники Каразин и Симаков, ученые Пельцам и Мушкетов, подполковник Маев. Им навстречу, вверх по Аму-Дарье, шел на пароходе капитан-лейтенант Зубов, присоединившийся к экспедиции позже. Вместе с прислугой в экспедиции принимало участие более пятидесяти человек. Все ее участники были отмечены различными наградами, кроме вел. кн. Николая Константиновича[52].

По результатам исследований им был написан и издан ряд научных статей: «Аму и Узбой» с картами «Реки Средней Азии» (Самара, 1878); «Пески Кара-Кумы по отношению к Средне-Азиатской железной дороге» (Самара, 1878); «Поворот Аму-Дарьи в Узбой» (Самара, 1879); «Туркестанская железная дорога» (в «Туркестанском Вестнике», № 6 от 9.02.1882)[53].

Первоначально последовало указание, чтобы в печати не появлялось никаких заметок и статей великого князя[54]. Впоследствии они были разрешены к публикации, но без указания имени автора. Интересно также отметить, что во время второй экспедиции у него возникла идея орошения пустыни Кара-Кум, результатом чего и явилась статья «Поворот Аму-Дарьи в Узбой».

В октябре 1880 г. отношения между вел. кн. Николаем Константиновичем и графом Н. Я. Ростовцовым, ставшим к тому времени генерал-майором, настолько обострились, что Николай Константинович отказывался исполнять Высочайшие повеления, если они передавались ему через графа[55]. Командированный в Самару профессор И. Балинский провел расследование и доложил в Петербург, что великий князь «потерял веру в справедливость и даже законность» действий главных распорядителей, безотлучно состоящих при нем, в результате чего он «стал во враждебные отношения» к ним[56]. И. Балинский рекомендовал упразднить должность главного распорядителя и назначить к великому князю особого попечителя, на которого возложить попечение как о нем, так и об его имуществе, причем этому лицу не следовало находиться постоянно при великом князе. При последнем должно было находиться особое лицо с обязанностью заведования всем хозяйством и расходами Николая Константиновича[57].

По-видимому, доклад И. Балинского возымел свое действие, потому что положение великого князя, переведенного в ноябре 1880 г. в имение Пустынка под Петербургом, несколько улучшилось. Он наконец вскоре расстался с графом Н. Я. Ростовцовым, довольно свободно жил в Пустынке, принимая всех, кого хотел увидеть. Но с кончиной императора Александра II в марте 1881 г. положение его резко ухудшилось. Александр III, питавший личную неприязнь к вел. кн. Николаю Константиновичу, ужесточил режим его содержания. Была разработана специальная инструкция, согласно которой за ним назначался строгий надзор, стали контролироваться входы и выходы людей из дома, прогулки разрешались только пешком, а встречи только с лицами, поименованными в особом списке[58]. В довершение в конце апреля 1881 г. его переводят в Павловск, где помещают в местном правлении под охраной[59]. Тогда же, по-видимому, впервые возник вопрос о переводе Николая Константиновича в Туркестанский край из-за крайне неудобного пребывания его в одном из многолюднейших и наиболее посещаемых дачных мест Петербурга[60]. Для туркестанского генерал-губернатора разрабатывается специальная инструкция по надзору за великим князем, которую утверждает император Александр III[61]. Она содержит всего девять пунктов, но каждый из них резко ограничивает его права. Особенно оскорбительным для него был второй пункт, гласивший, что «основываясь на Высочайшем указе о болезненном состоянии Великого Князя, обращение с Его Высочеством должно быть как с частным лицом, а не членом Императорского Дома». А пункт восьмой предоставлял генерал-губернатору право арестовывать великого

князя в случае его неповиновения. Вместе с тем третий пункт инструкции разрешал Н. А. Дрейер жить вместе с Николаем Константиновичем, следствием чего явилось впоследствии восстановление их брака.

Летом 1881 г. они прибыли в Ташкент, в котором великий князь прожил всю последующую жизнь до своей кончины. В центре города он построил себе дом («дворец», как его называют до сих пор), ставший его официальной резиденцией. Вокруг дома был разбит парк, дававший прохладу в знойные летние дни.

Самым плодотворным периодом его жизни были первые двадцать лет пребывания в Средней Азии. Здесь он смог претворить в жизнь то, что задумал еще в Оренбурге. В течение 1880-х гг. Николай Константинович организовал на свои средства три экспедиции в Аральский бассейн для исследования вопроса об орошении Туркестана, в которых принял личное участие[62]. По результатам экспедиций им были представлены обширные доклады военному министру[63] и туркестанскому генерал-губернатору [64].

В первой половине 1890-х гг. он начал на свои средства строительство канала из Аму-Дарьи к Узбою с целью орошения так называемой Голодной степи. Предварительно он добился согласия Хивинского хана на проведение работ на его территории при помощи хивинских рабочих[65]. Кроме того, широко велись работы и в других местах, как, например, в Мурза-Рабашу, по проведению широкой сети оросительных каналов с целью оживления «мертвых земель в Средней Азии, для устройства в Туркестанском крае новых русских поселений с православными хармини и церковными училищами»[66].

За 1881 — 1900 гг. на свои средства вел. кн. Николай Константинович построил два рабочих городка — Старый и Новый Искандеры — у Искандерских стремнин горной речки Чирчик и у Бегавадских порогов Аму-Дарьи, возвел каменные плотины через реки, домики для тысяч рабочих. Были проведены каналы «Искандер», «Ханым» и стокилометровый магистральный канал имени «Императора Николая I», которые совместно с сотнями арыков оживили 40 тысяч десятин плодородной земли стоимостью до 40 миллионов рублей, при его личных затратах в 2 миллиона. На этих землях возникло 12 русских поселков, опытные поля и Троицкий лагерь для войск Туркестанского военного округа. А так называемая «Царь-Плотина» у скал Фархата подняла уровень воды в Аму-Дарье на одну сажень[67].

Казалось, и в личной жизни он был счастлив. Надежда Александровна родила ему двух сыновей — в 1878 г. Артемия[68] и в 1887 г. Александра[69], которые получили личное дворянство и фамилию Искандер. В 1899 г. император Николай II пожаловал им потомственное дворянство, а их матери тоже фамилию Искандер[70].

Однако туркестанские генерал-губернаторы с опаской взирали на своего подопечного и тяготились обязанностью наблюдать за ним. В частности, генерал-адъютант Н. О. Розенбах в беседе с государственным секретарем А. А. Половцевым высказывал опасение, что занятие орошением края

«ему надоест и тогда неизвестно, на что он бросится». А. А. Половцев разумно посоветовал «устроить так, чтобы ирригационные занятия приносили Николаю Константиновичу выгоду и могли служить обеспечением его семейства, тогда будет менее опасности, что он бросит это занятие»[71]. И действительно, через некоторое время Николай Константинович устроил имения «Золотая Орда» в Голодной степи и «Искандер» в Ташкентском уезде. Впоследствии он открыл в Ташкенте биллиардный зал, зоопарк («зверинец»), первые кинотеатры «Зимняя Хива» и «Летняя Хива» и другие менее доходные предприятия. В своих имениях он культивировал выращивание американского хлопка, построил хлопкоочистительную фабрику. Со временем его предприятия стали приносить солидный доход. Например, одно лишь имение «Золотая Орда» давала ему ежегодно до одного миллиона рублей[72]. К 1917 г. ежегодные доходы с остального недвижимого имущества составляли около двухсот тысяч рублей[73]. Вместе с ежегодными суммами в двести тысяч рублей, получаемыми им, как великим князем, от министерства императорского двора[74], доходы составляли около 1,4 млн рублей в год. Но и расходы были немалыми. Продолжавшиеся работы по орошению пустыни и благоустройству Ташкента (например, он мостил городские улицы), благотворительная деятельность съедали большую часть доходов.

Но все же опасения генерал-губернаторов оправдались, и в середине девяностых годов он начал «чудить». В 1895 г. Николай Константинович «купил» за сто рублей у семиреченского казака Елисея Часовитина его шестнадцатилетнюю дочь Дарью[75]. Она стала его неофициальной женой. Он построил для нее дом в пригороде Ташкента. День проводил в своей ташкентской резиденции в обществе своей жены, занимаясь различными делами. Вечером уезжал за город в дом Д. Е. Часовитиной[76]. От последней он имел троих детей: дочь Дарью и сыновей Святослава и Николая, носивших фамилию Часовитиных[77].

В 1901 г. произошел новый срыв. Он серьезно увлекся пятнадцатилетней гимназисткой Варварой Хмельницкой, купил для ее семьи дом в Ташкенте, куда и переехал жить. А когда его жена Н. А. Искандер (Дрейер) уехала в очередной раз в Петербург, Николай Константинович обвенчался с В. Хмельницкой в Никольском поселке под Ташкентом. В результате разразился скандал, брак был признан недействительным и семья Хмельницких выслана из Ташкента в Одессу[78].

Однако время брало свое, и с годами пыл у Николая Константиновича прошел. Он рано состарился и одряхлел, ко всем охладел. Единственным близким ему человеком в последние годы жизни была его внебрачная дочь Дарья Николаевна Часовитина («Даня»). К ней он испытывал безграничную любовь и нежность. В детстве у нее открылись музыкальные способности, и отец отправил ее учиться игре на скрипке в Норвегию, к известному в те годы профессору Ауэру.

В конце 1916 г. Николай Константинович заболел. По свидетельству доктора Боровского, великий князь страдал «хроническим миокардитом,

резким склерозом сосудов, хроническим бронхитом с расширением легких (эмфизема) и перемежной лихорадкой»[79]. Но ему удалось справиться с болезнью.

Февральскую революцию 1917 г. вел. кн. Николай Константинович встретил с радостью — с нею кончилась опека над ним со стороны императорской фамилии, и он стал полноправным гражданином. Рассказывают, что он надел красные шаровары и рубашку и в них ездил по городу в коляске, приветствуя толпы митинговавших, потом послал приветственную телеграмму Временному правительству.

Октябрьская революция не внесла каких-либо изменений в его жизнь. Зимой он снова заболел, на этот раз воспалением легких[80]. Болел недолго, но тяжело и скончался 14 января 1918 года[81] на руках своей дочери Дарьи Часовитиной, приехавшей навестить отца. Николай Константинович был торжественно похоронен большевиками[82] в центре Ташкента в специально построенном склепе около Георгиевского собора[83].

Любопытно его завещание. Свое главное имение «Золотую Орду» он разделил на десять уделов, каждый с доходом в сто тысяч рублей в год, и завещал после смерти своей и Н. А. Искандер (Дрейер) первые пять уделов инвалидам-ветеранам русской армии; городским властям Ташкента на благотворительность и на поддержание в рабочем состоянии линии электропередачи от гидроэлектростанции до города; Ташкентскому университету и Политехническому институту; Ташкентскому учительскому институту, семинарии и всем учителям края и на постройку новых сельских школ; местной верховной власти на поддержание в рабочем состоянии оросительных систем, построенных на его деньги и сданных им в казну. Последние пять уделов предназначались его детям Артемию и Александру Искандер и Святославу, Николаю и Дарье Часовитиным с их потомством[84]. Но наступали новые времена, и жизнь по-своему распорядилась его имуществом.

Несколько слов о судьбе его потомства. Два сына от Н. А. Искандер (Дрейер) окончили Николаевское кавалерийское училище и служили в лейб-гвардии Кирасирском императрицы Марии Федоровны полку (Гатчина)[85]. Старший, Артемий, незадолго перед первой мировой войной вышел в отставку[86]. По одной из версий, он погиб во время гражданской войны, сражаясь в армии белых[87], по другой — скончался от сыпного тифа в 1919 г. в Ташкенте[88].

Второй сын, Александр, участвовал в первой мировой и гражданской войнах. По рассказам очевидцев, обладал решительным и твердым характером и безудержной храбростью[89]. В составе частей армии генерала П. Н. Врангеля воевал в Крыму[90], затем эвакуировался в Галлиполи и впоследствии уехал во Францию, где и скончался в 1957 г.[91]. От брака с Ольгой Иосифовной Роговской, принадлежавшей к польской дворянской фамилии, он имел сына Кирилла и дочь Наталию, известную в тридцатых-сороковых годах советскую спортсменку. Во время гражданской войны Ольга Иосифовна вышла замуж за Николая Андросова, изменила

фамилию, а детям изменила и отчества по имени нового мужа, и навсегда исчезла из Ташкента. В итоге вся семья обосновалась в Москве. Объявивший себя в эмиграции главою дома Романовых вел. кн. Кирилл Владимирович еще в двадцатых годах «даровал» Александру Николаевичу Искандеру и его потомству титул князей Романовских-Искандер[92]. Кирилл Николаевич Андросов скончался в 1992 г. Наталия Николаевна Андросова, или княжна Наталия Александровна Романовская-Искандер, живет в Москве и является единственной из оставшихся в живых потомков вел. кн. Николая Константиновича.

Жена великого князя, Н. А. Искандер (Дрейер), осталась в Ташкенте в своем бывшем доме, превращенном большевиками в Художественный музей, основу которого составили коллекции, собранные ее мужем. Сначала она работала заведующей музеем[93], затем его главным хранителем[94]. В начале двадцатых годов она была, по-видимому, уволена, так как ее фамилия после 1921 г. не встречается в списках служащих музея. Надежда Александровна жила в маленькой сторожке при своем бывшем доме в окружении многочисленных собак. По рассказам очевидцев, она очень нуждалась и вела нищенский образ жизни. Ее часто встречали на ташкентском базаре в рваной и истлевшей одежде и в галошах, привязанных веревками к ступням. Скончалась Надежда Александровна, по одной из версий, в 1929 г. от укуса собаки[95].

Судьба сыновей великого князя от Д. Е. Часовитиной трагична. Станислав был расстрелян в январе 1919 г. в Ташкенте по время красного террора[96]. Сын Николай служил в Красной армии. Приехав как-то на побывку к матери, он угорел в своей комнате и умер[97].

Дочь Даня (Дарья Николаевна) на целых пять лет застряла в Ташкенте из-за бушевавшей вокруг гражданской войны. «Она бросила скрипку, поступила работать в библиотеку, училась переплетать книги, даже сапожничать». В 1923 г. приехала в Москву, где стала работать машинисткой в одной из нэповских организаций[98]. Впоследствии она длительное время была секретарем у советской писательницы Мариетты Шагинян[99]. Еще в Ташкенте Дарья Николаевна увлеклась антропософским учением доктора Рудольфа Штайнера, а в Москве стала активным членом антропософской общины, руководимой известным русским писателем Андреем Белым[100]. Скончалась Д. Н. Часовитина в Москве в 1966 г.[101]

Такова в общих чертах жизнь и судьба вел. кн. Николая Константиновича и его потомства. Кто же он был на самом деле? Плохое и хорошее, разумное и неразумное тесно переплетались в продолжении всей его жизни. По-видимому, обуревавшие его страсти часто брали верх над благоразумием. Однако, если оценивать человека по тому главному, что он сделал, трудно не отдать должное энергии Николая Константиновича в деле утверждения русского влияния в Средней Азии и ее экономического процветания. На этом поприще он проявил себя как зрелый и дальновидный политик, оказывавшийся подчас на голову выше официальных русских администраторов этого края.

Я уверен, что он еще найдет своего историка, который сможет отделить правду от вымысла и разобраться в главном — был ли он жертвою своих собственных страстей или пал в результате борьбы придворных партий.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Farragut L. The life of David Glasgow Farragut, first admirai of the United States Navy (Journal and letters). New-York, 1879. P.491-492.
[2] Дневник Д. А. Милютина. М., 1947. T.l. С.152-153.
[3] Дневник П. А. Валуева. М., 1961. Т.2. С.309, 310, 314, 343, 344, 512; Дневник Е. А. Перетца. М.; Л., 1927. С.55, 90; Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. М., 1966. Т.2. С.71, 107, 475; С. Ю. Витте. Воспоминания. М., 1960. Т.1. С.224-225; Т.З. С.563-564.
[4] ГАРФ. Ф.722. Оп.1. Д.106: Л.51 об.
[5] Там же. Л.52 об.
[6] ГАРФ. Ф.722. Оп.1. Д.106. Л.54, 55.
[7] Там же. Л.56 об.
[8] Там же. Л.57.
[9] Там же. Л.56 об.
[10] Там же. Ф.642. Оп.1. Д.641. Л.196.
[11] Там же. Ф.722. Оп.1. Д.106. Л.58.
[12] Там же.
[13] Там же. Ф.642. Оп.1. Д.641. Л.195 06.-196.
[14] Архив автора. Копия «Дела о В. К. Николае Константиновиче» из архива Гатчинского дворца-музея. Тетрадь № 1. Л.1 об.-4 об.
[15] Архив автора. Копия «Дела о В. К. Николае Константиновиче» из архива Гатчинского дворца-музея. Тетрадь № 1. Л.6, 7, 9.
[16] ЛИР. Ф.'Тлава «Августейшего» романа» / «Аргус», 1917. № 8. С.32.
[17] Архив автора. Копия «Дела о В. К. Николае Константиновиче»… Тетрадь № 1. Л.7, 7 об., 8.
[18] ЛИР. Ф.'Тлава «Августейшего» романа» / «Аргус», 1917. № 11-12. С.38.
[19] Там же. С.48.
[20] Архив автора. Копия «Дела о В. К. Николае Константиновиче»… Тетрадь № 1. Л.8 об., 9.
[21] ГАРФ. Ф.642. Оп.1. Д.641. Л. 196 об.
[22] Там же. Ф.722. Оп.1. Д. 106. Л.78.
[23] ПСЗ за 1874 год. СПб., 1876. Т.19. С.418.
[24] РГИА. Ф.1614. Оп.1. Д.381. Л.1 об.
[25] Архив автора. Копия «Дела о В. К. Николае Константиновиче»… Тетрадь № 2. Л.56.
[26] Там же. Л.15-15 об.
[27] РГИА. Ф.1282. Оп.З. Д. 1020. Л.47.
[28] Там же. Л.49.
[29] Там же. Л.50.
[30] Архив автора. Копия «Дела о В. К. Николае Константиновиче»… Тетрадь № 2. Л.56.
[31] ГАРФ. Ф.664. Оп.1. Д.36. Л.12-15 об.
[32] ГАРФ. Ф.664. Оп.1. Д.37. Л.12-12 об.
[33] РГИА. Ф.435. Оп.1. Д.12. Л.З, 3 об., 24.
[34] Там же. Л.35.
[35] Демидов Л. Родословная рода Демидовых. Житомир, 1910. С.21.

[36] РГИА. Ф.1343. Оп.53. Д.16. Л.1.
[37] Архив автора. Копия «Дела о В. К. Николае Константиновиче»… Тетрадь № 1. Л.44 об.
[38] РГИА. Ф.1282. Оп.3. Д.1020. Л.61.
[39] Архив автора. Копия «Дела о В. К. Николае Константиновиче»… Тетрадь № 1. Л.22.
[40] ЦГА Узбекистана. Ф.40. Оп.1. Д.22. Л.11.
[41] Государственный архив Оренбургской области (далее — ГАОО). Ф.21. Оп.1. Д.7. Л.33 об.
[42] Архив автора. Копия «Дела о В. К. Николае Константиновиче»… Тетрадь № 2. Л.3 об.-4.
[43] ГАОО. Ф.21. Оп.1. Д.7. Л. 10 об.
[44] Там же. Л. 12 об.
[45] Там же. Л.13.
[46] Архив автора. Копия «Дела о В. К. Николае Константиновиче»… Тетрадь № 1. Л.54 об.-55 об.
[47] Там же. Л.51 об.
[48] Архив автора. Копия «Дела о В. К. Николае Константиновиче»… Тетрадь № 1. Л.62-62 об.
[49] Там же. Л.52.
[50] РГИА. Ф.1282. Оп.3. Д. 1023. Л.40.
[51] ГАОО. Ф.173. Оп.3. Д.4387. Доп. подшивка. Л.1.
[52] ЦГА Узбекистана. Ф.1. Оп.29. Д.442. Л. 177.
[53] Там же. Ф.40. Оп.1. Д.22. Л. 1-24.
[54] Архив автора. Копия «Дела о В. К. Николае Константиновиче»… Тетрадь № 2. Л.8 об.
[55] Там же. Л. 11 об.
[56] Там же. Л.24-24 об.
[57] Там же. Л.3
[58] РГИА. Ф.1282. Оп.3. Д. 1023. Л.5-6.
[59] Дневник Е. А. Перетца. С.55.
[60] Архив автора. Копия «Дела о В. К. Николае Константиновиче»… Тетрадь № 2. Л.50 об.
[61] РГИА. Ф.1282. Оп.3. Д.1023. Л.18-19.
[62] ЦГА Узбекистана. Ф.1. Оп.28. Д.372. Л.76.
[63] Там же. Ф.40. Оп.1. Д.22. Л.10-13.
[64] Там же. Ф.40. Оп.1. Д.32. Л.1-9.
[65] Там же. Ф.40. Оп.1. Д.22. Л.12 об.-13.
[66] К. П. Победоносцев и его корреспонденты. М.; Л., 1923. Т.1. Полутом 2-й. С.992.
[67] ЦГА Узбекистана. Ф.40. Оп.1. Д.454-а. Л.3-4.
[68] РГИА. Ф.1343. Оп.44. Д.1671. Л.1.
[69] РГИА. Ф.1343. Оп.44. Д.1672. Л.1.
[70] РГИА. Ф.435. Оп.1. Д.19. Л.1.
[71] Дневник государственного секретаря А. А. Половцева. Т.2. С.107.
[72] ЦГА Узбекистана. Ф.40 Оп.1. Д.454-а. Л.6.
[73] Там же. Ф.40. Оп.1. Д.503. Л.3-5.
[74] Там же. Ф.40. Оп.1. Д.504. Л.11.
[75] Архив автора. Сообщение Г. С. Киреевской. 15.03.1978 г.
[76] Там же. Копия письма Г. С. Киреевской от 21.05. 1978 г.
[77] Там же. Сообщение Г. С. Киреевской. 15.03.1978 г.
[78] Дрейер В. Н. На закате империи. Мадрид, 1965. С.42-44.
[79] ЦГА Узбекистана. Ф.40. Оп.1. Д.383. Л.4 об.
[80] Архив автора. Копия письма Г. С. Киреевской от 21.05.1978 г.; Сообщение Г. С. Киреевской. 15.03.1978 г.

[81] ЦГА Узбекистана. Ф.69. Оп.1. Д.61. Л.98.
[82] Дрейер В. Н. На закате империи. С.42; Архив автора. Сообщение Г. С. Киреевской. 15.03.1978 г.
[83] ЦГА Узбекистана. Ф.40. Оп.1. Д.383. Л.17.
[84] ЦГА Узбекистана. Ф.40. Оп.1. Д.454-а. Л.6-8.
[85] Almanach de St.-Petersbourg. 1913/14. P.258.
[86] Весь Петербург на 1913 год. Отд.З. С.259; Весь Петроград на 1915 год. Отд. 3. С.269.
[87] Talya. Racing up the vertical wall. («Royalty». Vol.12. № 2. P.76.)
[88] Архив автора. Сообщение Г. С. Киреевской. 15.03.1978 г.
[89] «Royalty». P.76.
[90] Искандер А., кн. Конная атака (взятие Большой Каховки) / / Военная Быль. № 60. Май 1963. С.33-35.
[91] «Royalty». P.76.
[92] Genealogisches Handbuch des Adels. 1953. Band 3. P.433.
[93] ЦГА Узбекистана. Ф.34. Оп.1. Д.190. Л.58.
[94] Там же. Ф.394. Оп.37 Д.5. Л.9.
[95] «Royalty». P.78.
[96] Архив автора. Письмо Г. С Киреевской от 22.08.1982 г.
[97] Там же.
[98] Там же. Копия письма Г. С. Киреевской от 21.05.1978 г.
[99] «Там же. Сообщение М. Я. Шагинян. Феодосия, 8.08.1976 г.
[100] Там же. Копия письма Г. С Киреевской от 21.05.1978 г.

К ПРОБЛЕМЕ ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ В РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ АСПЕКТЕ

Возникнув в России в начале 1990-х годов, проблема престолонаследия не приобрела политического характера — вопрос о восстановлении монархии не стоит на повестке дня. Он сразу же перешел в этическую плоскость — в лучшем случае вопрос можно поставить следующим образом: существует ли дом Романовых в настоящее время; если существует, то кому его возглавлять; может ли он претендовать на приход к власти в случае реставрации монархии?

Проблему престолонаследия в настоящее время нельзя также рассматривать лишь с династической точки зрения. Можно выделить по крайней мере три аспекта этой проблемы: исторический, нравственный и правовой, основанный на законах бывшей Российской империи и генеалогических материалах. Именно с этих позиций и постараемся рассмотреть этот вопрос.

Исторический аспект. Сторонники так называемой «великой княгини» Марии Владимировны и ее сына принца Георга Прусского утверждают, что нарушать волю русского народа, избравшего в 1613 г. на царствование Романовых, нельзя. Такая точка зрения не выдерживает критики. В течении 15 лет, с 1598 до 1613 г., русский народ 5 раз менял свое мнение в отношении главного лица в государстве.

Кроме того, с кончиной в 1598 г. царя Федора Ивановича род Рюриковичей не пресекся. Были князья Барятинские, Воротынские, Гагарины, Ростовские, Оболенские, Одоевские, Шаховские и др. Сам военный руководитель Второго ополчения, освободившего в октябре 1612 г. Москву,

князь Дмитрий Пожарский, был Рюриковичем, старшим из Стародубских князей. Однако в 1613 г. на русский престол была избрана новая династия, принадлежавшая к знатному русскому нетитулованному боярскому роду Романовых. Мы не будем останавливаться на вопросе, почему именно на них пал выбор. Тому были свои причины, но они не являются целью данной статьи. Отметим только, что в начале XVII в. Смута длилась всего 7 лет, и этого оказалось достаточно, чтобы пригласить на царствование новую династию. В XX столетии она затянулась почти на 8 десятилетий. И тем более непонятно, почему иностранный родственник Романовых претендует возглавить династию и Россию? Прошедшие с момента падения монархии десятилетия и социально-политические изменения, вместившиеся в них, коренным образом изменили психологию людей, их представления о нравственных ценностях. Это уже другой народ, еще в значительной степени приверженный атеизму и совершенно не готовый к такому ходу событий. Нужны долгие годы для возрождения духовных ценностей.

На наш взгляд, подобные обстоятельства не позволяют сейчас ставить вопрос о реставрации монархии и воцарении Романовых. Это понимает и «Объединение членов рода Романовых», основанное в 1979 г. за рубежом. В своем заявлении под названием «Романовы — сегодня» объединение, в частности, отмечает: «Важно подчеркнуть, что князья дома Романовых соглашаются о нужде не выдвигать в эти времена никаких династических претензий, считая, что этот вопрос может быть решен только в будущем волей русского народа».

Нравственный аспект. Император еще не подписал акт об отречении, но отдельные части петроградского гарнизона уже двигались к Таврическому дворцу, где «присягали» Временному комитету Государственной думы. В числе этих частей был и Гвардейский экипаж во главе со своим командиром великим князем Кириллом Владимировичем, двоюродным братом государя. Мы не будем опускаться до уровня бытового спора, был ли великий князь при этом с красным бантом и шел ли он под красным флагом или нет. Это не имеет, на наш взгляд, никакого значения.

Главное, на чем следует остановиться, это на расстановке сил в Таврическом дворце. В нем в те дни обозначились два течения: 1) одни хотели сохранить идею закономерной перемены власти с сохранением легитимной монархии;

2) другие — провозгласить немедленно низложение династии. Появление великого князя Кирилла Владимировича, занимавшего третье место в системе престолонаследия (после цесаревича Алексея и великого князя Михаила Александровича), у Таврического дворца было понято как отказ императорской фамилии от борьбы за свои прерогативы и как признание ею факта революции. Это впечатление было вскоре усилено появлением в печати интервью с Кириллом Владимировичем, начинавшегося словами: «Мой дворник и я, мы одинаково видели, что со старым правительством Россия потеряет все», и кончавшегося заявлением, что великий князь доволен быть свободным гражданином[1].

Вероятно, такая позиция Кирилла Владимировича повлияла на решение великого князя Михаила Александровича отказаться от прав на престол не в его пользу, а в пользу Учредительного собрания. Поэтому объявление Кириллом Владимировичем себя в 1924 г. в эмиграции императором является по существу безнравственным актом.

Такое поведение Кирилла Владимировича не случайно. По крайней мере еще один раз он поставил под удар династию в наиболее сложный период истории России. Это случилось в октябре 1905 г., когда он, ослушавшись предостережения Николая II и нарушив законы православной церкви и государственные законы, женился на своей двоюродной сестре Виктории Мелите, урожденной принцессе Саксен-Кобург-Готской (в первом браке великая герцогиня Гессенская)[2]. За этот поступок он был исключен из службы, ему был воспрещен въезд в Россию и прекращен отпуск причитавшегося денежного капитала[3].

Для разрешения создавшейся ситуации Николай II назначил два совещания. Первое, в декабре 1903 г. (П. А. Столыпин — председатель, В. Б. Фредерикс, И. Г. Щегловитов, А. П. Извольский, П. П. Извольский)[4], рассмотрело вопрос о возможности признания брака и решения участи будущих детей. Совещание единогласно констатировало нарушение великим князем 54-го правила шестого Вселенского Константинопольского Трульского собора[5], подтвержденного указами Св. Синода 1810 и 1885 гг., согласно которым подобные браки воспрещались как противные «самой природе человека»[6]. Совещание заключило, что «брак . по действующим в Российской империи законам должен почитаться как бы несуществующим»[7], а дети, рожденные от этого брака, «должны почитаться внебрачными»[8]. Совещание рекомендовало Николаю II, во-первых, не признавать брак; во-вторых, великому князю усыновить (а не узаконить) возможное потомство, в результате чего потомству предоставлялось право наследовать лишь благоприобретенное имущество усыновителя[9], и, в-третьих, положение будущих детей определить в каждом отдельном случае в именных высочайших указах с означением в них всех прав каждого ребенка, равно как и почетного титула[10].

А. П. Извольский придерживался в этом вопросе несколько иного мнения. Он, в частности, считал, что детям великого князя Кирилла Владимировича можно пожаловать полагавшийся им титул князей императорской крови как правнукам императора, «но, конечно, без прав на престолонаследие»[11].

Рассмотрев журнал Совещания, Николай II написал на нем следующую резолюцию: «Признать брак вел. кн. Кирилла Владимировича я не могу. Великий князь и могущее произойти от него потомство лишаются прав на престолонаследие. В заботливости своей об участи потомства великого князя Кирилла Владимировича, в случае рождения у него детей, дарую сим последним фамилию князей Кирилловских, с титулом светлости и с отпуском на каждого из них из уделов на их воспитание и содержание по 12.500 руб. в год до достижения гражданского совершеннолетия»[12].

Второе совещание, в январе 1907 г. (Э. В. Фриш — председатель, П. А. Столыпин, В. Б. Фредерикс, И. Г. Щегловитов, А. П. Извольский, И. Я. Голубев, граф К. И. Пален, барон Ю. А. Икскуль фон Гильденбанд, барон А. А. Будберг)[13], рассмотрело вопрос о лишении Кирилла Владимировича прав престолонаследия. Оно единогласно констатировало, что великий князь нарушил закон и его следует лишить этого права[14]. Мнения разделились лишь в отношении юридических способов оформления этого акта.

Одна группа (Э. В. Фриш, И. Я. Голубев, граф К. И. Пален, А. П. Извольский, барон Ю. А. Икскуль фон Гильденбанд) считала, что Кирилл Владимирович должен добровольно отречься от прав наследования престола с обнародованием этого заявления с целью исключения повторения событий 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади[15].

Вторая группа (П. А. Столыпин, В. Б. Фредерикс, И. Г. Щегловитов, барон А. А. Будберг) полагала, что специального акта добровольного отречения великого князя получать и тем более обнародовать не следует, учитывая чрезвычайно зыбкую внутриполитическую обстановку в стране. Члены этой группы считали, что высочайшая резолюция на журнале Совещания 4 декабря 1906 г., которою Кирилл Владимирович лишался прав престолонаследия, приобрела силу закона сразу же, как только была начертана рукою государя. «Такое высочайшее признание утраты его императорским высочеством принадлежащего ему по рождению права на наследие престола, — писали они,— является естественным и необходимым последствием совершенного (им. — Р. К.) поступка». Далее они отметили, что это вытекает из прямого смысла ст. 64 основных государственных законов, в силу которой император является верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры. Следовательно, императором никогда не сможет стать член династии, нарушивший закон и канонические правила православной церкви, «защита и хранение догматов коей составляет высокую, сопряженную с императорским саном, обязанность»[16].

Новая высочайшая резолюция на этом журнале Совещания не последовала. Можно лишь догадываться, какая борьба шла за кулисами официальной жизни политического руководства страны в течение пяти с половиной месяцев. Кирилл Владимирович отказался добровольно отречься от прав наследования престола и возражал против присвоения его потомству титула князей Кирилловских.

Наконец, 15 июля 1907 г. последовал долгожданный указ. Этот интересный документ начинался словами: «Снисходя к просьбе любезного дяди нашего… великого князя Владимира Александровича, всемилостивейше повелеваем…» и далее шли слова, смысл которых сводился к признанию брака, родившейся к тому времени дочери Марии и к присвоению ей и матери соответствующих их положению титулов[17].

Обращает внимание вступительная часть указа («Снисходя к просьбе любезного дяди нашего») в соединении с последующими конкретными формулировками. Никогда еще правовой акт, касающийся вопроса пре-

столонаследия, не обосновывался столь приватной причиной. Например, в законе Павла I о престолонаследии, в манифесте Александра I об отречении великого князя Константина Павловича и других подобных документах все последующие положения обосновывались любовью к отечеству или заботою о его спокойствии и благосостоянии «после нас». Здесь же причиной указа (сенатского, а не всенародного манифеста) являлось уважение просьбы дяди.

Теперь следует вернуться к резолюции Николая II на журнале Совещания 4 декабря 1906 г. Она содержит три положения: 1) отказ в признании брака Кирилла Владимировича; 2) отрешение Кирилла Владимировича и его потомства от прав на престолонаследие; и 3) присвоение его потомству титула светлейших князей Кирилловских. В сенатском указе от 15 июля 1907 г. мы находим лишь два положения:

1) признание брака и 2) дарование дочери титула княжны императорской крови как правнучке императора. Но ни в этом указе и ни в каком другом Николай II не изменил и не отменил положения о лишении их всех прав на престолонаследие.

Поэтому ни о каком прощении Кирилла Владимировича говорить не приходится. Да и странное это было бы прощение, когда третьему лицу в порядке наследования престола по-прежнему был запрещен въезд в Россию. Он вернулся на родину только после смерти своего отца, в феврале 1909 г.

И, наконец, последний вопрос этого аспекта. Княжна Мария Владимировна, внучка великого князя Кирилла Владимировича, в 1976 г. вышла замуж за принца Франца Вильгельма Гогенцоллерна, внука пятого, младшего, сына последнего германского императора Вильгельма II. Тем самым она породнилась с династией, развязавшей первую мировую войну и сыгравшей роковую роль в судьбе России и правящей династии. Поэтому родство претендентов на российскую корону с этой династией и возможность восшествия на российский престол одного из ее представителей не могут способствовать политическому умиротворению в стране и сплочению народа вокруг символа русской государственности. И если этот вопрос не всплывет сейчас, то в будущем он проявится обязательно.

Следовательно, если руководствоваться нравственными нормами, то нынешние претенденты им не соответствуют.

Правовой аспект. Первым российским императором, положившим конец чехарде военных переворотов и возведения на престол женщин в результате борьбы различных политических сил, был Павел I, разработавший и внедривший в правосознание подданных закон о престолонаследии. В дальнейшем этот закон не претерпел кардинальных изменений, но со временем редактировался. Последняя его редакция была проведена в 1906 г.

Закон о престолонаследии находился в тесной взаимосвязи с Учреждением об императорской фамилии, разработанным также Павлом I и являвшимся составной частью государственных законов. В течение XIX

и начала XX века оно неоднократно дополнялось и корректировалось. Последние коррективы, повлиявшие на закон о престолонаследии, были сделаны в 1911 г.

В России была принята следующая система престолонаследия: наследование по закону (ст. 25—39 Свода законов (СЗ) Российской империи издания 1906 г.) — претендент происходит от равнородного брака (ст. 126 и 188 СЗ) — престол наследует мужчина (ст. 27—29 СЗ) — в случае пресечения мужского потомства престол наследует женщина (ст. 27 СЗ). Далее закон предусматривает три варианта наследования престола женщинами (ст. 30—33 СЗ)[18].

Прежде чем применить закон о престолонаследии к нынешним претендентам, рассмотрим, в каком соотношении они находятся с царствовавшей в России до 1917 г. династией. Отсчет потомства начнем с Павла I, которого можно принять за императора-родоначальника (у него не было братьев и сестер, а следовательно, не было и боковых линий его рода).

После смерти Павла I престол в соответствии с законом занял его старший сын Александр Павлович. В результате ряда правовых актов наследником престола в 1823 г. был утвержден брат последнего великий князь Николай Павлович, ставший в 1825 г. императором Николаем I. От его четырех сыновей Александра, Константина, Николая и Михаила Николаевичей пошли четыре линии династии, вошедшие в историю под условным названием царствующей линии, Константиновичей, Николаевичей и Михайловичей.

Его сын император Александр II от двух своих сыновей Владимира и Павла Александровичей образовал еще две дополнительные ветви — Владимировичей и Павловичей. Таким образом, в случае пресечения царствовавшей линии в соответствии со ст. 28 и 29 СЗ право на престол последовательно имели Владимировичи, затем Павловичи, Константиновичи, Николаевичи и Михайловичи[19].

Мужское потомство Александра III пресеклось, а с ним пресеклась царствовавшая линия. Тогда по ст. 29 СЗ престол должен перейти «в род второго сына императора и в его мужское поколение», т.е. в данном случае в род великого князя Владимира Александровича, второго сына Александра II. У великого князя Владимира Александровича было три сына: Кирилл, Борис и Андрей Владимировичи. Двое последних женились морганатическими браками и из рассмотрения исключаются[20].

Великий князь Кирилл Владимирович (1876—1938) от брака с великой княгиней Викторией Федоровной (1876—1936) имел двух дочерей— Марию и Киру и сына Владимира Кирилловича (1917—1992), который в соответствии со ст. 147 СЗ должен был носить титул князя императорской крови как правнук императора[21]. Однако он был возведен в великокняжеское достоинство своим отцом, объявившим себя в эмиграции императором Кириллом I.

Владимир Кириллович в 1948 г. женился на Леониде Георгиевне, урожденной княжне Багратиои-Мухранской, в первом браке г-же Кёрби. От этого союза родился единственный ребенок — дочь Мария Владимировна,

которая в случае, если брак равнородный, в соответствии со ст. 147 и 148 СЗ должна считаться княжною императорской крови и как праправнучка императора титуловаться «светлостью», а не «высочеством»[22]. Однако Владимир Кириллович, присвоивший себе после смерти отца права главы династии, возвел жену и дочь в великокняжеские достоинства. Пытаясь закрепить за своим потомством права на будущий российский престол, он пошел даже дальше.

В 1976 г. его дочь выходит замуж за принца Франца Вильгельма Прусского из династии Гогенцоллернов. Последний принимает православие, имя Михаила Павловича и ему «жалуется» титул великого князя. Родившемуся от этого брака в 1981 г. принцу Георгу Прусскому тоже «жалуется» подобный титул. Между прочим, после развода в 1986 г. с Марией Владимировной «великий князь Михаил Павлович» вернулся обратно в лоно протестантской церкви и вернул себе свое родовое имя и титул.

В этой связи следует сказать несколько слов о законотворческой деятельности Кирилла Владимировича и Владимира Кирилловича. Вследствие того, что члены династии в силу известных причин не могли подобрать себе в эмиграции равнородных партнеров по браку, все они женились морганатическими браками. Этим воспользовались претенденты на российский престол. Потомству великих князей Павла Александровича, Николая Николаевича старшего и Михаила Николаевича, происшедшему от морганатических браков их сыновей и внуков, они стали присваивать княжеские титулы с различными модификациями и производными от фамилии Романовых. Так появились князья Романовские-Ильинские, Романовские-Красинские, Романовские-Кутузовы и целая серия просто князей Романовских. Здесь явно просматривается тенденция приблизить к возможному престолу свое потомство и отсечь от него других представителей династии. Насколько правомерны были эти акты со стороны Кирилла Владимировича и его сына?

Закон о престолонаследии, Учреждение об императорской фамилии, прежде чем стать законными актами, проходили длительный период составления их целой армией юристов, обсуждения и согласования различными министерствами и комиссиями Государственного совета, а потом уже представлялись на утверждение императору. Они являлись неотъемлемой частью государственных законов империи, менять которые частные лица, каковыми были Кирилл Владимирович и Владимир Кириллович, не имели права[23]. Тем более, что Российской империи как субъекта международного права более не существовало.

Здесь также уместно заметить, что после кончины князей Гавриила Константиновича (1951 г.) и Владимира Кирилловича (1992 г.) из 6 образовавшихся в прошлом столетии линий и ветвей Романовых осталось 3: *Павловичи, Николаевичи и Михайловичи.* В соответствии со ст. 28 и 29 СЗ главой дома Романовых и претендентом на российский престол должен быть американский бизнесмен Пол. Р. Ильинский (князь Павел Дмитриевич), единственный сын великого князя Дмитрия Павловича.

Однако он лишь номинально может считаться главой фамилии, так как не вмешивается в династические споры, считает себя стопроцентным американцем и «не собирается быть претендентом»[24].

В связи с этим в 1979 г. было основано «Объединение членов рода Романовых» для укрепления связей между членами семьи. Председателем комитета Объединения и фактическим главой дома Романовых стал князь Николай Романович, правнук великого князя Николая Николаевича старшего, следующий по старшинству после князя Павла Дмитриевича член фамилии.

Вместе с тем следует рассмотреть вопрос, насколько брак Владимира Кирилловича и его потомство соответствуют ст. 36 и 188 СЗ Российской империи[25].

Жена Владимира Кирилловича происходит из старинной грузинской княжеской фамилии Багратион-Мухранских, являющейся одной из линий династии Багратидов. Кто же такие Багратиды вообще и Багратион-Мухранские в частности?

Существуют три версии происхождения этой династии, причем две из них указывают на ее древнееврейское происхождение: от армянского рода Багратуни и от грузинской царской династии Гуарамидов, одинаково возводивших себя к царю Давиду Израильскому. По третьей версии Багратиды происходят от династов княжества Спэр на тогдашней армяно-грузинской границе[26].

На иудейскую версию происхождения Багратидов наталкивает антропонимика древнееврейского имени Шамбат. Согласно преданиям, армянский царевич Храчья попросил ассирийского царя Навуходоносора II, покорившего в VI в. до н. э. Иудею, «отпустить к нему одного пленного из знатных иудеев по имени Шамбата»[27]. Он и стал якобы в Армении родоначальником рода Багратуни. В древнем армянском царстве Багратуни достигли высокого положения. Их имя Шамбат сначала изменилось на Шамба, а впоследствии — на Сёмбат.

В VIII в. н. э. один из них прибыл в Грузию и уже в конце X — начале XI в. Баграт III был царем Иверии и Имеретии. В Грузии их имя Сёмбат изменилось на Сумбат, а родовое прозвище Багратуни — на Багратидов. Наивысший расцвет династии приходится на XIV век, когда Баграт V Великий объединил Карталинию, Кахетию и Имеретию в единое государство и стал называться царем Грузии. При его внуках и правнуках грузинское государство распалось на три царства: Карталинское, Кахетинское и Имеретинское, в каждом из которых закрепилась соответствующая линия Багратидов. Кроме того, Карталинская линия разделилась на две ветви — царствующую и нецарствующую, мухранскую.

В 1724 г. карталинский царь Вахтанг VI покинул свою родину и с семьей перебрался в Россию. Эта линия на момент присоединения Грузии к России не была царствующей. Его царство было присоединено к Кахетии. В 1801 г. это объединенное государство вошло в состав Российской империи. Имеретинское царство было присоединено позднее — в 1810 г.

После присоединения Грузии к России встал вопрос: что делать с Багратидами. Первым делом все они были переселены в Россию, в результате чего дворянское сословие империи пополнилось новыми титулованными фамилиями. Кахетинской и Имеретинской линиями Багратидов, как царствовавшим на момент присоединения Грузии к России, были пожалованы соответственно титулы светлейших князей Грузинских и Багратион-Имеретинских[28].

Бывшей царственной ветви старшей Карталинской линии как не царствовавшей на момент присоединения был пожалован титул просто князей Грузинских[29]. Младшей, Мухранской, ветви Карталинской линии как нецарственной был пожалован титул князей Багратион-Мухранских с занесением их в пятую часть дворянской родословной книги[30].

Исчезли грузинские царства[31], с ними исчезли и три когда-то царствовавшие династии. В результате брачных союзов они растворились среди других российских дворянских фамилий и потеряли династическое право претендовать на какой-либо престол.

Леонида Георгиевна, вдова князя Владимира Кирилловича, принадлежит к младшей, мухранской, ветви Карталинской линии Багратидов Ее отцом был не имевший чина бывший уездный предводитель дворянства князь Георгий Александрович Багратион-Мухранский; матерью — Елена Сигизмундовна Злотницкая, происходившая из польской шляхты. Благодаря своим родителям Леонида Георгиевна находится в родстве с такими российскими дворянскими фамилиями, как князья Эристовы, графы Лорис-Меликовы, Гессены, Головачевы и др. Но нет среди них ни одного представителя какой-либо царствующей фамилии. Никто из ее предков князей Багратион-Мухранских не занимал никакого трона. Следовательно, брак князя Владимира Кирилловича с Леонидой Георгиевной был морганатическим.

Об этом свидетельствует и такой факт. Романовы не роднились с Багратидами ни, когда последние были царствующим родом, ни тем более после того, как они стали российским дворянским родом. На подданных представителям императорской фамилии жениться и выходить замуж запрещалось. Единственное исключение было сделано в 1911 г., когда княжна Татьяна Константиновна, дочь великого князя Константина Константиновича, решила выйти замуж за князя Константина Александровича Багратион-Мухранокого, троюродного брата отца Леониды Георгиевны. Этот брак был воспринят царствующей фамилией как морганатический. Николай II разрешил этот брак, но предварительно произвел корректировку закона. В частности, было изменено примечание к ст. 188 СЗ, запрещавшее вступать в морганатические браки всем членам императорской фамилии. После изменения запрет распространялся только на великих князей и княжен, т.е. на сыновей, дочерей и внуков императора[32]. Таким образом, государь отсек великих князей и княжен от князей и княжен императорской крови, разрешив последним вступать в морганатические браки. Но вступив в них, они сразу же подпадали под

действие самой ст. 188, согласно которой они не могли сообщить своему потомству «прав, принадлежащих членам императорской фамилии».

Это еще раз подтверждает, что брак Владимира Кирилловича и Леониды Георгиевны морганатический, а их дочь Мария Владимировна не имеет прав, принадлежащих членам императорской фамилии, т.е. она не только не имеет никаких прав на наследование российской короны, но не имеет даже права носить титул княгини императорской крови. Отсюда следует, что Мария Владимировна и ее сын принц Георг Прусский не имеют никаких преимуществ перед остальными членами дома Романовых, происшедшими от морганатических браков в эмиграции. Последние даже имеют преимущество перед ее сыном, потому что по прямым мужским линиям происходят от императоров Александра II (линия Павловичей) и Николая I (линии Николаевичей и Михайловичей) и по крови являются Романовыми.

В своем заявлении «Романовы — сегодня» «Объединение членов рода Романовых» сообщает: «Княгиня Мария Владимировна . . . член дома Романовых, но не его глава, как она часто заявляет. Ее сын, принц Георг, член дома Гогенцоллернов, а не дома Романовых». И с этим трудно не согласиться.

Какие же выводы можно сделать из сказанного? На наш взгляд, они следующие.

1) Русский народ в основе своей еще значительно атеистичен и не готов вследствие этого к монархической форме правления.

2) В соответствии с законодательством бывшей Российской империи никто из представителей дома Романовых не может в настоящее время претендовать на российский престол.

3) Дом Романовых существует в эмиграции, и его главою является князь Николай Романович.

4) Великий князь Кирилл Владимирович и его потомство правовым актом Николая II от 15 января 1907 г. были лишены прав на престолонаследие.

5) Так называемая «законотворческая» деятельность великого князя Кирилла Владимировича и его сына в эмиграции в отношении своей семьи и династии в целом незаконна, так как проводилась в нарушение законов бывшей Российской империи, от имени которых она провозглашалась.

6) Брак князя Владимира Кирилловича с Леонидой Георгиевной Багратион-Мухранской морганатический, вследствие чего он не может передать своей дочери прав, принадлежащих членам императорской фамилии.

7) В случае воцарения сына Марии Владимировны принца Георга Прусского в России начнет царствовать династия Гогенцоллернов.

Отсюда следует, по нашему мнению, что ни с исторической, ни с нравственной, ни с правовой точек зрения нынешние претенденты не имеют никаких законных оснований претендовать на российский престол.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Половцов П. Дни затмения. Париж, [б. г.]. С. 17—18. — П. Половцов отмечает далее, что «про разговоры, якобы имевшие место между великим князем и Родзянко, по Думе ходили целые легенды» (с. 18).

[2] В своем письме от 26.02.1903 г. Николай II, в частности, писал вел. кн. Кириллу Владимировичу: «Ведь ты хорошо знаешь, что ни церковными установлениями, ни нашим фамильным законом браки между двоюродными братьями и сестрами не разрешаются. Ни в каком случае и ни для кого я не сделаю исключения из существующих правил, до членов императорской фамилии касающихся.

Пишу тебе с тою целью, чтобы тебе был вполне ясен мой взгляд.

Искренно советую тебе покончить с этим делом, объяснив письменно, что я безусловно запрещаю тебе жениться на ней.

Если же тем не менее ты настоял бы на своем и вступил бы в незаконный брак, то предупреждаю, что я лишу тебя всего — даже великокняжеского звания» (ГАРФ. Ф. 655. Оп. 1. Ед. хр. 2900. Л. 2—2 об).

Вступив в этот брак, вел. кн. Кирилл Владимирович нарушил ст. 183 государственных законов, согласно которой «на брак каждого лица императорского дома необходимо соизволение царствующего императора, и брак, без соизволения сего совершенный, законным не признается» (Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1. Свод основных государственных законов. Издание 1906. СПб., С 38; далее при ссылке — СЗ).

[3] РГИА. Ф. 468. Оп. 46. Ед. хр. 14. Л. 2 об.—Впоследствии, 29.01.1906 г., Николай II распорядился «отпускать великому князю Кириллу Владимировичу ежегодно из уделов по 100 тысяч рублей, из остальной же части бывшего содержания его высочества составлять капитал для могущего произойти от него потомства» (л. 2 об. — 3).

[4] П. А. Столыпин — председатель Совета Министров; В. Б. Фредерикс — министр императорского двора; И. Г. Щегловитов — министр юстиции; А. П. Извольский — министр иностранных дел; П. П. Извольский — обер-прокурор Св. Синода.

[5] Собор, проходивший в 691 или 692 гг. и вошедший в историю под именем Трульского (по названию зала, где проходили заседания), находится в тесной связи с шестым Вселенским собором (680 г.). На нем в дополнение к решениям пятого и шестого соборов составлены правила (всего 102 правила) относительно положения церкви в государстве и приняты постановления о христианской жизни.

[6] РГИА. Ф. 468. Оп. 46. Ед. хр. 14. Л. 4.

[7] Там же. Л. 6.

[8] Там же Л. 6 об.

[9] Там же. Л. 3 об., 4, 7, 9 об.

[10] Там же. Л. 9 об.

[11] Там же. Л. 8.

[12] Там же. Л. 2.

[13] Э. В. Фриш—председатель Государственного совета; И. Я- Голубев — вице-председатель Государственного совета; граф К. И. Пален — статс-секретарь, член Государственного совета; барон Ю. А. Икскуль фон Гильденбанд — статс-секретарь, секретарь Государственного совета; барон А. А. Будберг — главноуправляющий Канцелярией по принятию прошений, статс-секретарь.

[14] ГАРФ. Ф. 655. Оп. 1. Ед. хр. 2909. Л. 46.

[15] Там же. Л. 46 об.

[16] Там же Л. 41 об.— 42.

[17] РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Ед. хр. 961. Л. 5.

[18] Во-первых, императрицей становится женщина, являющаяся ближайшей родственницей последнего императора, но после нее преимущество опять отдается мужчине (ст. 30

СЗ). Во-вторых, по пресечении предыдущего рода престол переходит в поколение старшей дочери старшего сына императора-родоначальника, с предпочтением впоследствии опять же «мужского пола женскому» (ст. 31 СЗ). По пресечении этой линии престол переходит подобным образом в женский род прочих сыновей императора-родоначальника (ст. 32 СЗ). В-третьих, по пресечении этих линий престол переходит «в род старшей дочери императора-родоначальника, в мужское ее поколение, следуя порядку, установленному в женских поколениях сыновей императора» (ст. 32 СЗ). «По пресечении поколений мужского и женского старшей дочери императора-родоначальника наследство переходит к поколению мужскому, а потом женскому второй дочери императора-родоначальника, и так далее» (с. 33 СЗ).

[19] Ст. 28: «. .наследие престола принадлежит прежде всех старшему сыну царствующего императора, а по нем всему его мужскому поколению».

Ст. 29: «По пресечении сего мужского поколения наследство переходит в род второго сына императора и в его мужское поколение; по пресечению же второго мужского поколения наследство переходит в род третьего сына и так далее» (СЗ, с. 9).

[20] Морганатический брак (фр. mariage morganatique) — неравнородный брак. В соответствии со ст. 188 СЗ «лицо императорской фамилии, вступившее в брачный союз с лицом, не имеющим соответственного достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому царствующему или владетельному дому, не может сообщить ни оному, ни потомству, от брака сего произойти могущему, прав, принадлежащих членам императорской фамилии» (СЗ, с. 39).

[21] Ст. 147: «Титул высочестза, князя и княжны крови императорской принадлежит правнукам императора, от мужского поколения происшедшим, а в роде каждого правнука титул высочества принадлежит только старшему сыну и его старшим, по праву первородства, потомкам мужского пола и поколения» (СЗ, с. 31).

[22] Ст. 148: «Титул светлости, князя и княжны крови императорской присваивается от младших детей правнука всем последующим родам, в мужском поколении от императорской крови происшедшим» (СЗ, с. 31).

[23] Ст. 7: «Государь император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным советом и Государственною думою» (СЗ, с. 6).

Ст. 8: «Государю императору принадлежит почин по всем предметам законодательства. Единственно по его почину Основные Государственные законы могут подлежать пересмотру в Государственном совете и Государственной думе» (СЗ, с. 6).

Ст. 9: «Государь император утверждает законы и без его утверждения никакой закон не может иметь своего совершения» (СЗ, с. 6).

Ст. 19: «Государь император жалует титулы, ордена и другие государственные отличия, а также права состояния. Им же непосредственно определяются условия и порядок пожалования титулов, орденов и отличий» (СЗ, с. 7).

Ст. 86: «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы и восприять силу без утверждения государя императора» (СЗ, с. 20).

[24] Скотт, Стаффан. Романовы. Екатеринбург, 1993. С. 294.

[25] Ст. 36: «Дети, происшедшие от брачного союза лица императорской фамилии с лицом, не имеющим соответственного достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому царствующему или владетельному дому, ча наследование престола прав не имеют» (СЗ, с. 10).

[26] Туманов К. Л. Князья Багратион-Мухранские Родословие // Новик. Нью-Йорк, 1951. Отд. 2. С. 1—2.

[27] Аба за В. А. История Армении. СПб., 1888. С. 29.

[28] Списки титулованным родам и лицам Российской империи. Изд. Департамента Герольдии Правительствующего Сената. СПб., 1892. С. 31—32, 11.

[29] Там же. С. 32.

[30] Там же. С. 12.

[31] После завоевания Кавказа в соответствии с новым административным делением он

был выделен в особую административную единицу, в состав которой входило 10 губерний, поделивших между собой не только бывшие грузинские царства, по и такие государственные образования, как Карабахское, Ганджинское, Шекильское, Ширванское ханства и бывшие армянские провинции Ирана, завоеванные Россией.

[32] Примечание к ст. 188 до корректировки: «Впредь никто из членов императорской фамилии не может вступать в брак с лицом, не имеющим соответственного достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому царствующему или владетельному дому» (СЗ, с. 39).

После корректировки 11.08.1911 г.: «Впредь никто из великих князей и великих княжен не может вступать в брак с лицом, не имеющим соответственного достоинства.» и далее по тексту (СЗ. Продолжение 1912 г.).

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЙ ЗАСЛОН НА ПУТИ К САМОЗВАНСТВУ

Одно из явлений нашего времени — широкое распространение самозванства. Появились претенденты на дворянское достоинство, лжеграфы и лжекнязья. Причем это явление коснулось не только нашей страны. Оно захватило страны бывшего Восточного блока и Западной Европы. Так, мне известен некий г-н Николаус Георг Ланге, арендатор кабака в одной из деревень Баварии, который именует себя громким титулом «Князь Российский», не смущаясь тем, что такого титула в природе не существует - так чисто условно западные специалисты по генеалогии называют представителей бывшей Российской Императорской фамилии. В Германии же объявился некий «Князь Александр Андреевич Бухгаммер», уроженец Воркуты. В Вене процветает глава Международного Союза Св. Константина Великого некий Войтек Адальберт, присоединивший себя к древнему мадьярскому княжескому роду Эстергази и открывший в Москве российское отделение этого Союза. Перечень можно продолжать и далее.

Но этим проходимцы не ограничились. Если раньше партийные инстанции и некоторые архивы были атакованы так называемыми потомками Владимира Ильича Ленина, то в настоящее время ситуация резко изменилась. Появились претенденты на родство с расстрелянной царской семьей. Это и безымянный бывший партийный работник с Украины, проживающий ныне в Феодосии, объявивший себя царевичем Алексеем; это и некто Семенов, объявивший себя сыном царевича Алексея; это и семья покойного Василия Филатова, которая утверждает, что их отец на самом деле был царевичем Алексеем.

Но эти последние хотя бы желают быть всего лишь потомками царевича. Наиболее смелые из этой плеяды предъявляют свои претензии на корону бывшей Российской империи. К ним, в первую очередь, следует отнести людей фигурирующих под именами «Павел II» (Эдуард Борисович Шабадин), «Николай III (Николай Николаевич Дальский) и «Олелько II король Украины-Руси» (Алексей Бримайер). Остановимся на этих трех мистификаторах. Прежде чем это сделать, необходимо определить те критерии, на основании которых можно судить о степени правомерности притязаний этих людей и достоверности их информации.

Сразу же хотелось бы сказать, что официальная генеалогия Дома Романовых изучена достаточно основательно и никаких различных вариантов и толкований не допускает. В отношении внебрачного потомства Романовых тоже имеется полная ясность, и втиснуться в их среду претендентам достаточно сложно. Гораздо большее значение в разрешении этой проблемы имеет знание правовых вопросов, конкретнее — законов Российской империи о престолонаследии и Учреждения о Императорской фамилии. Они помогают определить, кто же является членом Императорской фамилии и кто может быть наследником престола. Здесь у так называемых претендентов наблюдается полное незнание или игнорирование правовых норм.

Начнем с Учреждения о Императорской фамилии. Согласно ст. 125 Свода основных законов издания 1906 года (последняя редакция) «Учреждение о Императорской фамилии <. . .>, сохраняя силу Законов Основных, может быть изменяемо и дополняемо только Лично Государем Императором»[1]. Из этого следует, что Учреждение о Императорской фамилии являлось составной частью государственных законов и было прерогативой верховной власти. Учреждение нормировало все сферы деятельности жизни членов Императорской фамилии: принадлежность к членам фамилии, степень родства и старшинства в доме, титулы и гербы, денежное содержание, недвижимое имущество, гражданские права и обязанности членов императорской фамилии.

В связи с возникшей проблемой самозванства в первую очередь нас могут интересовать две статьи Свода основных законов: 126-я и 188-я. Согласно первой из них: «Все лица, происшедшие от Императорской Крови в законном, дозволенном царствующим Императором браке, с лицом соответственного по происхождению достоинства, признаются членами Императорского Дома»[2]. Согласно второй: «Лицо Императорской фамилии, вступившее в брачный союз с лицом, не имеющим соответственного достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому царствующему или владетельному дому, не может сообщить ни оному, ни потомству от брака сего произойти могущему, прав, принадлежащих членам Императорской фамилии»[3].

Теперь следует проверить трех названных выше претендентов, отвечают ли они требованиям этих двух пунктов закона. Согласно версии Эдуарда Борисовича Шабадина его прямым предком является родившийся

в 1772 г. Симеон или Семеон, сын вел. кн. Павла Петровича (будущего императора Павла I) якобы от его первого и тайного брака с княжною Варварою Ивановною Прозоровской, выданной впоследствии за Александра Васильевича Суворова. По мнению Э. Б. Шабадина, «имея старшего сына от Прозоровской, Павел I думал о том, как узаконить его в качестве наследника престола»[4]. В качестве доказательства Э. Б. Шабадин называет найденные после смерти императора материалы, «касающихсея прав наследования престола, среди которых преобладали выписки о незаконности наследования короны по женской линии»[5]. Утверждения претендента не могут не удивлять. Во-первых, Семеон Иванович Великий был внебрачным сыном Павла Петровича от вдовы Софьи Степановны Чарторыйской; во-вторых, согласно сведениям архива Морского министерства, он скончался в 1794 г. на корабле «Вангард» на Антильских островах, никогда не был женат и не оставил потомства[6] ; в-третьих, в соответствии со статьями 126 и 188 Свода основных законов он не мог быть причислен к Императорской фамилии, даже если бы был рожден от тайного брака, и, следовательно, не мог претендовать на наследование престола или же передать это право своим потомкам, если бы таковые у него были; в-четвертых, император Павел I еще в 1788 г. , когда был наследником престола, действительно разработал закон о престолонаследии, в котором предусмотрел передачу престола по мужской линии по праву первородства, а в случае ее пресечения - по женской линии (три варианта), и тогда же подписал его вместе со своею женою Марией Федоровной[7]; закон был датирован 5 апреля 1797 г. , в день коронации Павла I[8], и обеспечивал устойчивый порядок престолонаследия за законным потомством императора. В принятом тогда же Учреждении о Императорской фамилии, в частности, отмечалось: «Между сущности знаменитого состояния каждого государства, и всех прочих достоинств и выгод, твердое снование его составляющих, есть умножение фамилии Государевой; утверждение же непрерывных правил в наследии престола почтено быть должно превыше всего»[9]. Постановив отпускать императрице во время царствования ее мужа по 600 тыс. руб. в год, он тут же отмечает роль своей жены в обеспечении Императорской фамилии потомством и оговаривает для нее сумму в 1 млн. руб. «Но сие по тому, что Она советом и соглашением Своим помогла Нам утвердить на предбудущие времена тишину, спокойствие и блаженство Государства, в образе и порядке Наследства, следственно помогла утвердить судьбу и состояние родов фамилии Нашей: чем Мы Ей, как виновнице блаженства сего, и одолжены»[10]. Полагаю, этих примеров достаточно, чтобы понять, что ни Семеону Великому, ни его лжепотомку Эдуарду Шабадину места в системе рестолонаследия просто нет.

Несколько слов о так называемом Николае III. Статья Т. Белоусовой «Повивальные бабки с Лубянки», опубликованная в газете «Совершенно секретно» (1998, № 3), раскрывает причины перевоплощения бывшего младшего сержанта Советской Армии Николая Николаевича Дальского в

наследника российского престола. Оставляя в стороне практически уголовную подоплеку появления этого самозванца, по которой он вполне мог бы быть исключен из списка претендентов, проверим его на соответствие двум статьям (126 и 188) Свода основных законов. Даже если бы он был сыном царевича Алексея, то, как происшедший от неравнородного и неосвященного императором брака, г-н Н. Дальский не мог быть причислен к членам Императорского Дома и являться наследником престола.

Большего внимания заслуживает такой блистательный мистификатор, как Алексей Бримайер, бывший генерал-майор и бывший командир испанской дивизии. Мы говорим о нем в прошедшем времени, потому что он скончался в январе 1996 г. Этот человек присвоил себе целый букет титулов, состоявший из 24 наименований: вел. кн. Киевский, Черниговский, король Галицийский и Владимиро-Волынский, кн. Крымский и господарь Псковский, вел. кн. Смоленский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Львовский и Тьмутараканский, гетман и покровитель Донских и Кубанских казаков, кн. д'Анжу, Любецкий, Белостокский и Соколинский, герцог де Дураццо, председатель рода д'Анжу, герцог де Бурбон, принц де Конде, он же еще и Долгоруков-Чичков-Романов. Он не просто объявил себя претендентом на Российский престол, но и создал целую структуру из таких же проходимцев, как и он сам, в которую входит и созданный им Русский мальтийский Орден с центром в Мадриде, в числе духовных протекторов которого оказался и ничего не подозревающий Патриарх Московский и всея Руси Алексий II[11]. Как всякая искусственно вызванная к жизни функционирующая структура, потерявшая своего руководителя, она ищет законного, с ее точки зрения, продолжателя дела Алексея Бримайера. Поэтому можно предположить, что в скором времени появится или «племянник» не имевшего семьи Бримайера, или его «внебрачный отпрыск».

Насколько же были правомерны претензии претендента на столь разношерстный набор титулов. По его версии, с одной стороны, он является наследником престола существовавшего в апреле-декабре 1918 г. Украинского государства, возглавлявшегося гетманом П. Скоропадским. Последний отрекся от престола в пользу своего главнокомандующего кн. Александра Долгорукова, который и был коронован 27 декабря 1918 г. Далее все просто кн. Долгорукова расстреляли большевики, а его сын объявил себя в Румынии королем Николаем I. С другой стороны, г-н Бримайер является внуком чудом спасшейся дочери императора вел. княжны Марии Николаевны, которая вышла замуж за так называемого короля Украины Николая Долгорукова. В 1927 г. этот союз дал дочь Ольгу Беату, которая в свою очередь и в свое время родила в Заире сына Олелько, претендента на столь цветистый букет славянских титулов. Давайте разберем с генеалогической точки зрения эту часть его родословной.

Во-первых, нет таких данных, по которым П. Скоропадский отрекся от гетманского престола в пользу кн. Александра Николаевича Долгорукова. Во-вторых, последнего никто не расстреливал и он скончался в

1948 г. в возрасте 76 лет. В-третьих, его сын кн. Николай Александрович был расстрелян большевиками в Киеве 26.1.1918, т. е. еще до возникновения государства Скоропадского, и поэтому он не мог жениться на расстрелянной в Екатеринбурге великой княжне. Но так как он был необходим как связующее звено между г-ном Бримайером и сподвижником П. Скоропадского кн. Долгоруким, его просто оживили.

Теперь обратимся к другой части родословной г-на Бримайера. По его версии, он был сыном некоего Базилио, пр. д'Анжу, герцога Дураццо. Под этим именем на Западе жил Василий Алексеевич Дурасов. Но сначала несколько слов об Анжуйской династии. Как известно, она являлась младшей ветвью французской королевской династии Капетингов-Валуа-Бурбонов и правила в XIII-XIV веках в Сицилии и в XIV веке в Венгрии. Род пресекся, но оказалось, что один из его представителей, потомок герцога Дураццо, перебрался в Москву при Иване III, где его потомство стало писаться Дурасовыми. Василий Алексеевич Дурасов сумел доказать свое происхождение от герцога Дураццо, и в 1915 г. император Николай II пожаловал ему фамилию Дурасов-Дураццо-Анжуйский. На Западе он стал именоваться герцогом Дураццо. В 1947 г. Василий Дурасов, 1887 года рождения, женился на Ольге Беате, 1927 года рождения, с единственной целью, чтобы на свет появился Алексей Бримайер, он же Олелько Конголезский. Отсюда у него и титулы кн. д'Анжу, герцога де Дураццо, председателя рода д'Анжу. Теперь о титулах герцога де Бурбон, пр. де Конде. Вскоре «молодые» расстались, и в 1984 г. мать Олелько выходит замуж за Брюса Альфонсо де Бурбона, пр. де Конде, который по словам г-на Бримайера, был «прямым потомком принца Луи Хосе де Бурбон, принца де Конде». Давайте разберем с генеалогической точки зрения и эту часть версии г-на Бримайера.

Во-первых, его предполагаемый отец Василий Алексеевич Дурасов-Дураццо-Анжуйский никогда не был женат и не имел детей. Об этом свидетельствует такое авторитетное издание, как «Genealogisches Handbuch des Adels» (Генеалогический справочник дворянства), выходящий в Германии с 1951 г. Причем сведения о роде представляли в него лица, заинтересованные в публикации своих родословных. Во-вторых, «принц Луи Хосе де Бурбон, принц де Конде», на которого ссылается г-н Бримайер как на прямого предка второго мужа его матери, или «Людовик Генрих Иосиф, герцог де Бурбон, принц де Конде», как он значится в генеалогических справочниках и энциклопедиях, скончавшийся в 1830 г., был последним в роду принцев де Конде, так как его единственный сын герцог Людовик Антуан Генрих де Бурбон, герцог Энгиенский, расстрелянный в 1804 г. по приказанию Наполеона, потомства не оставил. В-третьих, по имеющимся сведениям, г-н Бримайер прежде называл себя и пр. Византийским, и пр. Хевен-Ульхер-Абеденбергским и за присвоение не принадлежащих ему титулов и фамилий, подделку документов и другие махинации привлекался к суду[12].

Как видим, лихое время рождает лихих людей, жаждущих денег и власти. За каждым из них стоят вполне конкретные люди, преследующие впол-

не корыстные цели. И мы не только не застрахованы в будущем от их появления, но просто обречены на это. Поэтому самым простым способом защиты от них и их разоблачения являются элементарные правовые знания и владение несложной генеалогической информацией.

В какой-то степени появлению самозванства способствует политика властей в отношении предполагаемого государственного устройства России. Практически первая половина 1997 года прошла под знаком усилий заменить республиканскую форму правления на монархическую. История, по-моему, еще не знала прецедента, когда бы республиканские власти всерьез говорили о восстановлении монархии. При этом власти заигрывали с периферийными родственниками Романовых, тем самым инициируя различного рода самозванцев к активной деятельности: раз им можно, то почему же нельзя нам?

В этой связи следует сказать несколько слов о Романовых. До революции они представляли собою замкнутую структуру, правовое положение которой в государстве и их права определялись Учреждением о Императорской фамилии. Положение каждого члена фамилии внутри этой структуры было строго регламентировано. Все вопросы внутренней жизни и связи с внешним миром решались через посредство специально созданного для этого Министерства императорского двора. Проникнуть внутрь этой структуры подданные, какое бы высокое положение в государстве и обществе они ни занимали, ни теоретически, ни практически не могли. Самым наглядным примером этого может служить брак имп. Александра II с княжной Е. М. Долгоруковой: самое большое, на что она могла претендовать, это на титул княгини Юрьевской, и дети, рожденные от этого брака, не стали членами Императорской фамилии со всеми вытекающими последствиями (не получили титула великих князей и не заняли никакого места в системе престолонаследия).

Время, безусловно, вносило коррективы в жизнь Императорской фамилии. Если в XIX веке было допущено только три морганатических брака (вел. кн. Константин Павлович, имп. Александр II и вел. кн. Михаил Михайлович), то за первые 17 лет XX века их было уже пять (вел. князья Павел Александрович и Михаил Александрович, вел. княгиня Ольга Александровна и княжны имп. крови Татьяна Константиновна и Ирина Александровна). И это несмотря на то, что такие браки были запрещены законом (см. примечание к 188 статье Свода основных законов). Идя в ногу со временем, император в 1911 г. откорректировал примечание к статье 188, распространив запрет на морганатические браки лишь на великих князей и княжен. Однако браки всех членов фамилии по-прежнему должны были заключаться с разрешения императора. Устои Императорской фамилии как замкнутой корпорации оставались незыблемыми: морганатические супруги и их дети не становились членами фамилии.

В соответствии с положением членов Императорской фамилии был продуман вопрос и о их общеобразовательной и специальной подготовке. Со времен императора Николая I исключалось приглашение в качестве

воспитателей случайных людей, независимо от того, были ли они зарубежными светилами (как, например, Лагарп) или местными выскочками. Общеобразовательная подготовка была направлена на расширение кругозора специальная — у наследника престола — на подготовку будущего императора, способного управлять громадной страной; у великих князей — на подготовку специалистов, готовых управлять различными военными или морскими ведомствами, причем для подготовки наследника привлекалась в основном университетская профессура, а для великих князей — преподавательский состав на уровне петербургских гимназий.

После революции вся Императорская фамилия, кроме погибших в России, оказалась за пределами своей родины. В силу известных причин, все они сочетались в эмиграции морганатическими браками. В настоящее время там живет уже три поколения Романовых, родившихся за рубежом. По сути своей они являются иностранцами и к России проявляют чисто этнический интерес. У каждого из них своя родина, все они получили стандартное западное высшее или среднее образование, у каждого из них свое занятие, и каждый из них вряд ли готов пожертвовать своим устоявшимся бытом ради сомнительной возможности вернуться на родину своих предков, которую они не знают и о которой не имеют никакого представления.

В начале марта 1917 г. , уже после отречения императора от престола, В. В. Шульгин писал: «Цари ушли. . . Они простояли на своей царской вахте триста лет И, наконец, устали. Устали и ушли, сдав свой пост другим. . . Что же теперь будет? Поблагодарив царей за их трехсотлетнюю службу России, мы взвалили на свои плечи государственное бремя. Мы будем продолжать их работу, внеся в нее изменения, соответственные ньшешним событиям»[13]. Думаю, что и нам следует поступить так же. От Романовых нам нужно уходить. Это наше прошлое. Славное прошлое, которое мы любим и уважаем, но никак не наше будущее. В настоящее время это чужие для России люди, совершенно не готовые ни по своим профессиональным качествам, ни по своему воспитанию, ни по своему общественному положению, ни, наконец, по своей подготовке к тому, чтобы возглавить такую огромную страну, переживающую глубочайший общественно-политический и экономический кризис. Если говорить о монархии, то претендента следует искать в какой-нибудь зарубежной правящей династии, где ее представители получают соответствующее своему положению воспитание, владеют правовыми знаниями, основами парламентаризма (без этого сейчас не может «работать» ни один монарх). Это исключит влияние на них различного рода проходимцев и придворных клик. А все надежды на неограниченную самодержавную монархию в России, по моему глубокому убеждению, бесперспективны. Это тем более бессмысленно, что русский народ в основе своей еще значительно атеистичен и не готов вследствие этого к монархической форме правления. В случае же торжества этой идеи к власти придут такие же деструктивные силы, что и в 1917 г. И это опять ввергнет страну в катастрофу.

В заключение несколько слов о периферийных родственниках Романовых. Я имею в виду принца Георга Прусского, его мать и бабушку. Об этом уже много сказано и написано как их сторонниками, так и противниками. На своем докладе «К проблеме престолонаследия в России в современном аспекте», и статье под тем же названием, опубликованной в России и во Франции[14], я изложил свое понимание этой проблемы. Лично я не испытываю никакой неприязни к этим людям и свою позицию, обосновываю документами, законодательными положениями и генеалогическими материалами. Проблема рассмотрена с исторической, нравственной и правовой точек зреня. Что же стоит за этими тремя положениями?

Историческая точка зрения: низложение династии не обязательно ведет к ее восстановлению через десятилетия.

Нравственная точка зрения: вел. кн. Кирилл Владимирович, во-первых, нарушил законы Церкви и Империи, женившись на своей двоюродной сестре вопреки запрету императора, в результате чего он и его потомство 1 января 1907 г. были лишены имп. Николаем II прав на престолонаследие, во-вторых, в дни Февральской революции вел. кн. Кирил Владимирович предал своего Государя.

Правовая точка зрения: во-первых, брак князя имп. крови Владимира Кирилловича с одной из представительниц российского титулованного дворянского рода (князей Багратион-Мухранских) морганатический, вследствии чего он не мог передать ни ей, ни своей дочери княжне Марии Владимировне прав, принадлежащих членам Императорской фамилии; во-вторых, законотворческая деятельность вел. кн. Кирилла Владимировича и его сына кн. Владимира Кирилловича в эмиграции в отношении закона о престолонаследии Учреждения о Императорской фамилии, касавшихся их семьи и членов Императорской фамилии и их потомков, являлась противозаконной; в-третьих, принц Гесрг Прусский, сын княгини Марии Владимировны от брака с прицем Францем Вильгельмом Прусским (внук пятого, младшего сына германского императора Вильгельма II) является членом Прусского королевского дом.

Вследствие этого принц Георг Прусский не имеет ни династических ни юридических прав на наследование российской короны.

Какие же выводы можно сделать из всего сказанного?

1) Самозванство как явление сопутствует дворянскому и монархическому движениям в России.
2) Разоблачению самозванства способствует владение правовыми и законодательными нормами бывшей Российской империи и генеалогическими материалами.
3) Дом Романовых как союз однофамильцев, объединенных единством происхождения, существует в эмиграции, и его главою является князь Николай Романович.
4) Российская Императорская фамилия более не существует.
5) В соответствии с законодательством бывшей Российской империи

никто из представителей Дома Романовых не может в настоящее время претендовать на российский престол.

6) Вел. кн. Кирилл Владимирович и его потомство в лице князя имп. крови Владимира Кирилловича были лишены императором Николаем II прав на престолонаследие.

7) В случае воцарения сына Марии Владимировны принца Георга Прусского в России начнет царствовать династия Гогенцоллернов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Свод Законов Российской Империи. Т. I, часть 1. Свод основных Государственных Законов. СПб. , 1906. С. 27.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 39.

[4] Чудеса и приключения. 1994. № 2. С. 7.

[5] Там же.

[6] Дм. Кобеко. Цесаревич Павел Петрович. СПб. , 1887. С. 67, 68-69.

[7] Наследование Российского Императорского престола. Составлена под редакцией Высокопреосвященнейшего Антония, Архиепископа Лос-Анжелосского и Южно-Калифорнийского. Bridgeport,. 1984. С. 15.

[8] ПСЗ, т. XXIV. СПб. , 1830. Ст. 17910.

[9] Там же. Ст. 17906.

[10] Там же.

[11] S. A. R. Alexis de Anjou de Borbon-Conde. La verdadera Historia de los Caballeros de San Juan. Madrid, 1990. P. 144.

[12] В. П. Доводы королей // Новое русское слово, сентябрь 1992.

[13] Шульгин В. В. «1917-1919» // Лица 1994. № 5. С. 133.

[14] Красюков Р. Г. К проблеме престолонаследия в России в современном аспекте // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. № 9. 1996. Выпуск 2. С. 9-12;

Принятые сокращения

ад. – адъютант
адм. – адмирал
А. Н. – Академия наук
А. Х. – Академия художеств
бар. – барон
вел. – великий
Высоч. – Высочайший, Высочество
гв. – гвардейский
ген. – генерал
гос. – государственный
гр. – граф, графиня
губ. – губерния
Д. Г. – Департамент герольдии
Д. Д. С. – Дворянское депутатское собрание
див. – дивизия
д. р. к. – дворянская родословная книга
действ. – действительный
ЕИВ – Его (Ее) императорское величество
им. – имение
имп. – император, императрица, императорский
кав. – кавалер
кап. – капитан
кн. – князь
кнг. – княгиня
кнж. – княжна
Л. – Ленинград
л.-гв. – лейб-гвардия
М. – Москва
О. Г. – «Общий гербовник»
оп. – опись
опр. – определение
орд. – орден
п. – полк
с. – село
св. – святой; светлейший
ст. сов. – статский советник
тайн. сов. – тайный советник
у. – уезд
у. п. д. – уездный предводитель дворянства
ур. – урожденная
ф. – фонд
фл.-ад. – флигель-адъютант
шт.-кап. – штабс-капитан
шт.-ротм. – штабс-ротмистр
яз. – язык

Условные обозначения в поколенных росписях

***** рождение
x брак
+ смерть
□ захоронение

Содержание

Р. Г. Красюков

Генеалогические миниатюры

Составитель:	Р. Г. Красюков
Верстка:	С. Р. Красюков
Дизайн обложки:	К. В. Артюхов и С. Р. Красюков